ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ АРХИВЪ“ 1889 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

12.

Приложена геліогравюра: Въѣздъ князя А. И. Барятинскаго въ Тифлисъ въ Ноябрѣ 1856 года.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1888.

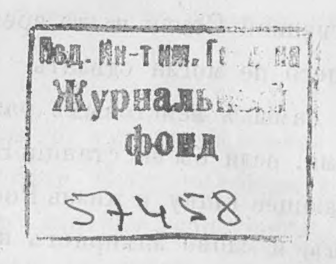
СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ОДИННАДЦАТИ КНИЖЕКЪ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

Главныя статьи.

(См. на третьей стр. обложки).



УВѢКОВѢЧЕНІЕ ЧУДА 17-го ОКТЯБРЯ.

«Живый въ помощи Вышняго», по словамъ Пророка и Царя Давида (Псал. 90), пребываетъ навсегда огражденъ отъ всѣхъ золъ и бѣдъ, по заповѣди данной Ангеламъ сохранять его невредимымъ на всѣхъ путяхъ жизни. Но въ этомъ спасительномъ огражденіи обрѣтаются только тѣ, которыхъ жизнь сіяетъ цѣломудріемъ и чистотою намѣреній и желаній, и ради таковыхъ подвижниковъ нисходитъ на землю Небесная Сила и Благодать, чудодѣйствующая для прославленія имени Божія въ лицѣ спасаемыхъ.

Кто же въ наши скорбные дни, омрачаемые духомъ отрицанія и невѣрія въ основы Русской жизни въ смыслѣ духовномъ и нравственномъ, кто сподобился быть прославленъ явленіемъ надъ нимъ славы Бога Вышняго?

Отвѣтъ на это даетъ чудотворное событіе 17-го Октября. Оно указало всему 120-ти милліонному Русскому народу и всему міру, что милость и благодать Божія охраняютъ нашего человѣколюбиваго Государя со всѣмъ Его возлюбленнымъ Семействомъ. Совершившееся въ этотъ день чудо укрѣпляетъ вѣру въ сердцахъ вѣрующихъ, разгоняетъ тьму безвѣрія и насаждаетъ сѣмена вѣры въ невѣрующихъ. Совершившееся чудо сближаетъ весь народъ съ Державнымъ Его Вождемъ и сразу вноситъ свѣтъ вѣры въ мысли нашей молодежи, большинство которой погибало въ мракѣ безвѣрія. Совершившееся чудо подымаетъ на высоту духъ всей Россіи и укореняетъ убѣжденіе въ томъ, что душевныя свойства нашего Царя привлекли на Него благодать Божію

и охранили жизнь Царственной Семьи въ то время, когда никакая человѣческая помощь ничего не могла сдѣлать. Совершившееся чудо спасло всю Россію отъ самыхъ неистовыхъ разрушительныхъ событій. Что было бы съ нами, если бы на станціи Борки не уцѣлѣло Царское Семейство, составляющее главу и жизнь Россіи? При одной мысли объ этомъ цѣпенѣетъ умъ, и слово замираетъ на устахъ, теряя силу высказать грозившую для всей Россіи бѣду.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что чудотвореніе 17-го Октября должно быть ознаменовано такимъ дѣйствіемъ, которое бы жило изъ рода въ родъ и своимъ бытіемъ, укрѣпляя вѣру въ Бога, составляло бы тѣсную связь нашихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ съ Царскимъ Престоломъ.

Но вотъ наступилъ второй мѣсяцъ послѣ чудотворенія, и ничего достойнаго великому событію, въ которомъ такъ очевидно проявилось знаменіе Божіяго благоволенія, не образовалось. Пережитое нами чудотвореніе вполнѣ уподобляется, по его ужасу въ началѣ и счастливому исходу въ концѣ, древнимъ библейскимъ чудесамъ, въ которыя въ нашъ растлѣнный вѣкъ мы уже перестаемъ вѣрить.

Когда читаешь подробности крушенія 17-го Октября и входишь въ значеніе тѣхъ страшныхъ секундъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь Царя и съ Нимъ вмѣстѣ жизнь всей Россіи, когда воображаешь извлекаемую изъ обломковъ столовой сохраненную Богомъ Царственную Семью, когда устремляешь взоръ на то, что неразрывно съ этими ужасами, Государь и Государыня, въ грязи, подъ дождемъ, безъ верхняго платья, презирая заботу о своемъ здоровьи, начинаютъ ухаживать за раненными: тогда что ты, Русскій человѣкъ, чувствуешь, что ты слышишь въ своемъ сердцѣ, какія оно слова произноситъ внутри тебя, безъ всякаго сочиненія, а единственно по настроенію души? Слышу твой отвѣтъ. Слова эти: *поемъ Господеви, славно бо прославися.*

Другая картина: Царь, Царица, Наслѣдникъ и все Царское Семейство, на станціи Лозовой, пали ницъ на панихидѣ за убитыхъ, при пѣніи *со святыми упокой!* Какой витія, чей языкъ возмется высказать

то, чтò при этихъ напѣвахъ «со святыми упокой» чувствовала Царская Семья!

А послѣ панихиды по умершимъ, какое благолѣпіе представляетъ благодарственный Господу Богу молебенъ за избавленіе отъ грозившей смерти и какую картину христіанскаго смиренія являетъ трапеза Царя, посадившаго съ собою за столъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома, сановниковъ и рабочихъ. Тутъ были купно: *Царіе и Князи и убозіи.* Эта картина также не поддается описанію; тутъ виденъ въ тѣсномъ соединеніи Царь и человѣкъ, въ такомъ соединеніи, въ какомъ еще ниразу во всей Русской Исторіи не выражался Русскій Царь. Опять слышу въ Русской душѣ тотъ же возгласъ: *поемъ Господеви, славно бо прославися.*

*

Но чтò же сдѣлали Русскіе люди, чтобы воспрославить явившуюся надъ Царемъ милость Божію? Часовни, кровати въ больницахъ и богадѣльняхъ и сборъ денегъ на С.-Петербургской Биржѣ для поддержанія раззорившихся биржевиковъ, хотя и выражаютъ умилительное настроеніе, но все это слишкомъ слабо, безцвѣтно и невыразительно; все это слишкомъ безсильно для того, чтобы въ теченіи многихъ столѣтій напоминать Россіи о явленіи Небесной Силы 17-го Октября. Вникнемъ въ то, что это былъ день Божественной проповѣди, освѣтившей сразу Русскія поврежденныя сердца и направившей наши мысли на путь истинныхъ воззрѣній. Это былъ день обновленія и возрожденія Россіи, потому что это былъ день явленія на Русской землѣ Божественной славы и силы.

И если мы къ этому великому дню отнесемся такъ слабо, какъ отнеслись до сихъ поръ, и ограничимся только тѣмъ, чтò сдѣлано, то покроемъ себя стыдомъ безчувствія, скажу болѣе, стыдомъ тупоумія, не умѣющаго запечатлѣть на многія столѣтія явленіе Божественной силы 17-го Октября.

Оканчивая вступительное слово, въ слѣдующей книжкѣ «Русскаго Архива» я изложу мои воззрѣнія относительно того, чтò бы

слѣдовало сдѣлать. «Русскій Архивъ», собирая на своихъ страницахъ минувшія событія, конечно признаётъ въ чудѣ 17-го Октября глубокое историческое значеніе и потому дастъ мѣсто для статей, которыя могутъ появиться въ видѣ сочувствія и дополненія, или же въ видѣ возраженій. Чѣмъ болѣе явится на мое предложеніе возраженій, тѣмъ болѣе я буду радоваться этому, какъ доказательству того, что патріотическая мысль пробудилась и начала работать, и если явятся предложенія цѣлесообразнѣе и лучше того, которое я намѣренъ высказать, то я охотно перейду на сторону лучшаго.

В. Кокоревъ.

24 Ноября 1888 г.
С.-Петербургъ.

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ *).

Казанскіе походы.—Основаніе Свіяжска.—Шигъ-Али и Суюнбека.—Присяга Казанцевъ на подданство и внезапная измѣна.—Послѣдній походъ.—Неудачный набѣгъ Крымскаго хана.—Прибытіе Ивана Васильевича подъ Казань и начало осады.—Силы осажденныхъ и осаждающихъ.—Пораженіе Япанчи и поискъ на Арскій Городокъ.—Ненастье и Животворящій крестъ.—Подкопы.—Храбрая оборона Казанцевъ.—Приступъ 2 Октября.—Паденіе Казани и сдача Едигера.—Вступленіе государя въ городъ.—Возвращеніе его въ Москву.—Пиры и награды.—Значеніе Казанскаго взятія.

Кромѣ важныхъ законодательныхъ мѣръ, въ лучшую эпоху Іоаннова царствованія совершилось и самое блистательное дѣло его внѣшней политики, т. е. завоеваніе царства Казанскаго.

Пока на Казанскомъ престолѣ сидѣлъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Москвы, Крымскій царевичъ Сафа-Гирей, Русскіе предѣлы съ этой стороны испытывали постоянныя тревоги и подвергались частымъ набѣгамъ Казанскихъ Татаръ. Эти хищники, подобно своимъ Крымскимъ соплеменникамъ, старались какъ можно болѣе захватывать плѣнниковъ, которыхъ обращали въ рабство. Многія тысячи мужчинъ и женщинъ Русскихъ или томились въ Казанской неволѣ, обремененные тяжелыми работами на своихъ владѣльцевъ, или отправлялись для той же цѣли въ Среднюю Азію, будучи покупаемы восточными торговцами на Казанскихъ рынкахъ. Во время Іоанновой юности мы видимъ цѣлый рядъ Русскихъ походовъ на Казань съ цѣлью свергнуть Сафа-Гирея и возстановить зависимыя отношенія Казани къ Москвѣ. Весною 1545 года отправлены были на Казань три судовыя рати: главная Волгою, другая изъ Вятки по рѣкамъ Вяткѣ и Камѣ, третья изъ Перми также по Камѣ. Первыя двѣ рати сошлись въ одинъ день подъ Казанью, повоевали ея окрестности, побили много Казанцевъ и благополучно воротились назадъ. А третья опоздала, и, пришедши подъ Казань, уже не застала тамъ товарищей; поэтому потерпѣла пораженіе. Однако, вслѣдствіе прихода Русскихъ, ханъ сталъ подозрѣвать многихъ Казанскихъ вельможъ въ измѣнѣ и началъ ихъ казнить, что

*) Изъ третьяго тома *Исторіи Россіи*.

повело къ возмущенію. Партія Московская поднялась противъ Крымской, и выгнала Сафа-Гирея. По ея просьбѣ Московское правительство вновь посадило въ Казани Касимовскаго хана Шигъ-Алея. Но послѣдній на сей разъ продержался тамъ не болѣе одного мѣсяца, и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, потому что Крымская партія опять взяла верхъ и снова посадила Сафа-Гирея съ помощью Ногайскихъ Татаръ. Это было въ 1546 г. Зимою слѣдующаго года самъ Іоаннъ выступилъ противъ Казанцевъ; но этотъ его первый личный походъ окончился неудачею. Едва онъ миновалъ Нижній Новгородъ, какъ наступила сильная оттепель, многія пушки и пищали провалились на Волгѣ въ рѣку, много людей потонуло. Іоаннъ съ великимъ огорченіемъ вернулся назадъ. Нѣсколько отрядовъ однако послано было подъ Казань, подъ начальствомъ князей Димитрія Бѣльскаго и Симеона Микулинскаго съ Шигъ-Алеемъ. Они вновь повоевали ея окрестности и воротились; а Казанцы потомъ отомстили набѣгомъ на область Галича Мерскаго или Сѣвернаго.

Только внезапная смерть Сафа-Гирея избавила Россію отъ этого врага, въ Мартѣ 1549 года: по свидѣтельству одного современника, онъ пьяный, умывая себѣ лицо, упалъ и разбилъ голову до мозга. Передъ смертью ханъ назначилъ себѣ преемникомъ двухлѣтняго сына Утемишъ-Гирея подъ опекою его матери Суюнбеки, которая была дочерью Ногайскаго мурзы Юсуфа и самою любимою изъ женъ Сафа-Гирея. (Еще прежде него она была женою его предшественника Еналея). Іоаннъ думалъ воспользоваться наступившимъ въ Казани безнарядьемъ, и слѣдующею зимою (1550 г.) во второй разъ предпринялъ походъ во главѣ своей рати. Впервыя Русскій государь лично явился подъ стѣнами Казани. Но первые приступы были отбиты; межъ тѣмъ наступилъ Февраль мѣсяцъ, и вдругъ лютые морозы опять смѣнились оттепелью, пошли дожди, дороги испортились. Опасаясь недостатка съѣстныхъ припасовъ, царь отступилъ. Такимъ образомъ и второй его походъ окончился неудачею; но онъ оставилъ по себѣ прочный слѣдъ: уходя отъ Казани, Іоаннъ остановился на устьѣ Свіяги, и здѣсь на такъ наз. Круглой горѣ заложилъ основаніе Русской крѣпости, которая должна была впредъ служить опорнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Казани. Можно даже упрекнуть Московское правительство въ томъ, что послѣ основанія Васильсур ка оно доселѣ не позаботилось выдвинуть далѣе внизъ по Волгѣ еще нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, для облегченія тяжелыхъ и далекихъ походовъ на Востокъ. Но то была смутная эпоха Іоаннова малолѣтства. Построеніе и вооруженіе новаго города, названнаго Свіяжскомъ, совершено лѣтомъ 1551 года Московскими воеводами подъ общимъ на-

чальствомъ Шигъ-Алея. Сюда привезли Волгою бревна, срубленныя въ Углицкомъ уѣздѣ и приготовленныя для кладки городскихъ стѣнъ; однако этихъ бревенъ стало только на половину горы: другую половину нарубили въ окрестныхъ лѣсахъ. Вмѣстѣ со стѣною воздвигли и два храма, во имя Рождества Богородицы и Св. Сергія. Въ новомъ городѣ засѣлъ Русскій гарнизонъ; тутъ стали хранить пушки и всякаго рода военные и съѣстные запасы для будущаго похода большой рати. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый городъ, расположенный всего въ 20 верстахъ отъ Казани, отрѣзалъ сію послѣднюю отъ ея западныхъ областей, населенныхъ Чувашами, Мордвою и въ особенности Горными Черемисами. Старшины окрестной горной стороны немедленно начали ѣздить въ Москву и бить челомъ Русскому государю, чтобы онъ воевать ихъ не велѣлъ, а принялъ бы ихъ въ свое подданство. Государь велѣлъ приводить ихъ къ присягѣ и подчинилъ ихъ Свіяжскому воеводѣ, которому они должны были отвозить свой ясакъ или царскую дань; но при семъ на три года освободилъ ихъ отъ уплаты ясака. Слѣдовательно, однимъ построеніемъ этой крѣпости Москва уже пріобрѣтала довольно обширную область и придвигала свою границу почти къ самымъ стѣнамъ Казани. Для испытанія новыхъ подданныхъ, Іоаннъ велѣлъ набрать изъ нихъ ополченіе и послать противъ Казани. Это ополченіе, собранное изъ Черемисъ, Чувашъ и Мордвы, дѣйствительно подошло къ городу и вступило въ битву съ Казанцами и Крымцами, и, хотя было отражено, однако на первый разъ показало свою вѣрность новому правительству. Послѣ того ихъ князья, мурзы и старшины ѣздили въ Москву и получали тамъ отъ царя угощеніе и подарки шубами, конями, оружіемъ и деньгами.

Въ Казани по смерти Сафа-Гирея въ маломъ видѣ повторилось почти тоже явленіе, какое мы видѣли въ Москвѣ по смерти Василія III-го, именно: вдова-правительница съ малолѣтнимъ наслѣдникомъ и съ любимцемъ - вельможею. Наибольшее вліяніе на дѣла пріобрѣлъ отважный Крымскій уланъ (собственно огланъ) Кощакъ, котораго нѣкоторыя извѣстія прямо называютъ сердечнымъ другомъ царицы Сююнбеки. Ему даже приписывали намѣреніе умертвить маленькаго Утемишъ-Гирея, жениться на царицѣ и самому сѣсть на Казанскій престолъ. Но когда въ виду Казани возникла Московская крѣпость, въ ней засѣлъ не разъ бывшій Казанскимъ царемъ Шигъ - Алей, и къ нему начали уходить многіе недовольные Казанскіе вельможи: тогда въ Казани произошли раздоры и смуты. Противная Крымцамъ сторона взяла верхъ и угрожала выдать ихъ вмѣстѣ съ Кощакомъ въ руки Московскихъ воеводъ. Кощакъ и Крымцы, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, бѣжали изъ Казани вверхъ по Камѣ. Но на главныхъ путяхъ и

перевозахъ уже стояли сильныя Московскія заставы изъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ. Уклоняясь отъ встрѣчи съ Московскою стражей на Камѣ, Крымцы вошли въ рѣку Вятку; но тутъ поджидала ихъ другая застава, именно воевода Зюзинъ съ Вятчанами; онъ внезапно напалъ на бѣглецовъ и большую часть ихъ побилъ, а часть взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Кощакомъ и отослалъ ихъ въ Москву. Тамъ изъ нихъ болѣе сорока человѣкъ были казнены, въ ихъ числѣ и Кощакъ, который, по словамъ одного источника, не захотѣлъ купить себѣ прощеніе принятіемъ христіанства. Казанцы послѣ того отправили въ Москву посольство, съ старшимъ муллою («Кулъ-шерифъ-молиою»), прося прекратить войну и дать имъ вновь на царство Шигъ - Алея. Іоаннъ исполнилъ ихъ просьбу, но подъ условіемъ, чтобы Казанцы выдали всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ и царицу Суюнбеку съ сыномъ. Изъ Москвы прибылъ царскій любимецъ Алексѣй Адашевъ, торжественно посадилъ въ Казани Шигъ-Алея и вывелъ отсюда освобожденныхъ Русскихъ плѣнниковъ; говорятъ, число ихъ простиралось до 60.000 человѣкъ.

Еще прежде чѣмъ Шигъ-Алей вступилъ въ Казань, изъ нея увезли Суюнбеку съ Утемишъ-Гиреемъ, а также женъ и дѣтей тѣхъ Крымцевъ, которые бѣжали съ Кощакомъ. Въ одномъ современномъ сочиненіи находимъ украшенный разсказъ объ ея отъѣздѣ и прощаньи съ Казанью. По этому разсказу, царица, узнавъ о томъ, что Шигъ-Алей хотѣлъ немедля взять ее въ число своихъ женъ, будто бы прислала ему въ подарокъ сначала отравленныя яства и напитокъ, а потомъ таковую же сорочку; но хитрый ханъ предварительно испыталъ дѣйствіе на собакѣ, которая тотчасъ околѣла, а сорочку надѣлъ на человѣка, приговореннаго къ смерти, и тотъ немедля умеръ. Тогда Шигъ-Алей рѣшилъ отослать Суюнбеку въ Москву. Князь Василій Серебряный съ отрядомъ стрѣльцовъ внезапно явился въ ханскій дворецъ, заключилъ царицу подъ стражу, а царскую казну переписалъ и напередъ отправилъ въ лодкахъ въ Москву. Когда же наступилъ часъ отъѣзда для самой Суюнбеки, она упросила воеводу, чтобы онъ позволилъ ей войти въ мечеть, гдѣ былъ погребенъ Сафа-Гирей. Тутъ она съ воплемъ упала на его гробницу и въ поэтическихъ выраженіяхъ стала причитать, жалуясь на свою горькую судьбу. Затѣмъ прислужники и рабыни взяли ее подъ руки и посадили въ колымагу. Весь Казанскій народъ, мужи и жены, проводили царицу и ея сына до берега Казанки, гдѣ ожидалъ ее царскій стругъ, богато украшенный, съ свѣтлымъ позолоченнымъ теремцомъ посрединѣ. Въ другихъ стругахъ помѣщалась стража. Садясь въ стругъ, царица поклонилась народу,

который отвѣчалъ ей поклономъ въ землю. Казанскіе вельможи проводили ее до самаго Свіяжска.

Шигъ-Алей сѣлъ на Казанскомъ престолѣ подъ охраною дружины изъ своихъ Касимовскихъ Татаръ и Московскихъ стрѣльцовъ. Въ Москвѣ повидимому надѣялись съ его помощью поставить Казанское царство въ такое же подчиненное отношеніе, въ какомъ находилось ханство Касимовское; но событія скоро показали, что тутъ отношенія были другія. Не смотря на торжественныя клятвы и шертныя грамоты, утвердившія условія мира съ Москвою въ Августѣ (1551 г.), уже въ Сентябрѣ (1552 г.) начинается отъ Шигъ-Алея рядъ посольствъ на Москву съ просьбою, чтобы государь пожаловалъ его Горною Черемисою, потому что Казанцы очень недовольны потерею этой области, волнуются и затѣваютъ новыя крамолы. Въ тоже время Свіяжскіе воеводы доносятъ царю, что Казанцы не исполнили главнаго условія: освобожденія всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ; многихъ попрятали и держатъ ихъ въ тѣснотѣ, а Шигъ-Алей не настаивалъ на исполненіи условія, опасаясь еще бо̀льшихъ волненій. Иванъ Васильевичъ шлетъ Казанскому царю и вельможамъ богатые подарки и строго подтверждаетъ свое требованіе о выдачѣ всѣхъ плѣнныхъ, а на просьбы объ отдачѣ Горныхъ Черемисъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ. Въ Казани Шигъ-Алей дѣйствуетъ съ обычною своею жестокостью и жадностью: узнавъ, что часть вельможъ сносится съ Ногаями и умышляетъ на его жизнь, онъ зазвалъ ихъ къ себѣ на пиръ и тутъ велѣлъ всѣхъ перебить; погибло до 70 заговорщиковъ, остальные разбѣжались. Но послѣ того положеніе его еще ухудшилось, ибо волненія и не любовь къ нему народа усилились. Отъ Ивана Васильевича вновь пріѣхалъ Алексѣй Адашевъ и началъ склонять Шигъ-Алея къ тому, чтобы онъ *укрѣпилъ городъ Русскими людьми*, т. е. чтобы впустилъ въ Казань Русскій гарнизонъ. На это предложеніе ханъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Я мусульманинъ и не хочу стать противъ своей вѣры, но не хочу также измѣнить государю; кромѣ него мнѣ уѣхать некуда; но прежде чѣмъ уѣду отсюда, постараюсь еще извести лихихъ людей, испорчу пушки, пищали и порохъ; тогда пусть государь приходитъ самъ и промышляетъ». Спустя нѣсколько времени, онъ такъ и сдѣлалъ. Узнавъ, что Казанскіе вельможи ссылаются съ Москвою и просятъ взять отъ нихъ Шигъ-Алея и прислать своего намѣстника, ханъ въ Мартѣ выѣхалъ изъ города подъ предлогомъ ловить рыбу на озерѣ, причемъ взялъ съ собою многихъ Казанскихъ князей и мурзъ и всѣ пять сотенъ Московскихъ стрѣльцовъ. Но вмѣсто рыбной ловли онъ пріѣхалъ въ Свіяжскъ и выдалъ воеводамъ захваченныхъ имъ вельможъ, числомъ 84 человѣка.

Главный Свіяжскій воевода князь Семенъ Микулинскій послалъ къ Казанскимъ начальнымъ людямъ съ грамотами, объявляя, что царь исполняетъ ихъ челобитье: Шигъ-Алея отъ нихъ сводитъ и назначаетъ туда его, князя Семена, намѣстникомъ; а потому звалъ ихъ въ Свіяжскъ для присяги. Казанцы изъявили готовность, и дѣйствительно лучшіе люди стали пріѣзжать для присяги въ Свіяжскъ, а въ Казань прибылъ стрѣлецкій голова Черемисиновъ съ толмачемъ и началъ отбирать присягу отъ народа. Уже въ Казани дѣлались приготовленія къ пріему намѣстника и его свиты; уже намѣстникъ прислалъ свой обозъ подъ прикрытіемъ нѣкотораго числа дѣтей боярскихъ, казаковъ и 72 пищалей; а самъ онъ двинулся къ Казани съ войскомъ, съ воеводами Иваномъ Шереметевымъ, княземъ Серебрянымъ, княземъ Ромодановскимъ, и готовился мирно, торжественно вступить въ Казань. Вдругъ все измѣнилось. Когда воеводы приблизились, Казанцы поспѣшно затворяли городскіе ворота, хватали оружіе и занимали стѣны. Русская лѣтопись приписываетъ эту внезапную перемѣну тремъ вельможамъ Казанскимъ, князьямъ Исламу и Кебеку и мурзѣ-Аликею. Они были въ числѣ захваченныхъ Шигъ-Алеемъ противныхъ ему вельможъ. Но воеводы оплошали, повѣрили ихъ увѣреніямъ и позволили имъ напередъ себя ѣхать въ городъ. А эти люди, прискакавъ въ городъ, начали кричать, что Русскіе хотятъ побить весь народъ, о чемъ они будто слышали отъ самого Шигъ-Алея и его Касимовскихъ Татаръ. Это была искра, брошенная въ порохъ. И безъ того наиболѣе ревностные Казанскіе мусульмане, возбуждаемые своими муллами, съ ненавистью смотрѣли на водворявшееся у нихъ господство христіанской Москвы, когда-то покорной Татарской данницы. При такомъ настроеніи понятно, что нелѣпая вѣсть о предстоящемъ избіеніи подняла весь народъ, и онъ всталъ какъ одинъ человѣкъ. Тщетно воеводы вступали въ переговоры, уговаривали Казанцевъ не вѣрить лихимъ людямъ и предлагали дать новую присягу. Постоявъ дня полтора около стѣнъ, воеводы воротились въ Свіяжскъ и медлили начать военныя дѣйствія въ ожиданіи указа. Захваченныхъ прежде Казанскихъ вельможъ они посадили въ тюрьмы, но нѣкоторые изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ. А Казанцы не только задержали пришедшихъ съ обозомъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, но потомъ и перебили ихъ. Чтобы добыть себѣ царя, они послали въ Ногайскіе улусы и взяли оттуда Астраханскаго царевича Едигера. Этотъ Едигеръ, повидимому, незадолго до того нѣкоторое время находился въ Россіи въ числѣ Татарскихъ служилыхъ князей и участвовалъ въ походѣ на Казань 1550 года, слѣдовательно былъ знакомъ съ Московскими порядками и опытенъ въ воинскомъ дѣлѣ.

Весна 1552 года была временемъ испытанія для Московскаго правительства. Послѣ измѣны и возстанія Казанскихъ Татаръ, съ той стороны приходили все неутѣшительныя извѣстія. Такъ Горная Черемиса, подущаемая Казанцами, отложилась отъ Москвы и снова перешла на ихъ сторону. Непріятели уже имѣли нѣсколько удачныхъ встрѣчъ съ Москвитянами и истребили нѣсколько Русскихъ отрядовъ. Московская стража, разставленная на перевозахъ по Вяткѣ и Камѣ, не устерегла царевича Едигера: онъ успѣлъ переправиться черезъ Каму, благополучно пришелъ въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ. Въ тоже время въ войскѣ, занимавшемъ Свіяжскъ, открылась сильная цынготная болѣзнь, отъ которой много умирало людей. Къ вящему горю, царю и митрополиту донесли, что въ этомъ войскѣ свирѣпствуетъ ужасный развратъ, вслѣдствіе скопившагося тамъ большаго числа освобожденныхъ изъ Казани плѣнницъ; что многіе даже предаются Содомскому грѣху и кромѣ того брѣютъ бороды, чтобы правиться женщинамъ. Противъ такого бѣдствія царь и митрополитъ немедленно приняли мѣры. Въ соборномъ Успенскомъ храмѣ отслужили торжественное молебствіе, освятили воду надъ мощами святыхъ, послѣ чего отправили въ Свіяжскъ Архангельскаго протопопа Тимоѳея, съ святою водою для окропленія города и съ посланіемъ къ его жителямъ отъ митрополита Макарія. Въ семъ посланіи митрополитъ увѣщевалъ воиновъ крѣпко стоять за вѣру, блюсти чистоту духовную и тѣлесную, избѣгать «пустошныхъ бесѣдъ» и «срамныхъ словесъ», блуда и содоміи, а также не «класть бритву на брады своя», «понеже сіе дѣло есть Латынскія ереси». Этими грѣхами посланіе объясняло постигшія насъ неудачи и болѣзни, и грозило царскою опалою и церковнымъ отлученіемъ, если люди не покаятся и не исправятся.

Между тѣмъ въ Москвѣ шли дѣятельныя приготовленія къ большому походу. Въ созванной царемъ усиленной боярской думѣ много было разныхъ рѣчей о томъ, идти ли самому государю. Нѣкоторые совѣтовали ему остаться, чтобы беречь государство отъ Крымской орды и отъ Ногаевъ; но царь склонился на сторону противнаго мнѣнія и рѣшилъ лично вести рати на Казань. Всѣми овладѣла мысль, что это долженъ быть послѣдній походъ, что пора покончить съ такимъ вѣроломнымъ и непримиримымъ врагомъ. Начальство надъ ратями царь распредѣлилъ такимъ образомъ: воеводою большаго полка назначилъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, а товарищемъ ему князя Михаила Ивановича Воротынскаго; передовой полкъ поручилъ князьямъ Ивану Турунтаю-Пронскому и Димитрію Хилкову; сторожевой князю Василію Серебряному да Семену Шереметеву; правую руку князьямъ Петру Щенятеву и Андрею Курбскому; лѣвую руку князю Димитрію

Микулинскому и Димитрію Плещееву. Въ своемъ собственномъ полку онъ поставилъ воеводами князя Владимира Воротынскаго и Ивана Шереметева. Кромѣ того онъ призвалъ вновь Шигъ-Алея съ его вспомогательнымъ отрядомъ Касимовскихъ Татаръ. Въ это время по просьбѣ Шигъ-Алея царь отдалъ ему въ жены извѣстную Казанскую царицу Суюнбеку, вдову его брата Еналея и Сафа-Гирея. По всей вѣроятности царь пристроилъ такимъ образомъ Суюнбеку, чтобы не выпускать ея изъ Московскаго государства; ибо отецъ ея Ногайскій мурза Юсуфъ прислалъ къ царю съ просьбою отпустить его дочь-вдову въ ея родные улусы. Обидѣть простымъ отказомъ и возбудить противъ Москвы сильнаго Ногайскаго мурзу царь не хотѣлъ; а отвѣчалъ ему, что она уже сдѣлалась женою Шигъ-Алея. Сей послѣдній, хорошо знавшій Казанскую страну, не совѣтовалъ Іоанну вести войну въ лѣтнюю пору, ссылаясь на лѣса, озера и болота, и говорилъ, что зимою тамъ удобнѣе воевать, когда всѣ пути свободны. Но государь отвѣчалъ, что было бы слишкомъ долго медлить до зимы, что война уже началась, большой нарядъ и запасы уже отправлены Волгою къ Свіяжску, что въ Божьей волѣ и непроходимыя мѣста сдѣлать проходимыми. Впрочемъ мы видѣли, какъ въ предыдущіе оба похода Іоаннъ былъ обманутъ разсчетомъ на зимнее время.

Рано утромъ 16 Іюня 1552 года Іоаннъ простился съ своею супругою Анастасіей, въ то время беременной, помолился въ Успенскомъ соборѣ, взялъ благословеніе у митрополита и, сѣвъ на коня, выступилъ въ походъ, по направленію черезъ Коломну въ Муромъ, а оттуда къ Свіяжску. Москву онъ поручилъ охранять брату своему Юрію и митрополиту Макарію. Въ селѣ Коломенскомъ была первая остановка для обѣда. Въ селѣ Островѣ былъ первый ночлегъ. Но тутъ вдругъ прискакалъ одинъ станичникъ (казакъ) гонцомъ изъ Путивля съ извѣстіемъ о скоромъ приходѣ Крымской орды на Сѣверскую или на Рязанскую украйну. То, чего опасались въ Москвѣ и на что̀ указывали люди, совѣтовавшіе отложить походъ до зимы, повидимому оправдалось, т. е. приходилось за разъ воевать съ Казанью и съ Крымомъ.

Вѣсти о крайней опасности, грозившей Казанскому царству, распространились по мусульманскимъ странамъ и производили въ нихъ сильное впечатлѣніе. Турецкій султанъ, знаменитый Солиманъ Великолѣпный, принялъ близко къ сердцу эти вѣсти и, будучи самъ не въ состояніи воевать Москву по ея отдаленности, старался вооружить противъ нея всѣ Татарскія орды восточной и южной Россіи. Онъ посылалъ грамоты въ Астрахань и къ Ногаямъ, призывая ихъ соединиться съ Крымскимъ ханомъ противъ Москвитянъ. Но Астрахань въ то время была безсильна; Ногая, раздѣленные между разными князь-

ями, не были способны къ дружному и быстрому образу дѣйствій Только новый Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ и преемникъ Саипъ-Гирея, посаженный на престолъ Солиманомъ, показывалъ усердіе къ исполненію его воли и получилъ отъ него на помощь пушки и янычаръ. Онъ разсчитывалъ напасть на южные Московскіе предѣлы въ то время, когда царь съ главными силами находился уже далеко на Востокѣ и, угрожая самой Москвѣ, думалъ отвлечь Русскихъ отъ Казани. Но разсчетъ его оказался ошибочнымъ, и замедленіе Русскаго похода на сей разъ было кстати—наши главныя силы только начали свое выступленіе. Повидимому и самое это замедленіе произошло въ связи съ опасеніемъ или предвидѣніемъ Крымскаго набѣга.

Получивъ вѣсть о Крымцахъ, Іоаннъ продолжалъ свой походъ къ Коломнѣ, а между тѣмъ велѣлъ полкамъ спѣшить къ Окѣ, занять главныя переправы и приготовиться къ бою. Въ Коломну къ нему прискакалъ гонецъ изъ Тулы съ извѣстіемъ, что Крымцы показались около сего города, но не въ большомъ числѣ. Царь не медля велѣлъ спѣшить къ Тулѣ изъ Кашпры правой рукѣ съ князьями Щенятевымъ и Курбскимъ, отъ Ростиславля (Рязанскаго) передовому полку съ Турунтаемъ-Пронскимъ и Хилковымъ, отъ села Колычева (близъ Коломны) части большаго полку съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, а за ними и самъ готовился идти съ остальными войсками. Распоряженія эти оказались удачны; ибо черезъ день прискакалъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что Крымскій ханъ со всею своею силою, съ Турецкими пушками и янычарами осадилъ Тулу; узнавъ о присутствіи Московскихъ полковъ на берегахъ Оки, онъ остановился и повернулъ назадъ; но чтобы не придти въ Крымъ съ пустыми руками, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять и разграбить стоявшій на его дорогѣ украинный городъ Тулу. 22 Іюня Девлетъ-Гирей весь день приступалъ къ городу и стрѣлялъ по немъ калеными ядрами, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ произошелъ пожаръ, а янычары пытались влѣзть на стѣны. Въ Тулѣ тогда оставалось мало военныхъ людей, потому что большая часть ушла въ Казанскій походъ; но воевода князь Григорій Темкинъ мужественно встрѣтилъ нападеніе, горожане вмѣстѣ съ военными людьми стояли на стѣнахъ и храбро отражали приступы. На слѣдующій день осажденные увидали вдали облако пыли и догадались, что то идетъ помощь отъ царя. Воодушевленные тѣмъ, они сдѣлали отчаянную и удачную вылазку, въ которой принимали участіе даже женщины и дѣти. Въ слѣдующую ночь стража Татарская донесла хану о приближеніи большаго Русскаго войска. Онъ подумалъ, что самъ Іоаннъ пришелъ съ главными силами и обратился въ бѣгство. Подошедшіе поутру князья Щенятевъ и Курбскій уже не застали Татаръ подъ Тулою; имъ пришлось встрѣтить и по-

разить только тѣ отряды, которые были распущены въ загоны и возвращались къ Тулѣ, не зная о бѣгствѣ хана. Затѣмъ нѣкоторые Московскіе воеводы пустились въ погоню за ханомъ, нагнали его и побили на рѣчкѣ Шиворонѣ. Въ этихъ стычкахъ не только было отбито назадъ много Русскаго полону, но и захвачены самый обозъ ханскій со множествомъ телѣгъ и верблюдовъ и его Турецкія пушки. Такъ неудачно окончилось предпріятіе Девлетъ-Гирея и такъ счастливо начался третій и послѣдній походъ Іоанна на Казань. Радостные вѣстники поскакали изъ Коломны отъ царя на Москву къ царицѣ и митрополиту, а также въ Свіяжскъ къ стоявшимъ тамъ воеводамъ.

Покончивъ съ Крымскимъ набѣгомъ, Іоаннъ устраивалъ въ Коломнѣ дальнѣйшее движеніе своихъ полковъ на Казань. Но тутъ обнаружился вдругъ ропотъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войска, а именно: Новгородскіе дѣти боярскіе били челомъ государю, что они уже сослужили государеву службу въ походѣ на Крымцевъ, а теперь ихъ посылаютъ въ дальній путь, подъ Казань, гдѣ придется долго стоять. Волненіе, вызванное такою просьбою, было опасно, ибо могло распространиться и на другія части войска. Государь или его умные совѣтники нашлись: велѣно было составлять списки тѣмъ, кто желаетъ остаться и кто хочетъ идти подъ Казань; послѣднихъ государь будетъ жаловать, заботиться объ ихъ прокормленіи, а также награждать ихъ помѣстьями. Когда дошло до переписи, то несогласныхъ почти не оказалось: всѣ изъявили охоту идти за государемъ. Кромѣ надежды на царскія награды и пожалованія, очевидно тутъ подѣйствовало и общее одушевленіе, которое тогда овладѣло Русскимъ народомъ при мысли покончить съ исконнымъ, хищнымъ врагомъ своей народности и православной вѣры. Со времени Куликовской битвы борьба съ Татарами пріобрѣла на Руси значеніе крестовыхъ походовъ и пользовалась наибольшимъ народнымъ сочувствіемъ.

Часть войска, именно большой полкъ, передовой и правую руку государь послалъ на Востокъ чрезъ Рязанскую область и Мещеру; а съ остальными полками самъ пошелъ изъ Коломны на Владиміръ-Залѣсскій и Муромъ. Во Владимірѣ въ Рождественской обители онъ молился надъ гробомъ своего святаго предка Александра Невскаго, а въ Муромѣ надъ мощами князя Петра и княгини Ѳевроніи. Во Владимірѣ встрѣтилъ его протопопъ Тимоѳей съ извѣстіемъ, что въ Свіяжскѣ онъ съ мѣстными священниками совершилъ крестный ходъ вокругъ города и кропилъ святою водою по всему городу, послѣ чего свирѣпствовавшій тамъ моръ утихъ. Въ Муромѣ царь получилъ отъ митрополита Макарія пространную грамоту, въ которой тотъ вмѣстѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ посылалъ царю и всему воинству

благословеніе на брань съ врагами и напоминалъ ему подвиги его предковъ. Въ Муромъ онъ вызвалъ подручника своего Касимовскаго хана Шигъ-Алея и отправилъ его съ частью войска на судахъ Окою и Волгою. Самъ же переправилъ полки за Оку, и въ половинѣ Іюля двинулся далѣе къ Свіяжску сухимъ путемъ, выславъ впередъ легкій конный отрядъ или такъ называемый яртоулъ подъ начальствомъ князей Шемякина и Троекурова; а за ними послалъ посошныхъ людей, которые должны были наводить мосты на рѣчкахъ и на ржавцахъ и вообще пріуготовлять пути царю и бывшему съ нимъ войску, т.-е. собственной царской дружинѣ, сторожевому полку и лѣвой рукѣ. Во время пути къ Іоанну присоединились нѣкоторые служилые князья и мурзы съ Городецкими (Касимовскими) и Темниковскими Татарами и съ Мордвою. Этотъ путь пролегалъ то густыми лѣсами, то дикими полями; множество лосей и всякой дичи въ лѣсахъ и обиліе рыбы въ рѣкахъ представляли войску средства пропитанія во время похода. Не доходя немного рѣки Суры, съ царскимъ войскомъ сблизились помянутые выше полки, шедшіе южнѣе и заслонявшіе его отъ внезапнаго нападенія Заволжскихъ или Ногайскихъ Татаръ, котораго по обстоятельствамъ того времени можно было опасаться. Переправясь за Суру, Русскіе полки вступили въ землю Чувашъ и Горныхъ Черемисъ. Уже прежде по пути встрѣчали царя гонцы отъ Свіяжскихъ воеводъ съ вѣстями объ удачныхъ поискахъ надъ возмутившимися Горными Черемисами и о новомъ приведеніи ихъ въ покорность. Теперь же, при видѣ великой Русской рати, мѣстные Черемисы, Чуваши и Мордва показывали даже преданность Московскому царю; старшины ихъ приходили къ нему съ поклонами, приносили хлѣбъ, медъ, быковъ и говядину частію въ даръ, а частію продавали; воины, долгое время въ проголодь питавшіеся охотою, съ радостью ѣли Черемискій хлѣбъ, который показался имъ теперь вкуснѣе родныхъ калачей, по замѣчанію одного участника похода (князя Курбскаго).

Когда государь приблизился къ Свіяжску, на встрѣчу ему вышли съ прибывшими напередъ, Волгою, отрядами воеводы князь Александръ Горбатый, Семенъ Микулинскій, Петръ Серебряный, Данило Романовичъ Юрьевъ, Ѳедоръ Адашевъ и др. Кромѣ Русскаго войска тутъ было и ополченіе, вновь набранное изъ Черемисъ, Чувашъ и Мордвы. 13-го Августа Іоаннъ вступилъ въ городъ, молился въ храмѣ Рождества Богородицы, а затѣмъ расположился станомъ на лугу подъ Свіяжскомъ. Воины праздновали окончаніе своего долгаго и утомительнаго похода и наслаждались изобиліемъ съѣстныхъ припасовъ, которые были привезены Волгою на судахъ вмѣстѣ съ пушками и военными

снарядами. Въ Свіяжскъ пріѣхало и много купцовъ съ товарами, такъ что всего можно было достать.

Прежде нежели приступить къ осадѣ Казани, царь пытается увѣщаніями склонить ее къ покорности. Для этого Шигъ-Алей посылаетъ отъ себя грамоту къ Едигеру-Махмету, происходившему съ нимъ изъ одного рода (Кучукъ-Магометова); а Іоаннъ отправляетъ грамоты къ Кулъ-шерифъ-моллѣ и ко всѣмъ Казанцамъ, требуя отъ нихъ, чтобы исправили свои вины и били бы ему челомъ. Эти грамоты Казанцы оставили безъ отвѣта; а Едигеръ отвѣчалъ потомъ хану Шигъ-Алею браннымъ посланіемъ съ хулою на Русскаго царя и называлъ хана предателемъ за то, что, будучи мусульманиномъ, служитъ христіанамъ.

16-го Августа Русскія войска начали постепенно переправляться на луговую сторону Волги и выгружать изъ судовъ пушки и всякіе военные запасы, а спустя недѣлю они уже обступали Казань. Около этого времени одинъ изъ Казанскихъ вельможъ, именно Камай-мурза, тайкомъ ушелъ изъ города со своими близкими и передался Іоанну. Этотъ человѣкъ оказался очень полезенъ Русскимъ своею опытностью и своими свѣдѣніями. Отъ него царь между прочимъ узналъ, что Казанцы собрали большіе запасы продовольствія и приготовились къ отчаянной защитѣ; что во главѣ самыхъ упорныхъ противниковъ Москвы, кромѣ Едигера, стоятъ Кулъ-шерифъ-молла и кадій, Зейнешъ князь Ногайскій, князья (беки) и мурзы Чапкунъ, Исламъ, Аликей, Кебекъ, Дербышъ, Япанча и пр. Всего войска для своей обороны Казанцы собрали отъ 50 до 60 тысячъ. Въ томъ числѣ находилось около 2500 всадниковъ, присланныхъ на помощь изъ Ногайской орды, и нѣсколько вспомогательныхъ отрядовъ, набранныхъ между луговыми Черемисами и другими народцами Казанскаго царства. Кромѣ того, почти всѣ Казанскіе граждане и духовныя лица также взялись за оружіе. Едигеръ довольно умно распорядился своими силами. Отборную половину войска онъ оставилъ въ городѣ для обороны стѣнъ; а другую половину, и преимущественно конницу, скрытно расположилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, въ лѣсныхъ засѣкахъ для того, чтобы дѣйствовать въ тылъ осаждепныхъ; эта внѣшняя часть войска находилась подъ начальствомъ храбраго наѣздника Япанчи.

Городъ Казань расположенъ на лѣвой, луговой сторонѣ Волги; онъ отдѣленъ отъ этой рѣки низменной полосой, имѣющей верстъ шесть или семь въ ширину, и возвышается на холмистомъ берегу рѣчки Казанки, впадающей въ Волгу, въ углу, который заключается между этимъ берегомъ и Булакомъ; послѣднимъ именемъ называется тинистый протокъ, идущій изъ озера Кабана въ Казанку. Крутые берега Казанки и Булака, съ трехъ сторонъ огибающіе городъ, представляли

естественную его защиту; а съ четвертой стороны тамъ, гдѣ простиралось такъ называемое Арское поле, проведенъ былъ глубокій ровъ съ валомъ. Стѣны города сдѣланы изъ широкихъ дубовыхъ срубовъ, набитыхъ землею, и мѣстами вооружены пушками и пищалями. Самую вершину угла, образуемаго Казанкою и Булакомъ, занималъ особо огражденный царскій дворъ съ нѣсколькими высокими каменными мечетями, въ которыхъ находились ханскія гробницы. Тутъ же на Казанку выходили двое городскихъ воротъ, именно Муралеевы и Элбугины, а на Булакъ Тюменскіе; со стороны Арскаго поля шли ворота: Арскіе, Царевы, Ногайскіе, Крымскіе и Аталыковы.

Русскіе полки окружили Казань въ такомъ порядкѣ. Со стороны Волги на такъ называемомъ Царевомъ лугу расположились станомъ самъ Іоаннъ и его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ съ царскимъ отборнымъ полкомъ, состоявшимъ преимущественно изъ дѣтей боярскихъ, которые представляли лучшую и наиболѣе исправно вооруженную конницу. Впереди его по Булаку, т.-е. ближе къ городу, стала лѣвая рука, на устьѣ Булака сторожевой полкъ, а за Казанкой противъ помянутой верхней части города расположилась правая рука. Въ противуположной ей сторонѣ, т.-е. на Арскомъ полѣ, отъ Булака сталъ большой полкъ; за нимъ далѣе къ рѣкѣ Казанкѣ передовой; а на берегу Казанки связью между этимъ полкомъ и правой рукой служилъ легкій конный отрядъ или яртоулъ. Первое столкновеніе произошло въ то время, когда Русскіе двинулись занимать свои мѣста на Арскомъ полѣ. Навели мосты чрезъ тинистый Булакъ; по нимъ первый пошелъ передовой яртоульный отрядъ, заключавшій тысячъ семь конницы и пѣшихъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ князей Пронскаго и Львова. Доселѣ городъ казался пустымъ; никого не было ни видно, ни слышно: такъ притаились его защитники. Но въ ту минуту, когда Русскій отрядъ, перейдя Булакъ, сталъ подниматься на высокій холмъ, лежавшій между городомъ и озеромъ Кабаномъ, отворились городскіе ворота (вѣроятно Аталыковы), и толпа конныхъ и пѣшихъ Татаръ бросилась на нашъ отрядъ. Сей послѣдній въ началѣ было замѣшался отъ неожиданнаго удара; но межъ тѣмъ успѣла перейти Булакъ остальная часть яртоула, которымъ начальствовали князья Шемякинъ и Троекуровъ; по приказу государя (а безъ этого приказа было запрещено вступать въ битву), они подкрѣпили сражавшихся дѣтьми боярскими и стрѣльцами, и непріятель съ большимъ урономъ былъ отброшенъ въ городъ. Послѣ того полки постепенно заняли назначенныя имъ мѣста.

Осада началась по всѣмъ правиламъ Русскаго осаднаго искусства того времени. Главнымъ правиломъ этого искусства было тѣсное

обложеніе города, такъ чтобы никто не могъ ни войти, ни выйти изъ него. Для сего осаждающіе копали кругомъ ровъ и валъ, на удобныхъ возвышенныхъ пунктахъ, особенно противъ городскихъ воротъ, ставили пушки, закрытыя турами, т.-е. большими плетенками изъ хвороста, наполненными землею; а мѣста низменныя забирали тыномъ или частоколомъ. Поэтому царь заранѣе распорядился, чтобы всякій человѣкъ въ его войскахъ приготовилъ по бревну для тына, а всякій десятокъ сдѣлалъ по одному туру. Артиллерія наша или *нарядъ* состояла изъ большихъ осадныхъ пушекъ (*дѣлъ*) и изъ *пищалей*. Осадныя пушки были собственно мортиры, бросавшія въ крѣпость большія каменныя ядра и потому называвшіяся «верховыми»; были и меньшаго размѣра, но очень длинныя, которыя стрѣляли калеными ядрами и зажигали дома, почему именовались «огненными». Подъ словомъ «пищаль» разумѣлась собственно малая пушка или большое крѣпостное ружье, стоявшее на станкѣ, длиною достигавшее сажени и болѣе. Такая пищаль называлась «затинная»; она стрѣляла желѣзными ядрами. Самыя легкія пищали носились на ремнѣ за плечами и назывались «ручницами», потомъ «ружьями»; изъ нихъ стрѣляли съ сошекъ; ими вооружены были стрѣльцы. Число осадныхъ пушекъ и большихъ пищалей, выставленныхъ противъ Казани, простиралось до 150. Затѣмъ Іоаннъ имѣлъ у себя Нѣмецкихъ инженеровъ, прозванныхъ у насъ «размыслами», которые могли дѣлать подкопы подъ крѣпость и взрывать стѣны. Все число осаднаго Русскаго войска съ вспомогательными отрядами инородцевъ, по лѣтописямъ, простиралось до полутороста тысячъ.

За первою помянутою вылазкой Казанцевъ послѣдавалъ цѣлый рядъ другихъ, такъ что устройство туровъ вокругъ города и вооруженіе ихъ пушками сопровождалось частыми битвами; обыкновенно пока одна часть рати трудилась надъ этимъ дѣломъ, другая часть въ это время отбивала нападеніе Татаръ, старавшихся мѣшать осаднымъ работамъ. Но мало по малу работы эти были окончены; почти противъ каждыхъ городскихъ воротъ со стороны осаждавшихъ воздвигнуты были орудія, закрытыя турами и защищенныя стрѣльцами и казаками, которые впереди ихъ вырыли для себя ровики или шанцы. Около городскихъ стѣнъ на устьѣ Булака стояла каменная баня, называвшаяся Даирова; ее захватили Русскіе казаки и сдѣлали изъ нея родъ форта для дѣйствія противъ осажденныхъ. Когда осадныя работы были окончены, Русскія орудія начали усердно обстрѣливать городъ, и хотя, по своему тогдашнему несовершенству, сравнительно мало причиняли вреда непріятелю, однако держали его въ страхѣ и производили пожары. Осажденные отвѣчали изъ своихъ пушекъ и пищалей,

а также изъ луковъ, но еще съ меньшимъ успѣхомъ. За то въ это время обнаруживалась для нихъ вся польза войска, оставленнаго внѣ города и расположеннаго въ лѣсныхъ засѣкахъ. Русскіе полки, оградивъ себя турами, частоколами и рвами со стороны крѣпости, имѣли открытый тылъ, и вотъ начались частыя нападенія на нихъ съ тыла изъ сосѣднихъ лѣсовъ: изъ Арскаго лѣса нападала конница Япанчи, а изъ лѣсовъ на правой сторонѣ рѣки Казанки приходила Луговая Черемиса. Эти нападенія извнѣ обыкновенно сопровождались вылазками изнутри города. Для сего, по свидѣтельству современника (князя Курбскаго), между внутренними и внѣшними защитниками былъ условленъ извѣстный знакъ. А именно: осажденные выносили большое мусульманское знамя на башню или на какой-нибудь другой возвышенный пунктъ и начинали имъ махать; тогда скрытые въ лѣсахъ Татары устремлялись на Русскія осадныя линіи извнѣ, и въ тоже время изъ городскихъ воротъ производилась вылазка осажденныхъ. Однажды во время подобнаго нападенія Япанчи Казанцы сдѣлали изъ города такую дружную и внезапную вылазку, что едва не завладѣли большимъ Русскимъ нарядомъ, и только послѣ кровопролитной сѣчи были отбиты. Около трехъ недѣль продолжались эти внѣшнія нападенія, которыя держали Русскія войска въ постояной тревогѣ и тѣмъ до крайности ихъ утомляли; конники наши не смѣли отдаляться далеко отъ лагерей, а потому не могли добывать достаточно травы для корму коней. Наконецъ Іоаннъ созвалъ воеводъ на совѣтъ, чтó предпринять. На этомъ совѣтѣ придумали слѣдующую умную мѣру: Русское войско также раздѣлить на двѣ части; одну часть, большую, оставить для продолженія осады, а другую, меньшую, выставить противъ Япанчи. Вторую часть составили изъ 30 тысячъ конницы и 15 тысячъ пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ. Общее начальство надъ нею царь ввѣрилъ доблестному князю Александру Горбатому-Шуйскому, и онъ не замедлилъ оправдать это назначеніе полнымъ успѣхомъ.

Горбатый съ своимъ войскомъ спрятался въ закрытомъ мѣстѣ. Татары, вышедши изъ лѣсу на Арское поле, по обыкновенію, сперва ударили на стражу, охранявшую Русскіе обозы. По заранѣе условленному плану сторожевые отряды отступили къ самымъ шанцамъ; Татары погнались за ними и уже начали «водить круги и гарцовать» передъ шанцами, осыпая ихъ частыми стрѣлами какъ дождемъ. Вдругъ передъ ними появляется скрытая доселѣ часть Русскаго войска и отрѣзываетъ имъ путь отступленія къ лѣсу. Татары принуждены вступить въ неравный бой, который окончился ихъ полнымъ пораженіемъ. Взятыхъ при семъ въ плѣнъ царь велѣлъ привязать къ кольямъ передъ шанцами, чтобы они, подъ угрозою смерти, умоляли Казанцевъ сдать

городъ. Но осажденные въ отвѣтъ на эти мольбы пустили въ плѣнниковъ тучу стрѣлъ, говоря: «лучше умереть вамъ отъ нашихъ мусульманскихъ рукъ, чѣмъ отъ рукъ гяуровъ необрѣзанныхъ». Спустя три дня, Іоаннъ послалъ князей Александра Горбатаго и Семена Микулинскаго разорить и самую лѣсную засѣку, гдѣ успѣли собраться разбитые Татары и откуда они уже замышляли новыя нападенія. А затѣмъ воеводы должны были идти на Арскій городокъ, отстоящій на 56 верстъ отъ Казани. Порученіе это Горбатый и Микулинскій исполнили также съ полнымъ успѣхомъ. Засѣка была укрѣплена острогомъ, т. е. срубами, засыпанными землей, а также сваленными деревьями, и при томъ шла между великими болотами. Однако эта укрѣпленная засѣка была скоро взята и уничтожена, послѣ чего войско два дня шло до Арскаго городка, который нашло пустымъ, потому что жители его разбѣжались. Этотъ походъ совершался по странѣ обильной хлѣбомъ, скотомъ и всякими плодами; ибо тамъ находились частые загородные дворы и села Казанскихъ вельможъ. Кромѣ съѣстныхъ припасовъ Русскіе нашли тамъ цѣнныя шкуры звѣрей, особенно куницъ и соболей, а также большое количество меду. Черезъ десять дней отрядъ воротился со множествомъ плѣнныхъ изъ женщинъ и дѣтей, съ стадами скота и съ богатыми запасами всякаго продовольствія; въ войскѣ явилось вдругъ изобиліе и дешевизна, такъ что корову можно было купить за 10 денегъ Московскихъ. Опасность и тревога со стороны Арскаго лѣса были такимъ образомъ уничтожены; но нападенія Луговой Черемисы съ другой стороны продолжались; впрочемъ по своей силѣ и значенію они не могли равняться съ побитыми наѣздниками Япанчи.

Былъ уже Сентябрь мѣсяцъ, и наступила дождливая погода, весьма неблагопріятно дѣйствовавшая на здоровье и бодрость войска, а тѣмъ болѣе, что окрестности Казани и безъ того изобилуютъ болотистыми сырыми мѣстами. Такое обиліе дождя Русское суевѣріе приписывало даже сверхестественному началу или чародѣйству. По словамъ того же современника Казанскіе старики-колдуны и старыя бабы-колдуньи при восходѣ солнца являлись на стѣнахъ города и съ воплемъ произносили какія-то сатанинскія слова, непристойно вертясь и махая своими одеждами на христіанское войско: тотчасъ поднимался вѣтеръ, нагонялъ облака, и начинался проливной дождь. Вѣра въ такое чародѣйство вызвала слѣдующую мѣру: по совѣту благочестивыхъ людей, царь послалъ на скоро въ Москву за животворящимъ крестомъ, заключавшимъ въ себѣ частицу древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Посланные въ четыре дня на Вятскихъ быстроходныхъ корабликахъ достигли Нижняго-Новгорода, а отсюда поскакали въ Москву на перемѣнныхъ подводахъ, и такимъ образомъ въ короткое время

привезли святыню. Царскіе священники соборнѣ освятили воду животворящимъ крестомъ, обходили лагери и кропили ихъ святою водою. Вскорѣ послѣ того настала ясная погода.

Между тѣмъ иноземные размыслы дѣлали свое дѣло, т. е. вели подкопы. Главный подкопъ заложенъ былъ со стороны Булака и направленъ подъ стѣну между воротами Тюменскими и Аталыковыми. Въ тоже время возникъ вопросъ, откуда осажденные берутъ воду, будучи отрѣзаны отъ рѣки Казанки. Царь призвалъ къ себѣ мурзу Камая, и отъ него узналъ, что около Муралеевыхъ воротъ и бéрега Казанки есть ключъ, куда жители ходятъ за водою подземельемъ или тайникомъ. Стоявшіе въ той сторонѣ воеводы сторожеваго полку, по приказу государя, пытались перекопать этотъ тайникъ сверху, но не могли по твердости грунта; наконецъ узнали, что онъ пролегаетъ близъ Даировой бани, занятой казаками. Государь поручилъ Алексѣю Адашеву и размыслу заложить подкопъ изъ бани подъ тайникъ, затѣмъ велѣлъ сему размыслу оставить это дѣло своимъ ученикамъ, а самому продолжать главный подкопъ. Когда былъ готовъ подкопъ подъ тайникъ, въ него вкатили одиннадцать бочекъ пороху и взорвали. Этимъ взрывомъ тайникъ былъ совершенно уничтоженъ; часть сосѣдней стѣны обрушилась, камни и бревна высоко взлетали на воздухъ и при паденіи своемъ побили много Казанцевъ. Уныніе распространилось въ городѣ, лишенномъ воды. Однако не думали о сдачѣ и начали въ разныхъ мѣстахъ копать, ища воды; докопались только до одного смраднаго источника, откуда и брали воду, хотя отъ этой воды люди пухли и умирали.

Осаждавшіе все ближе и ближе подвигали свои туры, а вмѣстѣ съ ними пушки, и безпрестанно били ядрами по городу; нѣкоторые ворота были уже сбиты; но осажденные возводили за ними новыя бревенчатыя и досчатыя укрѣпленія, засыпанныя землею, или такъ называемые тарасы. Не ограничиваясь устройствомъ туровъ, государь велѣлъ своему дьяку Ивану Выродкову, повидимому свѣдущему въ строительномъ дѣлѣ, приготовить на Арскомъ полѣ подвижную башню въ шесть саженъ вышины. Эту башню придвинули къ Царевымъ воротамъ; на ней поставили 10 большихъ полуторасаженныхъ и 50 затинныхъ пищалей. Такъ какъ она была выше городскихъ стѣнъ, то стрѣльцы открыли съ нея жестокій огонь вдоль улицъ и стѣнъ, убивая много народу. Осажденные копали себѣ подъ воротами и подъ стѣнами земляныя норы, куда и укрывались отъ выстрѣловъ; а потомъ выползали какъ змѣи, дѣлали вылазки и рѣзались съ ожесточеніемъ.

Осаждавшіе наконецъ уже такъ близко придвинули свои туры, что только одинъ городской ровъ отдѣлялъ ихъ отъ стѣнъ; борьба принимала все болѣе кровопролитный и упорный характеръ. Іоаннъ время отъ времени объѣзжалъ полки, осматривалъ туры, навѣщалъ и жаловалъ раненыхъ воеводъ и благочестивыми словами поддерживалъ мужество воиновъ, бившихся противъ враговъ православной вѣры. Однажды Русскіе подкопами взорвали тарасы, поставленные за Царевыми воротами, причемъ бревнами побили много народу, и ужасъ распространился въ городѣ. Пользуясь этимъ моментомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Русское войско устремилось впередъ и заняло разныя башни, мосты и ворота. Нѣкоторые воеводы уже просили царя о повелѣніи сдѣлать общій приступъ; но Іоаннъ думалъ, что время рѣшительнаго удара еще не приспѣло, и велѣлъ отступить. Впрочемъ часть башенъ и воротъ осталась въ рукахъ Русскихъ; Татары немедля воздвигли противъ нихъ срубы, засыпанные землею.

Іоаннъ ждалъ главнаго подкопа. Когда тотъ былъ почти оконченъ, и въ него вкачено 48 бочекъ пороху, царь велѣлъ готовиться къ общему приступу, и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. 30 Сентября (1553 года) онъ приказалъ наполнять городскіе рвы лѣсомъ и землею и устраивать многіе мосты, а въ стѣны усиленно бить изъ большихъ пушекъ, такъ что въ разныхъ мѣстахъ стѣны были сбиты почти до основанія. Собственно для приступа Іоаннъ отобралъ часть войска изъ простыхъ ратныхъ людей, изъ боярскихъ дѣтей, казаковъ и стрѣльцовъ. Казаками начальствовали ихъ атаманы, стрѣльцами ихъ головы, а ратнымъ людямъ каждой сотнѣ былъ назначенъ голова изъ опытныхъ боярскихъ дѣтей. Этимъ передовымъ отрядамъ воеводы должны были помогать людьми изъ своихъ полковъ, причемъ каждому воеводѣ назначено занять мѣсто противъ опредѣленныхъ заранѣе воротъ и проломовъ. А чтобы во время приступа не подошла осажденнымъ помощь извнѣ, изъ сосѣднихъ лѣсовъ, а также чтобы отрѣзать бѣгство изъ города, поставлена вездѣ крѣпкая стража: на Арскомъ полѣ, на дорогахъ Арской и Чувашской поставлены Шигъ-Алей съ Касимовскими князьями и мурзами, князь Ѳедоръ Мстиславскій съ своимъ полкомъ и Горная Черемиса; на дорогѣ Ногайской поставлены князья Оболенскій и Мещерскій съ своими отрядами; на Галицкой, за рѣкой Казанкой, князь Ромодановскій и Заболоцкій; тамъ же за Казанкой отъ Луговой Черемисы оберегали съ царскими дворянами головы Воротынскій и Головинъ. Часть войска кромѣ того оставлена была при государѣ, какъ его охрана и какъ главный запасъ (резервъ). Взрывъ большаго подкопа долженъ былъ послужить сигналомъ для на-

чала приступа. Готовясь къ рѣшительному дѣлу, Іоаннъ еще разъ пытается склонить Казанцевъ къ добровольной сдачѣ съ обѣщаніемъ помилованія, если выдадутъ главныхъ измѣнниковъ; для этихъ переговоровъ онъ выбралъ мурзу Камая. Но Казанцы дали единодушный отвѣтъ: «Не бьемъ челомъ; Русь уже на стѣнѣ и въ башняхъ; но мы поставимъ другую стѣну. Или всѣ помремъ, или отсидимся».

2 Октября, въ Воскресенье, на зарѣ, передъ самымъ приступомъ, государь, облеченный въ *юмшанъ*, т. е. въ боевую броню, слушалъ божественную литургію въ своей полотняной церкви и усердно молился. Передъ восходомъ солнца, когда дьяконъ, читая Евангеліе, возгласилъ «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», раздался сильный громъ, и задрожала земля. То взорвали подкопъ; часть городской стѣны съ бревнами, землею и людьми высоко взлетѣла на воздухъ и потомъ обрушилась, покрывъ множество народа подъ развалинами. Царь вышелъ къ дверямъ, посмотрѣлъ на дѣйствіе подкопа и потомъ продолжалъ слушать литургію. Во время чтенія ектеніи, когда дьяконъ произнесъ слова «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата», послѣдовалъ второй взрывъ, еще болѣе ужасный, чѣмъ первый; часть стѣны опять взлетѣла на воздухъ, многіе ея защитники разорваны на куски. Тогда Русское воинство со всѣхъ сторонъ устремилось на городъ съ кликомъ: «съ нами Богъ!» Татары, призывая Магомета на помощь, подпустили Русскихъ къ самымъ стѣнамъ, и вдругъ осыпали ихъ множествомъ камней изъ орудій и тучею стрѣлъ изъ луковъ. Когда же Русскіе приставили лѣстницы и полѣзли на стѣны и на башни, ихъ начали обливать кипяткомъ и скатывать на нихъ бревна. На самыхъ стѣнахъ Татары, на сей разъ не прятавшіеся за укрѣпленіями, вступили въ жестокій рукопашный бой. Уже два раза ближніе бояре посылали къ царю вѣстниковъ, призывая его явиться для ободренія полковъ. Но Іоаннъ дождался окончанія литургіи, и тогда, съѣвъ кусокъ просфоры и взявъ благословеніе у своего духовника, Благовѣщенскаго священника Андрея, пошелъ изъ церкви. «Благословите и простите за православіе пострадать; а вы намъ молитвою помогайте», сказалъ онъ духовенству, сѣлъ на коня и выѣхалъ къ своему царскому полку. Въ эту минуту Русскія знамена уже развѣвались на стѣнахъ Казанскихъ.

Уже наше войско ворвалось въ городъ со стороны Арскаго поля. Татары покинули стѣны; тѣснимые Русскими, они, со своимъ царемъ Едигеромъ во главѣ, отступали къ верхней части города, т. е. къ царскому двору, продолжая отчаянно биться копьями и саблями; а гдѣ по тѣснотѣ не могли дѣйствовать этимъ оружіемъ, тамъ рѣзали

ножами, хватая противниковъ за руки. Но тутъ ряды нападающихъ вдругъ стали таять. Открывшаяся передъ ними внутренность города съ его богатствами, т. е. гостинные дворы и лавки наполненныя разными Азіатскими товарами, и дома богатыхъ людей, изобилующіе золотомъ, серебромъ, коврами, дорогими каменьями и мѣхами, соблазнили многихъ Русскихъ воиновъ: они оставили битву и бросились на грабежъ. Многіе малодушные и трусы, притворившіеся мертвыми или ранеными еще во время самаго приступа, теперь вскочили на ноги и присоединились къ грабителямъ. Когда вѣсть о томъ распространилась до Русскихъ обозовъ, оттуда прибѣжали кашевары, конные пастухи, даже вольные торговцы, и устремились на корысть. Пока храбрые въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бились съ Татарами, нѣкоторые «корыстовники» успѣвали по два и по три раза отнести свою добычу въ лагерь, и опять прибѣжать въ городъ. Замѣтивъ, что число истинныхъ воиновъ осталось невелико и тѣ очень утомлены битвою, Татары собрались съ силами, дружно ударили на нападающихъ и въ свою очередь потѣснили ихъ назадъ. Князь Михаилъ Воротынскій послалъ къ государю просить подкрѣпленія. Въ эту минуту, увидѣвъ отступленіе нашихъ, корыстовники испугались и обратились въ бѣгство; многіе изъ нихъ не попали въ ворота, а начали скакать черезъ стѣны, съ крикомъ: *сѣкутъ! сѣкутъ!* Видя бѣгство своихъ изъ города, Іоаннъ поблѣднѣлъ и смутился: онъ думалъ, что уже все войско наше отбито и приступъ окончился пораженіемъ. Но окружавшіе его опытные въ ратномъ дѣлѣ бояре («мудрые и искусные сигклиты», какъ выражается Курбскій) велѣли водрузить самую большую хоругвь близъ царевыхъ городскихъ воротъ, взяли Іоаннова коня за узду и поставили его подъ хоругвію; а половинѣ двадцатитысячнаго царскаго полку велѣли сойти съ коней и идти въ городъ на помощь сражавшимся. Часть бояръ также сошла съ коней съ своими дѣтьми и сродниками и поспѣшила въ сѣчу. Эта свѣжая помощь тотчасъ повернула битву опять въ нашу пользу. Татары снова отступили къ царскому двору и большимъ мечетямъ, гдѣ къ нимъ присоединились духовные сеиты и муллы, съ Кулъ-шерифъ-моллою во главѣ, которые почти всѣ пали въ этой отчаянной рѣзнѣ. Едигеръ съ остаткомъ дружины заперся на своемъ укрѣпленномъ дворѣ и еще часа полтора оборонялся въ немъ. Наконецъ Русскіе вломились и въ это послѣднее убѣжище. Тутъ на одной сторонѣ двора они увидали толпу прекрасныхъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ; а въ другомъ углу собрался остатокъ Татаръ около своего хана: они думали, что Русское войско прельстится женщинами и ихъ нарядами, и прежде всего бросится забирать ихъ въ плѣнъ. Но Русскіе пошли прямо на Татаръ. Тогда

они взвели своего царя Едигера на башню и просили на минуту остановить сѣчу. Просьба ихъ была услышана. «Пока нашъ юртъ стоялъ и въ немъ былъ царскій престолъ, мы обороняли его до послѣдней возможности; нынѣ отдаемъ вамъ царя здравымъ: ведите его къ своему царю! А оставшіеся изъ насъ идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Выславъ Едигера съ однимъ карачіемъ или вельможею, по имени Зейнешъ, и двумя имилдешами (царскими молочными братьями), Татары начали частію пробиваться въ Елбугины ворота, а большей частью прыгать со стѣнъ и собираться на берегу Казанки. Стоявшіе съ этой стороны воеводы открыли по нимъ огонь изъ пушекъ. Татары бросились берегомъ внизъ по рѣкѣ, потомъ остановились, сбросили съ себя лишнюю одежду, разулись и пошли въ бродъ черезъ рѣку. Ихъ оставалось еще тысячъ пять, и при томъ самыхъ храбрыхъ. Русскіе, стоявшіе на стѣнахъ, видѣли, что Татары уходятъ, но остановить ихъ не могли; ибо въ этомъ мѣстѣ были большія стремнины. Молодой воевода, князь Андрей Михайловичъ Курбскій первый пустился въ погоню, собравъ вокругъ себя сотни двѣ или три всадниковъ. Онъ перешелъ рѣку и раза три храбро врубался въ густую толпу Татаръ; но въ четвертый разъ упалъ вмѣстѣ съ раненымъ конемъ своимъ, и самъ весь израненный потомъ замертво былъ поднятъ своими; только крѣпкая кольчуга охранила его отъ смерти. На помощь всадникамъ подоспѣлъ родной братъ князя Курбскаго; онъ тоже нѣсколько разъ врубался въ толпу Татаръ; подоспѣли нѣкоторые другіе воеводы, которые били непріятелей до тѣхъ поръ, пока тѣ не достигли болотистаго, лѣсистаго мѣста, куда и спаслось ихъ нѣсколько сотъ оставшихся отъ истребленія.

Казань была взята; вмѣстѣ съ тѣмъ освобождено нѣсколько тысячъ Русскихъ плѣнниковъ. Въ полонъ Русскимъ досталось огромное количество Татарскихъ женъ и дѣтей; а вооруженные люди, по приказу царя, большею частію были избиваемы «за ихъ измѣны». Убитыхъ было такое множество, что по всему городу не было мѣста, гдѣ бы можно было ступить не на мертваго; а около царскаго двора и по ближнимъ улицамъ кучи убитыхъ возвышались наравнѣ съ городскими стѣнами; рвы были ими наполнены, а также и тѣ мѣста, по которымъ уходили послѣдніе защитники, т. е. берега́ Казанки и лугъ, простиравшійся отъ нея къ лѣсу. Разумѣется, и Русскому воинству дорого обошлась эта побѣда, и оно потеряло во время осады множество людей отъ болѣзней и отъ рукъ непріятельскихъ.

Іоаннъ прежде всего возблагодарилъ Бога за побѣду и велѣлъ пѣть благодарственный молебенъ подъ своимъ знаменемъ, на которомъ

было изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. (На томъ же мѣстѣ онъ потомъ велѣлъ соорудить и храмъ въ честь этого образа). Сюда собрались воеводы и всѣ бояре, съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ впереди; потомъ подъѣхалъ и Шигъ-Алей. «Буди государь здравъ на многія лѣта на Богомъ дарованномъ ти царствѣ Казанскомъ!» повторяли они, привѣтствуя государя. Окруженный воеводами и своими дворянами, государь вступилъ въ городъ и направился къ царскому двору. Его встрѣчали побѣдоносныя войска съ толпами освобожденныхъ Русскихъ плѣнниковъ и кричали: «Многая лѣта царю благочестивому Ивану Васильевичу, побѣдителю варваровъ!» Городъ въ разныхъ мѣстахъ горѣлъ. Царь приказалъ тушить пожары, а всѣ взятыя сокровища, плѣнниковъ и плѣнницъ велѣлъ раздѣлить между воинами; себѣ взялъ только плѣннаго Едигера-Махмета, царскія знамена и городскія пушки. Послѣ того онъ возвратился въ свою загородную стоянку.

Съ радостною вѣстью въ Москву къ своей царицѣ Анастасіи, брату Юрію и митрополиту онъ отправилъ шурина своего Даніила Романовича Юрьева. Къ 4-му Октября Казань очистили отъ труповъ, и государь снова вступилъ въ городъ. Тутъ онъ выбралъ мѣсто, на которомъ велѣлъ построить соборный храмъ во имя Благовѣщенія, пока деревянный; потомъ съ крестами обошелъ городскія стѣны и велѣлъ святить городъ. Затѣмъ, принявъ челобитье и присягу о покорности отъ Арскихъ людей и Луговой Черемисы, царь оставилъ здѣсь своимъ намѣстникомъ и большимъ воеводою князя Александра Борисовича Горбатаго, при немъ товарищемъ князя Василія Семеновича Серебрянаго и далъ ему многихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ; а самъ 11 Октября поспѣшилъ отправиться въ свою столицу, хотя нѣкоторые опытные бояре совѣтовали ему не спѣшить отъѣздомъ и прежде устроить дѣла Казанскія. Онъ поплылъ съ пѣхотою на судахъ по Волгѣ, а конницу послалъ берегомъ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ къ Васильсурску. Въ Свіяжскѣ воеводою оставленъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, который вѣдалъ и всей Горною Черемисою. Въ Нижнемъ кромѣ житей и духовенства государя встрѣтили бояре, посланные привѣтствовать его изъ Москвы отъ царицы, брата Юрія и митрополита. Изъ Нижняго государь поѣхалъ на коняхъ къ Владиміру; не доѣзжая этого города, онъ встрѣтилъ боярина Траханіота, который привезъ радостную вѣсть отъ царицы Анастасіи: у нея родился сынъ царевичъ Димитрій. Прежде нежели вступить въ столицу, Іоаннъ не преминулъ заѣхать въ Троицкую Лавру и поклониться угоднику Сергію. Когда государь приблизился

къ Москвѣ, на встрѣчу ему вышло такое множество народу, что все поле отъ рѣки Яузы до посаду едва вмѣщало людей. Слышались только крики: «Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варварскому, избавителю христіанскому!» Митрополитъ, епископы и все духовенство встрѣчали государя со крестами. Царь обратился къ митрополиту и ко всему освященному собору съ пространнымъ благодарственнымъ словомъ за ихъ молитвы, помощью которыхъ онъ побѣдилъ невѣрныхъ Казанцевъ. Митрополитъ отвѣчалъ ему въ томъ же смыслѣ. Послѣ сего царь сошелъ съ коня, снялъ доспѣхъ и замѣнилъ его царскимъ одѣяніемъ; повѣсилъ на груди животворящій крестъ, на главу возложилъ шапку Мономахову, и пѣшій отправился за крестами въ Успенскій соборъ, гдѣ со слезами благодарности прикладывался къ мощамъ Петра и Іоны митрополитовъ. И уже затѣмъ вступилъ онъ въ царскія палаты, гдѣ обнялъ свою супругу и новорожденнаго сына. Безспорно это былъ счастливѣйшій и самый свѣтлый день въ его жизни.

8 Ноября у царя былъ пиръ въ большой Грановитой палатѣ для всего высшаго духовенства, для многихъ бояръ и воеводъ. Потомъ государь раздавалъ щедрые подарки митрополиту и всѣмъ бывшимъ тогда въ Москвѣ владыкамъ. Князя Владимира Андреевича онъ жаловалъ шубами, большими Фряжскими кубками и золотыми ковшами. Также всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ походѣ воиновъ отъ бояръ и до дѣтей боярскихъ, смотря по достоянію, онъ жаловалъ шубами съ своихъ плечъ, бархатами на золотѣ и соболяхъ, кубками, ковшами, конями, доспѣхами, платьемъ и деньгами. Торжественные пиры съ подарками продолжались три дня, и въ эти дни, по счету царскихъ казначеевъ, деньгами и вещами роздано было на 48.000 рублей, кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, которыми государь жаловалъ особо.

Велика была народная радость, съ которою встрѣчено на Москвѣ покореніе Казанскаго царства. Да и было чему радоваться. Уже въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій борьба съ Татарскими ордами постоянно занимала вниманіе Русскаго народа и сдѣлалась главнымъ его политическимъ интересомъ. Еще жива была память о Татарскомъ игѣ и сопровождавшихъ его бѣдствіяхъ, изъ которыхъ самое значительное составлялъ постоянный уводъ огромнаго количества плѣнныхъ христіанъ, попадавшихъ въ бусурманскую неволю. Съ окончаніемъ непосредственнаго ига не кончилось это постоянное бѣдствіе, поддерживавшее въ народѣ ненависть къ варварамъ и питавшее жажду мщенія. Изъ двухъ главныхъ наслѣдницъ Золотой Орды, угнетавшихъ

наши окраины, ордъ Казанской и Крымской, первая и ближайшая къ Москвѣ была теперь уничтожена; хищное бусурманское гнѣздо обращалось въ Русскій городъ, на мѣстѣ мусульманскихъ мечетей воздвигались христіанскіе храмы; почти вся восточная окраина Московскаго государства обрѣтала спокойствіе; все среднее теченіе Волги давало теперь полный просторъ Русскому поступательному движенію на Востокъ, существовавшему искони. Естественно поэтому, что Іоаннъ, какъ завоеватель цѣлаго Татарскаго царства, сдѣлался героемъ въ глазахъ Русскаго народа и прославлялся въ его пѣсняхъ; ради этой славы многое прощалось ему въ его послѣдующей менѣе свѣтлой дѣятельности.

Такъ какъ борьба съ Татарами-мусульманами издавна пріобрѣла не только національный, но и православно-религіозный характеръ, то покореніе Казани являлось въ глазахъ современниковъ прежде всего подвигомъ благочестія, побѣдою православія. Оттого, подобно Куликовской битвѣ, и это событіе дошло до насъ въ лѣтописяхъ, украшенное легендами, по которымъ паденіе Казани заранѣе предвѣщалось разными знаменіями и явленіями, какъ бы сами небесныя силы принимали участіе въ побѣдѣ надъ невѣрными.

Тою же зимою Іоаннъ окрестилъ обоихъ плѣнныхъ Казанскихъ царей: маленькій Утемишъ-Гирей получилъ имя Александра, а Едигеръ-Махметъ названъ Симеономъ. Послѣднему государь подарилъ дворъ въ Москвѣ, приставивъ къ нему особаго боярина и цѣлый штатъ чиновниковъ для почетной службы.

Д. Иловайскій.

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

ВЪѢЗДЪ КНЯЗЯ А. И. БАРЯТИНСКАГО ВЪ ТИФЛИСЪ (8 НОЯБРЯ 1856 Г.)

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I.

Назначеніе состоять при особѣ Императора.—Два письма князя Воронцова.—Выѣздъ въ свитѣ Государя въ Москву и Крымъ.—Письмо къ князю Воронцову.—Разговоръ съ барономъ Ливеномъ объ унтеръ-офицерахъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Назначеніе командиромъ резервнаго гвардейскаго корпуса.—Эпизодъ съ провинившимся офицеромъ.—Предположеніе о предстоявшихъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и требованіе по этому мнѣнія разныхъ лицъ.—Опроверженіе княземъ Барятинскимъ взглядовъ генерала Муравьева.—Письмо къ князю Воронцову и отвѣтъ его.—Назначеніе на Кавказъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ.

Съ прибытіемъ въ Петербургъ, князь Барятинскій былъ назначенъ состоять при особѣ Императора Александра Николаевича. Если мы вспомнимъ, что это было въ Іюнѣ 1855 г., то легко себѣ представить положеніе, въ которомъ находился Государь, три только мѣсяца передъ тѣмъ вступившій на престолъ. Каждый день приносилъ скорбныя извѣстія о страшной борьбѣ, происходившей въ Севастополѣ, о громадныхъ кровавыхъ жертвахъ, поглощаемыхъ этою борьбою, исходъ которой, увы! не могъ возбуждать большихъ надеждъ въ нашу пользу. Въ такія минуты присутствіе близкаго человѣка, давно испытаннаго въ преданности, къ тому же въ послѣднія нѣсколько лѣтъ умудреннаго опытомъ, не могло не быть отраднымъ и ободряющимъ для новаго Государя.

Князь Барятинскій никогда не велъ дневника, не оставилъ почти никакихъ записокъ или черновыхъ писемъ, и

только акуратно сохранялъ всѣ получаемыя письма. Задача біографа, поэтому, крайне затруднена: приходится ограничиваться письмами разныхъ лицъ, небольшимъ числомъ писемъ самого князя Александра Ивановича и то лишь найденныхъ въ архивѣ князя Воронцова, да частью у графа Милютина и у покойнаго статсъ-секретаря Крузенштерна, оффиціальными документами, нѣкоторыми сообщеніями близкихъ ему лицъ и собственными воспоминаніями (біографа) о періодѣ Кавказской дѣятельности князя.

За время отъѣзда съ Кавказа въ Маѣ 1855 г., въ теченіе почти года, свѣдѣнія о дѣятельности князя Барятинскаго весьма скудны: переписка съ княземъ Воронцовымъ хотя и продолжалась, но уже не такъ часто; къ тому же не всѣ письма сохранились.

Вотъ два изъ писемъ князя Михаила Семеновича.

Изъ Дрездена отъ 18 Февраля (2 Марта) 1855 года.

„Цѣлый вѣкъ мы съ вами не переписывались; мое послѣднее письмо было отъ 27 Декабря, ваше отъ 14 Ноября. Въ этотъ промежутокъ времени я хотѣлъ вамъ писать, но каждую минуту ожидалъ извѣстій о томъ, что́ вы рѣшите послѣ перваго свиданія съ новымъ вашимъ начальникомъ. Его отъѣздъ изъ Петербурга былъ задержанъ. Хотя первыя же письма изъ Тифлиса вѣроятно извѣстятъ насъ о прибытіи генерала Муравьева и принятыхъ имъ на первыхъ порахъ мѣрахъ, но я на всякій случай пишу вамъ нѣсколько словъ, потому что долгое молчаніе между нами мнѣ весьма тягостно; нужно и о нашихъ новостяхъ вамъ разсказать.

„Благодаря Бога, дѣла у васъ на Кавказѣ были хороши, и непріятель на Азіятской границѣ скорѣе ослабленъ, чѣмъ усиленъ. Судя по газетамъ, Курды, надѣлавшіе намъ въ 1853 году столько хлопотъ и дѣйствовавшіе противъ насъ наступательно, въ настоящее время скорѣе на нашей сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Турокъ, и оказываютъ намъ много услугъ. Съ другой стороны, союзникамъ столько дѣла въ Крыму и нужно побороть столько затрудненій, что едвали они могутъ подумать о чемъ нибудь серьезномъ въ пользу Анатолійской Турецкой арміи, или о сильныхъ высадкахъ на Кавказѣ.

„На Кавказской линіи и въ Дагестанѣ Шамиль, безъ сомнѣнія, долженъ былъ возымѣть большія надежды, въ виду войны западныхъ державъ противъ насъ; однако въ теченіе двухъ лѣтъ ожиданія его не сбылись, и онъ видитъ Россію на обоихъ склонахъ хребта также сильною, какъ и всегда.

„Судя по рѣчамъ новыхъ Англійскихъ министровъ, возможно, что совѣщанія въ Вѣнѣ склонятся на сторону всеобщаго примиренія. Лордъ Джонъ-Россель прибылъ третьяго дня въ Берлинъ и долженъ былъ немедленно уѣхать въ Вѣну; а въ самой Англіи, какъ въ министерствѣ, такъ и въ странѣ, партія мира усиливается. Пилисты, присоединившіеся къ министерству лорда Пальмерстона, почти всѣ на сторонѣ мира, а тѣ которые не вошли въ составъ министерства поддержатъ его только въ такомъ случаѣ, если онъ выкажетъ себя миролюбивымъ. Если же, не смотря на все это, Англійское правительство требуетъ въ ослѣпленіи и раздраженіи противъ насъ, также какъ г-нъ Луи-Наполеонъ, войны: то, я думаю, мы достаточно сильны, чтобы защищаться противъ нихъ всѣхъ, и Богъ поможетъ нашему правому дѣлу.

„Положеніе Пруссіи и Союза кажется благопріятнымъ; можно предполагать, что и Австрія не разъ подумаетъ прежде чѣмъ рѣшится объявить себя совсѣмъ противъ насъ и не поддержать нашу, столь умѣренно-справедливую программу, по которой Государь рѣшился согласиться на условія, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ нашими же врагами предложенныя.

„Мы все прозябаемъ здѣсь въ Дрезденѣ въ ожиданіи событій и весны. Я акуратно продолжаю предписанный курсъ лѣченія, но кромѣ отсрочки скверныхъ симптомовъ моей болѣзни, другаго результата не вижу. Нѣсколько недѣль тому назадъ со мною приключилась еще новая болѣзнь, въ родѣ вашей, ревматическая подагра въ лѣвой ногѣ. Нѣсколько дней я былъ не въ состояніи выходить изъ дому, что́ мнѣ было крайне тяжело, такъ какъ движеніе на воздухѣ мнѣ необходимо; теперь, хотя и съ болью, я хожу, и доктора говорятъ, что я долженъ скорѣе выносить эту боль, чѣмъ оставаться безъ движенія. Въ случаѣ заключенія мира, я могъ бы въ Маѣ мѣсяцѣ отправиться въ Карлсбадъ; но если наши отно-

шенія съ Австріею еще болѣе омрачатся, мнѣ было бы очень тягостно находиться въ подвластной ей мѣстности. Останется удовольствоваться курсомъ лѣченія искусственными водами здѣсь, или еще лучше въ Кіевѣ, гдѣ я имѣлъ бы по крайней мѣрѣ утѣшеніе быть посреди своихъ, слышать одно общее мнѣніе и видѣть одинъ общій энтузіазмъ".

Слѣдующее письмо было отъ 15 (27) Мая, тоже изъ Дрездена.

„Я получилъ ваше милое письмо отъ 20 Марта ст. стиля въ отвѣтъ на мое, посланное нѣсколько ранѣе. Я очень радъ, что вы продолжаете служить Кавказу и находите вообще военное положеніе края усилившимся, не только для обороны, но и для наступленія.

„Надежды на миръ съ каждымъ днемъ становятся все слабѣе; но наши враги такъ заняты своими настоящими и будущими операціями въ Европѣ, что я не боюсь, чтобы они могли предпринять что нибудь серьезное въ Азіи.

„Генералъ Муравьевъ очень хорошо сдѣлалъ, что довѣрилъ Лезгинскую линію князю Андроникову, подчинивъ ему всѣ прилегающія съ Сѣвера и Юга мѣстности: Левану Меликову было бы невозможно нести отвѣтственность въ одно и тоже время за все, чтó могло бы случиться между Закаталами и Нухой и на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи, въ случаѣ, если бы непріятель вздумалъ серьезно атаковать эти пункты.

„Вы можете судить, какую радость мы испытали, узнавъ объ освобожденіи интересныхъ Цинондальскихъ плѣнницъ и что онѣ, а равно и всѣ дѣти, такъ чудесно сохранились. Было бы любопытно узнать, чтó будетъ дѣлать молодой Шамиль у своего отца, войдетъ ли онъ во вкусъ и привычки страны, какъ будетъ встрѣченъ и принятъ разными наибами и членами собственной семьи?

„Хорошо сдѣлали, что призвали Бакланова командовать кавалеріею въ Кахетіи; это очень полезный резервъ, если только можно безъ него обойтись на Лѣвомъ флангѣ. Я хотѣлъ бы имѣть втораго Бакланова для Крыма, гдѣ у насъ прекрасная многочисленная кавалерія, до сихъ поръ ничего не сдѣлавшая.

„Сердечно вамъ благодаренъ за все, что̀ вы говорите о моемъ здоровьи. Безпокойства и тревоги послѣднихъ шести мѣсяцевъ парализовали всякій успѣхъ моего лѣченія; нервы мои сильно разстроены. Хочу пробовать здѣсь, въ Дрезденѣ, Карлсбадскія воды, подъ присмотромъ доктора Геденіуса; здѣсь я буду спокойнѣе чѣмъ въ Карлсбадѣ, гдѣ нельзя избѣжать большаго свѣта и встрѣчи со многими иностранцами. Наши планы: сейчасъ же послѣ лѣченія, т. е. около 10-го Іюля н. ст., уѣхать прямо въ Петербургъ, гдѣ я чувствую обязанность и необходимость представиться нашему новому Монарху. Тамъ мы рѣшимъ, гдѣ будемъ искать отдыха; но во всякомъ случаѣ на осень и зиму останемся въ Россіи“.

Между тѣмъ, князь Барятинскій находился въ Петербургѣ безъ всякой опредѣленной дѣятельности. Какъ провелъ онъ эти лѣтніе мѣсяцы, Іюнь и Іюль 1855 года, принималъ ли участіе въ какихъ-нибудь совѣщаніяхъ по поводу тогдашнихъ военныхъ событій, неизвѣстно; только изъ приводимаго ниже письма его къ князю Воронцову оказывается, что онъ выѣхалъ въ свитѣ Государя изъ Петербурга.

„Отрада *), 4 Августа 1855 года. Поручаю брату моему Анатолію доставить вамъ это письмо. Онъ самъ поѣдетъ въ Царское Село, чтобы передать вамъ извѣстія о Семенѣ, котораго онъ видѣлъ въ проѣздъ чрез Симферополь. Такимъ образомъ я убѣжденъ, что это письмо попадетъ по адресу безъ огласки.

„Императоръ, по прибытіи въ Кремль, совершилъ всѣ обычныя церемоніи; какъ и должно было ожидать, онъ былъ принятъ всѣми съ великимъ энтузіазмомъ.....

„Вчера я получилъ приказаніе Государя сопровождать его въ путешествіи. Его Величество измѣнилъ свое предположеніе и вмѣсто Варшавы ѣдетъ въ Николаевъ. Признаюсь, эта перемѣна мнѣ не нравится; исполненіе этого намѣренія можетъ стать затруднительнымъ. Вчера Государь пригласилъ меня присутствовать при чемъ-то въ родѣ военнаго совѣщанія; тамъ были: Ливенъ, Долгоруковъ и я. Разбирался вопросъ объ оставленіи Крыма. Государь и эти господа скло-

---

*) Имѣніе графа Орлова-Давыдова, въ Серпуховскомъ уѣздѣ.

нялись на то, чтобы удержать эту страну, сосредоточивъ войска въ самомъ центрѣ Крыма. Я высказалъ свое мнѣніе, которое впрочемъ и ваше, что слѣдуетъ отодвинуть главную часть арміи къ Перекопу, а на дорогѣ къ Симферополю оставить сильный авангардъ; за тѣмъ переобразовать армію и создать ее къ веснѣ сильною и грозною,—безъ чего мы потеряемъ остальное, и намъ будутъ предписывать законы. Я имѣлъ также случай подать голосъ относительно Кавказа и передать ваше мнѣніе о Баязетѣ. Императоръ вполнѣ раздѣляетъ эту мысль и приказалъ написать объ этомъ Муравьеву.

„Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ событія, которыя могутъ васъ интересовать. Братъ мой можетъ передать вамъ подробности, которыя вы захотѣли-бы имѣть относительно Крыма; онъ весьма развитой офицеръ и, по отзывамъ всѣхъ, служилъ послѣднее время примѣрно. P. S. Васъ можетъ удивить помѣта этого письма:—испросивъ у Государя на нѣсколько дней отпускъ, я пріѣхалъ сюда для свиданія съ родными".

Во время поѣздки съ Государемъ въ Крымъ, князь Барятинскій съ 27 Сентября по 15 Октября командовалъ всѣми войсками, собранными въ Николаевѣ и его окрестностяхъ.

Во время этой же поѣздки былъ случай, характеризующій взгляды князя Барятинскаго, какъ истинно-военнаго человѣка. Баронъ Ливенъ щеголялъ тѣмъ, что особенно удачно отличалъ унтеръ-офицеровъ отъ рядовыхъ, а въ то время на шинеляхъ между ними никакихъ отличій не было. Ѣхавши вмѣстѣ въ одномъ экипажѣ, князь, какъ бы не понимая въ чемъ суть, просилъ Ливена объяснить, какъ это ему дается.

— Очень просто: я вижу солдата—молодецъ собой, и я увѣренъ, что это унтеръ-офицеръ.

— У насъ на Кавказѣ, замѣтилъ князь, люди выбираются въ унтеръ-офицеры не по наружности. Молодецъ собой можетъ быть дрянной человѣкъ, между тѣмъ какъ въ унтеръ-офицерахъ вся сила полка. Унтеръ-офицеры должны быть молодцами въ нравственномъ отношеніи, они должны соеди-

нять всѣ моральныя качества солдата; выбирать же ихъ по наружности—значитъ деморализовать армію.

Отвѣтъ не совсѣмъ понравился барону, привыкшему къ другой системѣ, особенно въ гвардіи, гдѣ въ тѣ времена, бывало, осмотрятъ солдата и, если наружность понравится, назначатъ къ производству въ унтеръ-офицеры; но князь Барятинскій продолжалъ развивать свою мысль.

— Полковому командиру предоставлено право давать и снимать галуны; право это весьма важно, потому что оно даетъ возможность поддерживать въ полку военный духъ и дисциплину, качества, дѣлающія людей храбрыми, послушными при удачѣ, терпѣливыми при неудачѣ, безъ чего нѣтъ хорошихъ войскъ. Если у насъ принята другая система производства въ унтеръ-офицеры, особенно въ гвардіи, то это потому, что высшія лица обращаютъ главное вниманіе на смотры, на внѣшность войска. Система Фридриха Великаго имѣть большія массы, движущіяся съ точностью часоваго механизма, отжила свой вѣкъ и принесла намъ уже довольно вреда. Между тѣмъ смотры, какъ ихъ теперь дѣлаютъ, не болѣе какъ остатокъ этой системы. Требуютъ отъ солдата щегольской наружности и церемоніальнаго марша, а другія моральныя и болѣе важныя качества оставляютъ въ сторонѣ.

Разсказывая впослѣдствіи объ этомъ случаѣ, князь добавилъ, что „теперь (т.-е. послѣ Крымской войны) хотя уже дознано, что стрѣльба въ пѣхотѣ, ловкость и легкость въ кавалеріи суть важнѣйшія качества, и командиры уже стали наблюдать за этимъ, однако когда дѣло доходитъ до царскаго смотра требуютъ одной лишь внѣшности. Въ одномъ комитетѣ происходили на эту тему пренія, и старый усердный генералъ Офенбергъ въ раздраженіи крикнулъ однажды: „У меня два глаза; одинъ видитъ по новому, а другой по старому. Обоими я ничего не вижу; ну, выколите мнѣ одинъ, чтобы я могъ видѣть“. Нельзя было не согласиться съ генераломъ, что двухъ цѣлей преслѣдовать нельзя: или нужно идти съ вѣкомъ, или придерживаться тактики Фридриха II. Стоитъ только посмотрѣть, какъ у насъ дѣлаютъ инспекторскіе смотры, чтобы убѣдиться, до какой степени нравственная сторона въ войскахъ упускается изъ вида“.

До возвращенія въ Петербургъ, князь Барятинскій получилъ еще одно письмецо отъ князя Воронцова, отъ 12-го Октября, изъ Петербурга, посланное чрезъ графа Андрея Шувалова, ѣхавшаго курьеромъ къ Государю. Князь Михаилъ Семеновичъ выражалъ всеобщее безпокойство, что Императоръ такъ долго остается среди всей этой сумятицы, тогда какъ полагали, что если онъ уже рѣшился ѣхать туда, то не болѣе какъ на два, на три дня. Старикъ молитъ Бога, чтобы Онъ сохранилъ и поддержалъ Монарха въ томъ запутанномъ положеніи, въ которомъ онъ находился. О себѣ писалъ онъ, что по волѣ Государя присутствуетъ въ комитетѣ по защитѣ береговъ и былъ бы очень счастливъ, если бы могъ оказать тамъ хоть нѣсколько пользы. Княгиня Воронцова приписала, по обыкновенію, нѣсколько словъ, полныхъ любви и добрыхъ пожеланій. „Молю Бога, прибавляетъ она, чтобы Онъ благословилъ тамъ всѣ ваши дѣйствія и предпріятія, отъ которыхъ Россія ожидаетъ всего“.

Вскорѣ Государь, а съ нимъ и князь Барятинскій возвратились въ Петербургъ. Севастополь уже палъ, исходъ войны не подлежалъ сомнѣнію; близость мира, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, предвидѣлась всѣми. Однако складывать оружія пока не приходилось, и въ числѣ мѣръ могущей возобновиться борьбы, было сформированіе резервнаго гвардейскаго корпуса. 1-го Января 1856 года командиромъ этого корпуса назначенъ князь Барятинскій.

Князь былъ доволенъ своимъ положеніемъ и не жалѣлъ о томъ, что не принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ конца Восточной войны. Въ гвардіи были тоже имъ довольны, хотя иногда и вызывалось недоумѣніе нѣкоторыми особенностями его командованія и обращеніемъ съ подчиненными. Одинъ подобный случай князь Александръ Ивановичъ разсказывалъ очень забавно, со свойственнымъ ему юморомъ.

„Какъ-то разъ, гуляя пѣшкомъ, я встрѣтилъ на Николаевскомъ мосту гвардейскаго офицера, который велъ на смѣну караулъ, а самъ ѣхалъ на извощикѣ. Я его подозвалъ и спросилъ, узнаётъ ли онъ меня?—Нѣтъ, ваше превосходительство, былъ отвѣтъ. — Ну, такъ послѣ смѣны вашей съ караула, явитесь къ полковому командиру и разскажите, что,

ведя караулъ, вы ѣхали на извощикѣ и встрѣтили командующаго корпусомъ князя Барятинскаго, который вамъ приказалъ доложить объ этомъ вашему командиру. — Я забылъ объ этомъ случаѣ, но замѣтилъ, что мой начальникъ штаба, являясь съ докладомъ, былъ всё какъ-то разстроенъ. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ я спросилъ Г. . . . ., что̀ съ нимъ, не боленъ ли онъ?—Нѣтъ, не боленъ, отвѣчалъ онъ; но мы находимся всѣ въ большомъ затрудненіи: уже нѣсколько разъ совѣщались съ начальникомъ дивизіи и не знаемъ что̀ дѣлать. Вы изволили встрѣтить офицера, который ѣхалъ на извощикѣ, ведя караулъ, и приказали ему явиться съ докладомъ объ этомъ къ командиру полка. — Ну, такъ что же?—Вы не опредѣлили, какому взысканію подвергнуть этого офицера.—Конечно, не опредѣлилъ: это не мое дѣло. Я этого офицера не знаю; можетъ быть, онъ хорошій офицеръ, и достаточно сдѣлать ему замѣчаніе; а можетъ быть, онъ дрянной; въ такомъ случаѣ можно воспользоваться этимъ происшествіемъ и выгнать его изъ полка. Это дѣло полковаго командира: онъ одинъ въ этомъ судья“.

Такихъ пріемовъ, которыхъ князь Барятинскій придерживался во время всей своей службы, пріемовъ совершенно правильныхъ и полезныхъ, въ гвардіи не понимали.

Съ началомъ переговоровъ о мирѣ, само собою, рѣшалась и участь резервнаго гвардейскаго корпуса: онъ вскорѣ долженъ былъ быть расформированъ. Но предъ княземъ Барятинскимъ уже открывался другой, болѣе обширный, свѣтлый горизонтъ, давно судьбою ему предназначенный *).

Съ А. П. Ермоловымъ князь постоянно поддерживалъ самыя дружественныя отношенія. Привожу здѣсь двѣ записки нашего славнаго героя Отечественной войны. Первая, отъ 14-го Марта 1856 года, собственноручная: „Не устрашилъ бы меня морозъ и желалъ бы видѣть много для меня любопытнаго; но вы, почтенный князь Александръ Ивановичъ, угадали настоящую причину и меня заставили лучше постигнуть ее. Искренно уважающій Ермоловъ“. О чемъ шла здѣсь рѣчь,

---

*) За время командованія резервнымъ гвардейскимъ корпусомъ князь Барятинскій награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла.

что̀ можно было видѣть любопытнаго въ Мартѣ 1856 года въ Москвѣ, остается загадкой. Вторая записка, отъ 30-го Мая 1856 года, начата собственною рукою: „Почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ (чужою рукою) далѣе глазъ не допускаетъ писать собственною рукою и потому сокращаю. Въ послѣднее пребываніе ваше здѣсь, я не напоминалъ о извѣстныхъ обѣщанныхъ мнѣ тетрадкахъ. Не можете ли теперь, пополнивъ ихъ, поручить подателю моего письма? Меня сбиваютъ съ толку иностранныя происшествія: хочу отдохнуть на домашнихъ улучшеніяхъ, особливо давно и совершенно отставши отъ всего военнаго".

Однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ вопросовъ, поднятыхъ тотчасъ же послѣ заключенія Парижскаго мира, былъ вопросъ: не воспользоваться ли находившимися на Кавказѣ, прибывшими туда на время войны съ Турціею, 13 и 18 пѣхотными дивизіями, съ ихъ артилеріею и другими подкрѣпленіями, для рѣшительныхъ дѣйствій къ окончательному покоренію Кавказа. Заявленіе о томъ принадлежало Д. А. Милютину. Еще въ Ноябрѣ 1854 года онъ представилъ императору Николаю записку, главная мысль которой заключалась въ томъ, что въ 1828—29 году, послѣ окончанія войны въ Азіатской Турціи, возникло предположеніе воспользоваться присутствіемъ на Кавказѣ войскъ, прибывшихъ туда на время войны, и предпринять рѣшительныя дѣйствія противъ горцевъ; возникла переписка, соображенія, возраженія, время уходило напрасно, а между тѣмъ событія въ Польшѣ заставили поспѣшить возвращеніемъ войскъ изъ-за Кавказа. Теперь опять, по случаю войны, за Кавказъ двинуты значительныя силы, не принадлежащія къ составу постоянныхъ Кавказскихъ войскъ, и слѣдовало бы заблаговременно подумать обо всемъ, относящемся до важнаго и сложнаго вопроса на счетъ установленія системы дѣйствій и употребленія этихъ вспомогательныхъ войскъ, съ наибольшею пользою для довершенія Кавказскихъ дѣлъ, дабы, по окончаніи войны съ Турціей, не теряя времени, приступить къ дѣйствіямъ, какія будутъ предположены. Но тогда, въ самый разгаръ войны, Николай Павловичъ былъ слишкомъ озабоченъ нависшими надъ Россіею тучами, чтобы посвятить свое вниманіе этому вопросу: записка была

оставлена безъ послѣдствій. Когда же миръ былъ почти уже рѣшенъ, императоръ Александръ Николаевичъ, 5-го Марта 1856 года, передалъ записку Д. А. Милютина военному министру, съ тѣмъ, чтобы потребовать мнѣній князя М. С. Воронцова, генерала Муравьева и князя А. И. Барятинскаго; министръ отъ себя прибавилъ П. Е. Коцебу. Кромѣ того генералъ-маіоры Вольфъ и Невѣровскій тоже представили свои соображенія.

Всѣ записки, безъ означенія фамилій авторовъ, были отосланы генералу Муравьеву, который и прислалъ свои соображенія; онъ съ нѣкоторыми пунктами согласился, многое отвергалъ, многое считалъ фантазіями. Его же собственныя предположенія давали поводъ заключать, что покореніе Кавказа въ его рукахъ потребовало бы еще очень и очень многихъ лѣтъ. Полученныя отъ генерала Муравьева представленія были переданы князю Барятинскому, и онъ опровергъ ихъ самымъ категорическимъ образомъ. Лѣтомъ 1856 года онъ былъ особенно этимъ занятъ и, какъ разсказывалъ мнѣ генералъ Ив. Мих. Старицкій (бывшій тогда при князѣ Барятинскомъ въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера резервнаго гвардейскаго корпуса) сильно налегалъ на него, торопя скорѣйшимъ составленіемъ отвѣтовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они должны были ускорить и самое увольненіе Муравьева, а слѣдовательно и назначеніе князя. (Записки князя Барятинскаго и доклады по нимъ военнаго министра помѣщены въ приложеніи).

Къ этому времени относится слѣдующее письмо князя Барятинскаго къ М. С. Воронцову, отъ 15-го Іюля 1856 года изъ Царскаго Села. „Часто получая отъ Семена извѣстія объ васъ, я лишаю себя счастія быть въ прямой перепискѣ съ вами. Мои письма были бы наполнены мыслями о Кавказѣ; да невозможно и не говорить о странѣ, которая такъ интересуетъ насъ обоихъ. Впрочемъ, вы сами знаете, было ли бы пріятно вашему сердцу все то, что̀ я сталъ бы говорить объ этомъ краѣ.

„Горизонтъ, кажется, хочетъ проясниться: говорятъ, что фельдъегерь привезъ вчера письмо къ Государю, въ которомъ М. проситъ объ отставкѣ; но такъ какъ Государь

на нѣсколько дней въ отлучкѣ, то раньше 16 — 17 объ этомъ навѣрное не узнаемъ. Вслѣдъ за симъ я вамъ объ этомъ сообщу. Весьма благодаренъ вамъ и княгинѣ за любезное и внимательное письмо. Я готовъ вамъ объяснить тайну моего молчанія: много разъ я начиналъ письма, гдѣ невольно говорилъ о странѣ, которую вы такъ долго олицетворяли и будете еще долго олицетворять для всѣхъ любящихъ Кавказъ. Я буду очень счастливъ попасть туда, чтобы возобновить ваши учрежденія и мудрыя мѣры, вами заведенныя; твердою цѣлью моей службы будетъ поддерживать духъ вашего управленія, стараясь уничтожить всѣ слѣды того, который насъ разлучилъ. Жду также съ нетерпѣніемъ увидѣть васъ; надѣюсь, вы не оставите меня вашими совѣтами и наставленіями, на случай если я вскорѣ получу извѣстное вамъ назначеніе".

Въ постскриптумѣ прибавлено: „Ихъ Величества спрашивали меня, не имѣю ли отъ васъ извѣстій, и я сообщилъ имъ о полученномъ отъ васъ изъ Вильдбада письмѣ... Я увѣренъ, что смерть славнаго графа Ридигера печально отразилась на васъ: однимъ хорошимъ совѣтникомъ меньше у Государя, который былъ очень огорченъ этимъ".

На это письмо князь Воронцовъ отвѣчалъ изъ Дрездена отъ 5 Августа. „Пишу вамъ всего нѣсколько словъ, такъ какъ можетъ случиться, что мы сами раньше письма будемъ въ Петербургѣ. Не могу отказаться отъ желанія высказать вамъ еще разъ, кромѣ маленькой телеграфной депеши, посланной вчера, какъ сильно мы обрадовались тому, о чемъ вы насъ извѣстили и какъ мы вамъ благодарны, что вы тотчасъ вспомнили насъ и прислали намъ добрыя вѣсти по телеграфу. Радуюсь отъ глубины души во имя той дружбы, которую я къ вамъ питаю, за благо страны, передаваемой въ ваше управленіе. Живо представляемъ себѣ радость, которая повсюду распространится, въ особенности въ Грузіи и Тифлисѣ. Да поддержитъ Господь ваше здоровье для прекраснаго поста, который вы займете и для котораго вы такъ прекрасно подготовлены! Я теперь еще съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ тороплюсь прибытіемъ въ Петербургъ, чтобы обнять васъ, узнать всѣ подробности, сопровождавшія ваше назна-

ченіе и о томъ, что̀ сдѣлаютъ съ Муравьевымъ. Вамъ будетъ пріятно узнать, что наша дорогая Императрица отлично воспользовалась своимъ путешествіемъ и ваннами въ Вильдбадѣ: она совершенно неузнаваема, если вспомнить ея состояніе до выѣзда изъ Петербурга“.

22-го Іюля 1856 года князь Барятинскій назначенъ командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и исправляющимъ должность намѣстника Кавказскаго, со всѣми правами, какія были присвоены предмѣстнику его.

Осуществились пророчества князя Воронцова; осуществились несомнѣнныя, затаенныя издавна мечты князя Барятинскаго. На 23-мъ году службы, сорока одного года отъ роду, онъ занялъ постъ, могущій удовлетворить самое пылкое честолюбіе.

Оставалось доказать на дѣлѣ, заслужилъ ли онъ такое быстрое возвышеніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Записка князя Барятинскаго о покореніи Кавказа.

По моему убѣжденію, можно весьма счастливо воспользоваться настоящимъ усиленіемъ войскъ на Кавказѣ, чтобы окончить тѣ изъ предположеній, которыя, основываясь на давно и правильно начертанной системѣ, постепенно уже приводились въ исполненіе, но, при несомнѣнной пользѣ ихъ, не могли получить полнаго и энергическаго развитія, собственно по недостатку военныхъ средствъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы на будущее время стать въ такое положеніе, чтобы съ меньшими силами можно было постоянно держать горскія племена въ страхѣ и спокойствіи, необходимо, не ограничиваясь довершеніемъ однихъ только полезныхъ прежнихъ предположеній, окончательно устранить тѣ невыгоды и недостатки, которые ясно обнаруживаются въ самомъ порядкѣ и развитіи принимаемыхъ доселѣ мѣръ къ занятію края.

Слѣдуетъ начать съ тѣхъ предметовъ, которые, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, представляютъ особенную важность и потому требуютъ поспѣшности: возобновленіе пунктовъ Черноморскаго прибрежья, Абхазіи и Цебельды, которые рѣшено будетъ возстановить, и рѣши-

тельное преобразованіе системы обороны Кахетіи и мусульманскихъ провинцій; ибо Лезгинская кордонная линія, по ошибочному своему образованію, весьма дурно удовлетворяетъ этой цѣли.

За тѣмъ, наиболѣе настоятельныя занятія для войскъ будутъ: въ Прикаспійскомъ краѣ истребленіе лѣсовъ Табасарани и вольнаго Кайтаха; на Лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и во Владикавказскомъ округѣ перенесеніе нѣкоторыхъ укрѣпленій, упраздненіе другихъ, производство новыхъ просѣкъ, прочищеніе старыхъ и вообще усиленныя работы по главнымъ путямъ сообщенія.

Къ этому должно присовокупить, что, если представленное мною предположеніе о новой дислокаціи войскъ Кавказскаго корпуса удостоится утвержденія, въ такомъ случаѣ водвореніе новыхъ полковъ и штабовъ на Правомъ флангѣ и въ Центрѣ Кавказской линіи доставитъ, вмѣстѣ съ вышеизложенными предметами, войскамъ, нынѣ тамъ находящимся, достаточно занятій.

Для наиболѣе успѣшнаго исполненія всѣхъ сихъ предположеній слѣдуетъ, прежде всего, распредѣлить занятія войскъ сообразно мѣстнымъ климатическимъ условіямъ и переводить части изъ одной мѣстности въ другую соотвѣтственно времени года; это дастъ наибольшія средства быстрѣе исполнять предположенія, сосредоточивая временно значительныя силы въ необходимыхъ пунктахъ.

Дѣйствія и работы на Лезгинской кордонной линіи могутъ производиться только въ лѣтнее время, тогда какъ дѣйствія въ Чечнѣ непремѣнно должны быть совершаемы зимой и въ теченіе весенняго времени; слѣдовательно, они мѣшать одни другимъ не могутъ. Я считаю необходимымъ удержать сборъ войскъ весною въ Чечнѣ съ тою цѣлію, дабы воспрепятствовать обработыванію и посѣву полей и тѣмъ самымъ принудить непокорныхъ Чеченцевъ, для пропитанія себя и семействъ, просить нашего покровительства, или рѣшиться бѣжать въ чащи Черныхъ горъ и Ичкеріи. Въ первомъ случаѣ ослабляются значительно военныя силы Шамиля, и плодородная плоскость Большой Чечни, питающая Дагестанъ, останется необработанною; во второмъ случаѣ, стѣсненное народонаселеніе въ лѣсахъ Черныхъ горъ и Ичкеріи принуждено будетъ постепенно огаливать этотъ лѣсистый край, чтобы образовать новыя поля для своего пропитанія.

Въ заключеніе долгомъ поставляю выразить убѣжденіе, что занятія войскъ, распредѣленіе оныхъ и время дѣйствій могутъ быть указаны только на мѣстѣ и должны зависѣть отъ полнаго и послѣдовательнаго соображенія главнокомандующаго, опредѣляющаго общій планъ всѣхъ дѣйствій на Кавказѣ. Чтобы планъ этотъ имѣлъ надлежащую полноту, слѣдовало бы, по мнѣнію моему, потребовать

частныя соображенія отъ мѣстныхъ начальниковъ или людей знающихъ хорошо разнородныя мѣста Кавказа; ибо этимъ способомъ для главнокомандующаго облегчился бы трудъ и представилась бы возможность сдѣлать общее соображеніе, а затѣмъ распредѣленіе и полезное употребленіе предлагаемыхъ ему военныхъ средствъ. Съ этою цѣлію было бы полезно въ отношеніи Праваго фланга, Центра Кавказской линіи и Черноморіи спросить мнѣнія генераловъ: Козловскаго, князя Эристова, Граматина, Дебу, Капгера, Филипсона, Волоцкаго и отставнаго генерала Кусакова. Въ отношеніи Лѣваго фланга и Владикавказскаго округа: Козловскаго, барона Вревскаго, Евдокимова, барона Николаи и Ольшевскаго. Относительно Лезгинской кордонной линіи: князя Андроникова, князя Л. Меликова, князя Гр. Орбеліана, князя Гр. Мухранскаго и полковника Услара. Относительно Прикаспійскаго края: князя Гр. Орбеліана, Индреніуса, Суслова, Капгера, Манюкина, Евдокимова и полковниковъ Колосовскаго, Мищенко и Асѣева. И, наконецъ, въ отношеніи Черноморской береговой линіи: Серебрякова, Вагнера, Дебу, Карлгофа и полковника Колюбакина.

Б. Вторая записка князя Барятинскаго о покореніи Кавказа.

Предположивъ въ моей запискѣ раздѣлить Кавказскую линію на два фланга, я имѣлъ въ виду порядокъ, силою обстоятельствъ уже водворившійся въ томъ краѣ и хотя еще не опредѣленный, но ожидающій правильной организаціи; мнѣніе свое я основалъ на настоящей дислокаціи Кавказскихъ войскъ, которая не скоро еще можетъ измѣниться, такъ какъ она образовалась сама собою по военнымъ и нынѣ вполнѣ существующимъ мѣстнымъ требованіямъ; а потому необходимо учредить для войскъ и для занимаемаго ими края соотвѣтственное настоящимъ условіямъ управленіе.

Легко убѣдиться, что и теперь нѣтъ единства въ управленіи Кавказской линіи. Временно-командующій войсками, который командуетъ и 19-ю пѣхотною дивизіею, управляетъ въ самомъ дѣлѣ только Черноморіею, Правымъ флангомъ и Центромъ линіи, и своимъ значеніемъ совершенно соотвѣтствуетъ предположенію о раздѣленіи Кавказской линіи на двѣ, независимыя другъ отъ друга, части. Начальники Владикавказскаго округа и Лѣваго фланга только одною формою отъ него зависятъ; но, вынужденные обстоятельствами, они большею частію получаютъ приказанія прямо отъ главнокомандующаго и сообщаютъ оныя въ Ставрополь только для свѣдѣнія.

Существующій нынѣ порядокъ для охраненія Военно-Грузинской дороги будетъ, по мнѣнію моему, вполнѣ удовлетворителенъ тогда

только, когда Владикавказскій округъ и Лѣвый флангъ соединятся въ одно управленіе. Дорога теперь находится въ вѣдѣніи начальника Владикавказскаго округа, который располагаетъ весьма малымъ числомъ подвижныхъ войскъ, тогда какъ начальникъ Лѣваго фланга будетъ имѣть для защиты дороги болѣе войскъ, и, по взаимному сношенію съ начальникомъ Праваго фланга, Военно-Грузинская дорога будетъ непремѣнно лучше обезпечена, чѣмъ теперь. Въ важныхъ случаяхъ сношеніе смежныхъ начальниковъ образуется само собою, ибо оно основано на обязанности и отвѣтственности помогать другъ другу; оно существуетъ и теперь, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, между всѣми смежными военными управленіями Кавказа и составляетъ предметъ священнаго долга каждаго. Такъ точно по защитѣ Военно-Грузинской дороги начальникъ Владикавказскаго округа сносился всегда съ начальникомъ Центра, и потому вмѣшательство третьяго, хотя и начальственнаго лица, когда уже для общихъ военныхъ начертаній существуетъ главнокомандующій, будетъ только безъ пользы замедлять дѣйствія: ибо командующій войсками, по отдаленности своего пребыванія отъ Военно-Грузинской дороги, не можетъ и теперь уже распоряжаться ея защитою, и еслибы онъ находился и ближе, то ему не могутъ быть извѣстны постоянныя измѣненія въ числѣ свободныхъ войскъ по всѣмъ частямъ его управленія; а слѣдовательно онъ не въ состояніи распоряжаться подвижными резервами, размѣры коихъ образуются временными обстоятельствами въ каждомъ изъ подвѣдомственныхъ ему управленій.

Что касается до управленія линейнымъ Кавказскимъ и Черноморскимъ войсками, то я полагалъ бы весьма удобнымъ устроить, чтобы наказные атаманы по всѣмъ предметамъ, ихъ управленія касающимся, относились бы прямо къ главнокомандующему и чтобы управленія кордонными линіями Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго войска зависѣли бы отъ дивизіонныхъ командировъ, подобно тому, какъ это существуетъ и теперь между частными начальниками Кавказской линіи въ отношеніи кордонной службы линейнаго казачьяго войска, безъ всякаго притязанія со стороны наказныхъ атамановъ. Такъ напр. Гребенской, Моздокской и 2-й Сунженскій полки находятся по кордонной службѣ въ прямомъ вѣдѣніи начальника Лѣваго фланга, а Владикавказскій и 1-й Сунженскій — начальника Владикавказскаго округа. Остается соблюсти тотъ же порядокъ касательно начальника 19-й дивизіи въ отношеніи къ казакамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи его кордона, и раздѣленіе такимъ образомъ установилось бы безъ особенныхъ затрудненій или препятствій. Штабъ-квартиру атамана линейнаго казачьяго войска весьма удобно было бы перенести въ Екате-

риноградъ, въ центръ линіи, занимаемой линейнымъ казачьимъ войскомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ приблизило бы эти управленія къ Тифлису.

За тѣмъ, относительно устройства провіантскаго управленія на Кавказской линіи, я полагаю, что какъ раіонъ провіантскихъ управленій на Кавказѣ можетъ быть измѣняемъ различно, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и какъ канцелярія генералъ-интенданта въ Тифлисѣ занимается общимъ направленіемъ дѣлъ и разрѣшеніемъ всѣхъ представленій по провіантской части: то къ раздѣленію Ставропольскаго коммиссіонерства на двѣ части не можетъ быть никакихъ препятствій, и это раздѣленіе не потребуетъ новыхъ расходовъ сверхъ тѣхъ, какіе нынѣ ассигнуются.

Раздѣленіе инженерной части, равнымъ образомъ, будетъ весьма удобоисполнимо, особенно когда строительная часть военныхъ поселеній Имперіи присоединится къ инженерному корпусу подъ однимъ начальствомъ генералъ-инспектора инженерной части. Въ то время командира VII-го округа военныхъ поселеній можно было бы назначить старшимъ инженеромъ на Правомъ флангѣ, куда онъ перешелъ бы съ половиною своего окружнаго управленія, которое и составило бы его канцелярію и чертежную; а другая половина этого округа перешла бы на Лѣвый флангъ, для сформированія такой же канцеляріи и чертежной при управленіи Лѣваго фланга. За тѣмъ инженерныя отдѣленія: штаба командующаго войсками на Кавказской линіи и начальниковъ фланговъ, вовсе упразднить. Оба старшіе инженера должны быть подчинены на общемъ основаніи начальнику инженеровъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

Подобное управленіе инженерною частію на Кавказской линіи не можетъ представить никакого затрудненія, а напротивъ будетъ служить лишь къ упрощенію настоящаго хода дѣлъ и не потребуетъ увеличенія денежныхъ расходовъ и личнаго состава въ общей сложности: ибо отдаленность фланговъ линіи отъ Тифлиса, гдѣ находится начальникъ инженеровъ, требуетъ и при теперешнемъ управленіи назначенія старшихъ инженеровъ, съ тою лишь разницею, что ни права, ни кругъ дѣйствій этихъ инженеровъ не были точнымъ образомъ опредѣлены.

Обращаясь затѣмъ къ коммисаріатскому управленію, я не нахожу никакихъ препятствій, чтобъ часть эта, при предполагаемомъ раздѣленіи Кавказской линіи, перешла въ непосредственное завѣдываніе главнаго управленія въ Тифлисѣ, равно какъ и Георгіевскій арсеналъ.

Впрочемъ я уже выразилъ въ запискѣ своей, сколько я считаю полезнымъ, чтобы главнокомандующій предоставилъ мѣстнымъ начальникамъ изложить ближайшія и подробныя ихъ соображенія по всѣмъ

этимъ предметамъ; безъ содѣйствія этихъ лицъ, имѣющихъ ближайшія и подробныя данныя какъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ военныхъ дѣйствій, такъ и о развитіи административныхъ распоряженій, нельзя, по мнѣнію моему, и приступать къ составленію полнаго соображенія: ибо тогда утратилась бы общая связь различныхъ мѣстныхъ условій и требованій, до каждой части относящихся.

Что касается до устройства Черноморской береговой линіи, то соображенія мои по сему предмету представлены будутъ вслѣдъ за симъ, въ особой запискѣ.

В. Докладъ военнаго министра

о новомъ военномъ раздѣленіи Кавказскаго края и распредѣленіи въ ономъ войскъ.

Въ запискѣ генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, сообщенной по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію на заключеніе генералъ-адъютанта Муравьева, относительно новаго распредѣленія по дивизіямъ полковъ, на Кавказѣ расположенныхъ, предложена также мысль о новомъ раздѣленіи этого края въ военномъ отношеніи.

Предположеніе это заключается въ томъ, чтобы взамѣнъ существующаго общаго управленія Кавказской линіи, съ пятью частными управленіями: Черноморіи, Праваго фланга, Центра, Владикавказскаго округа и Лѣваго фланга, раздѣлить Кавказскую линію на двѣ части: *правый флангъ* и *лѣвый флангъ*, такъ чтобы весь Кавказскій край въ военномъ отношеніи былъ раздѣленъ на четыре отдѣла:

I. Черноморія, Правый флангъ и Центръ Кавказской линіи, съ присоединеніемъ бывшаго 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи.

II. Владикавказскій округъ и Лѣвый флангъ Кавказской линіи

III. Прикаспійскій край.

IV. Закавказскій край.

Въ каждомъ изъ этихъ четырехъ отдѣловъ состояло бы въ прямомъ вѣдѣніи мѣстнаго начальника по одной дивизіи пѣхоты, а именно:

Въ I-мъ отдѣлѣ 19-я пѣхотная дивизія.

Во II-мъ отдѣлѣ 20-я « «

Въ III-мъ « 21-я « «

Въ IV-мъ « гренадерская (полагая дивизіи въ новомъ ихъ составѣ).

При такомъ распредѣленіи войскъ не было бы надобности въ особыхъ начальникахъ дивизій, и слѣдовательно устранились бы невыгоды двойственнаго подчиненія войскъ. Каждый изъ начальниковъ

четырехъ главныхъ частей Кавказа, прямо подчиненный главнокомандующему, получилъ бы необходимую для успѣха дѣйствій самостоятельность.

При томъ отъ упраздняемыхъ управленій сбереглись бы, по разсчету князя Барятинскаго, такія суммы, которыя съ незначительнымъ добавленіемъ были бы достаточны для уравненія окладовъ жалованья войскъ, какъ на Кавказской линіи, такъ и въ Закавказскомъ краѣ расположенныхъ.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ, раздѣляя мнѣніе князя Барятинскаго о неудобствахъ существующаго распредѣленія войскъ въ отношеніи подчиненія ихъ разнымъ начальникамъ и происходящаго отъ сего недостатка ближайшаго за благоустройствомъ частей надзора, соглашается и съ основною мыслью изложеннаго выше раздѣленія края, но съ своей стороны предлагаетъ слѣдующій новый проектъ:

1) Всѣ войска, на Кавказѣ расположенныя, раздѣлить на три корпуса; командиры сихъ корпусовъ были бы вмѣстѣ съ тѣмъ и главными мѣстными начальниками: одинъ въ правой сторонѣ Кавказской линіи (отъ Чернаго моря до Военно-Грузинской дороги), другой въ лѣвой сторонѣ (къ Востоку отъ этой дороги, со включеніемъ Сѣвернаго Дагестана) и третій въ Закавказскомъ краѣ, съ присоединеніемъ къ нему и Южнаго Дагестана.

2) Всѣ пѣхотные полки на Кавказѣ имѣть въ 4-хъ баталіонномъ составѣ; изъ остающихся отъ всѣхъ полковъ лишнихъ баталіоновъ образовать новую 22-ю пѣхотную дивизію и такимъ образомъ имѣть всего пять пѣхотныхъ дивизій 19, 20, 21, 22 и гренадерскую.

3) Распредѣлить всѣ войска по корпусамъ, имѣя при этомъ въ виду, чтобы нѣкоторая часть ихъ въ каждомъ корпусѣ составляла подвижной резервъ, совершенно свободный отъ обязанности охранять линіи и пункты, и располагаемый не на передовыхъ линіяхъ и не въ постоянныхъ штабъ-квартирахъ, а внутри края, по обывательскимъ квартирамъ. При этомъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ замѣчаетъ, что необходимость такихъ резервовъ выказывается при каждой войнѣ съ Турціею или Персіею и при всякомъ внезапномъ событіи на Кавказѣ, требующемъ немедленной высылки новыхъ войскъ изъ дальнихъ мѣстъ Россіи.

4) Въ сихъ видахъ предложено генераломъ Муравьевымъ слѣдующее распредѣленіе войскъ.

А. Въ корпусѣ правой стороны Кавказскаго края.

2-я бригада 19-й пѣхотной дивизіи въ нынѣшнемъ Центрѣ и на Правомъ флангѣ.

1-я бригада 19-й пѣхотной дивизіи въ резервѣ этого отдѣла.

Б. Въ корпусѣ лѣвой стороны Кавказскаго края.

20-я пѣхотная дивизія въ нынѣшнемъ Владикавказскомъ округѣ и на Лѣвомъ флангѣ.

2-я бригада 21-й пѣхотной дивизіи въ Сѣверномъ Дагестанѣ.

1-я бригада 21-й пѣхотной дивизіи въ резервѣ этого отдѣла.

В. Въ корпусѣ Закавказскомъ.

22-я пѣхотная дивизія въ Южномъ Дагестанѣ и на Лезгинской кордонной линіи.

2-я бригада Кавказской гренадерской дивизіи—въ резервѣ, въ Карабахѣ или въ другихъ мѣстахъ южной части Закавказскаго края (чтобы имѣть ближайшій резервъ на случай войны съ Персіею и Турціею, или для подкрѣпленія Южнаго Дагестана).

1-я бригада Кавказской гренадерской дивизіи—въ резервѣ около Тифлиса, гдѣ отъ нея же занимаются караулы.

Линейные баталіоны и другія части Кавказскихъ войскъ также распредѣляются по означеннымъ тремъ корпусамъ. Изъ числа остающихся шести Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, три предназначаемые для занятія Новороссійска были бы причислены къ Кавказскимъ линейнымъ баталіонамъ и подчинены начальнику Черноморіи, а другіе три баталіона переименовываются въ Грузинскіе и могутъ занять Сухумъ.

5) При такомъ распредѣленіи войскъ, непосредственные ихъ начальники могли бы командовать:

а) Начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи—нынѣшнимъ Правымъ флангомъ и Центромъ.

б) Наказной атаманъ Черноморскаго казачьяго войска—кордонною линіею своей области и Закубанскимъ поселеніемъ, которое причисляется къ тому же Черноморскому войску.

в) Начальникъ 20-й пѣхотной дивизіи—нынѣшнимъ Лѣвымъ флангомъ и Владикавказскимъ округомъ.

г) Начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи Сѣвернымъ Дагестаномъ.

д) Начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи—Южнымъ Дагестаномъ и Лезгинскою кордонною линію.

е) Начальникъ Кавказской гренадерской дивизіи, которую въ полномъ составѣ можно считать резервомъ Закавказскаго края, не будетъ имѣть никакого спеціальнаго назначенія для мѣстной обороны.

6) Корпусные командиры, имѣя пребываніе въ центрѣ своихъ войскъ, были бы посредствующею властію между начальниками диви-

зій и главнокомандующимъ. На нихъ были бы возложены не только распоряженія чисто-военныя, но и другія важныя обязанности въ раіонѣ ихъ корпусовъ, какъ то: наблюденіе за госпиталями, повѣрка строительныхъ и дорожныхъ работъ, заподряды всякаго рода, разборы сношеній дивизіонныхъ начальниковъ съ губернаторомъ или атаманомъ, инспектированіе дивизій, линейныхъ баталіоновъ и другихъ войскъ, входящихъ въ составъ корпуса. Впрочемъ кругъ дѣйствій корпусныхъ командировъ опредѣлился бы подробнѣе по зрѣломъ обсужденіи этого важнаго предмета, сообразно мѣстнымъ потребностямъ края.

7) Со введеніемъ предполагаемаго новаго устройства упразднились бы слѣдующія должности, управленія и штабы:

а) Командующаго войсками на Кавказской линіи и Черноморіи, пребываніе котораго въ Ставрополѣ оказывается неудобнымъ для военныхъ распоряженій.

б) Управленіе гражданскою частію въ Ставропольской губерніи, которое и нынѣ уже перешло временно въ завѣдываніе гражданскаго губернатора.

в) Главное управленіе Черноморской береговой линіи съ тремя ея отдѣленіями.

г) Званіе и штабъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ.

и д) Управленія Центра Кавказской линіи и Владикавказскаго округа.

Управленія же линейнымъ Кавказскимъ и Черноморскимъ войсками остались бы на прежнемъ основаніи; но наказные атаманы, по всѣмъ предметамъ военнаго и гражданскаго управленія, относились бы прямо къ главнокомандующему. Только по управленію кордонною линіею Черноморскій наказной атаманъ зависѣлъ бы отъ командира корпуса.

8) Относительно драгунскихъ полковъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ, находя излишнимъ имѣть этотъ родъ кавалеріи въ Чиръ-Юртѣ и вообще въ Восточной части Кавказа, предлагаетъ оставить всѣ четыре полка въ резервѣ, не отдавая ихъ въ распоряженіе частныхъ кордонныхъ начальниковъ, а именно: одну бригаду на сѣверной сторонѣ Кавказа по квартирамъ, а другою—усилить резервъ въ Грузіи, на случай войны съ Персіею или Турціею.

9) Что же касается до предположенія князя Барятинскаго уровнять оклады жалованья войскъ Кавказской линіи съ Закавказскими, то генералъ Муравьевъ полагаетъ вопросъ этотъ оставить безъ последствій, дабы эта мѣра не повлекла за собою новыхъ ходатайствъ объ усиленіи окладовъ Закавказскихъ войскъ на томъ основаніи, что

дороговизна на всѣ жизненныя потребности хотя и дѣйствительно возвысилась вездѣ, однакоже въ Закавказскомъ краѣ еще значительнѣе, чѣмъ на Кавказской линіи.

10) Въ заключеніе генералъ-адъютантъ Муравьевъ замѣчаетъ, что, какая бы ни была принята система для переформированія войскъ Кавказскаго корпуса, во всякомъ случаѣ неудобно приступить къ этому ранѣе осени нынѣшняго года.

Соображенія.

Доставленное намѣстникомъ Кавказскимъ предположеніе изложено только въ общихъ чертахъ, такъ что весьма многіе даже изъ существенныхъ предметовъ остаются еще необъясненными.

Такъ, напримѣръ, генералъ-адъютантъ Муравьевъ самъ указываетъ, что остается еще опредѣлить: на комъ изъ двухъ корпусныхъ командировъ Сѣверной части Кавказа будетъ лежать надзоръ за провіантскою и коммиссаріатскою коммиссіями и инженернымъ округомъ въ Ставрополѣ, кому должны быть подчинены крейсирующія вдоль восточнаго берега суда? и пр.

При томъ, по сознанію самого намѣстника Кавказскаго, сказанное имъ относительно Дагестана и Лезгинской кордонной линіи не можетъ быть принято какъ безусловное его убѣжденіе; ибо, не видѣвъ еще лично этихъ частей края, онъ не могъ оцѣнить степень связи, которая можетъ существовать въ военномъ отношеніи между Сѣвернымъ Дагестаномъ и Южнымъ, а равно между симъ послѣднимъ и Лезгинскою кордонною линіею. Посему генералъ-адъютантъ Муравьевъ предусматриваетъ, что, посѣтивъ эти мѣста, онъ можетъ найти нужнымъ предложить въ своемъ проектѣ значительныя измѣненія.

Слѣдовательно, въ настоящемъ положеніи дѣла не представляется еще возможности сдѣлать какое-либо по оному заключеніе. По чрезвычайной обширности и важности предметовъ, до которыхъ касаются эти предположенія, необходимо, устранивъ всякую поспѣшность въ рѣшеніи сего дѣла, обсудить оное со всею основательностію и во всѣхъ подробностяхъ.

Въ сихъ видахъ признавалось бы полезнымъ предложить генералъ-адъютанту Муравьеву, по ближайшемъ и окончательномъ разсмотрѣніи всѣхъ предметовъ, доставить подробный проектъ предполагаемыхъ преобразованій въ военномъ управленіи Кавказскаго края.

Образованіе предполагаемыхъ резервовъ, конечно, было бы полезно съ точки зрѣнія стратегической; но въ какой степени оно возможно въ исполненіи—рѣшить теперь нельзя, пока еще не опредѣлено,

гдѣ можетъ быть уменьшено количество войскъ, необходимыхъ собственно для охраненія края. Что же касается до расположенія сихъ резервовъ на обывательскихъ квартирахъ, то предположеніе это не встрѣтило бы препятствія на Кавказской линіи; но въ Закавказскомъ краѣ оно признано весьма неудобнымъ, а потому доселѣ всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры клонились къ тому, чтобы неудобства этого избѣжать. При томъ должно полагать, что въ обыкновенное время, когда мы не находимся въ войнѣ ни съ Турціею, ни съ Персіею, означенные резервы не оставались бы праздными, а употреблялись бы то для работъ на передовыхъ линіяхъ, то для движеній въ горы, то для зимнихъ экспедицій и рубки просѣкъ; слѣдовательно они могли бы, такъ сказать, только урывками и на самое короткое время возвращаться въ свое квартирное расположеніе. Такъ было и въ прежнее время до устроенія постоянныхъ полковыхъ штабъ-квартиръ, которыя имѣли ту именно цѣль, чтобы избавить войска отъ напрасныхъ передвиженій назадъ на линію послѣ каждаго предпріятія и чтобы доставить имъ удобное размѣщеніе на самомъ театрѣ дѣйствій.

Наконецъ, будетъ ли справедливо и выгодно имѣть постоянно одну и туже часть войскъ въ резервѣ, въ спокойномъ помѣщеніи по казачьимъ станицамъ, тогда какъ другія войска будутъ постоянно же на передовыхъ линіяхъ?

Предлагаемое генералъ-адъютантомъ Муравьевымъ распредѣленіе пѣхотныхъ дивизій не устраняетъ тѣхъ невыгодъ, которыя онъ самъ указываетъ въ настоящемъ размѣщеніи войскъ: начальникъ 21-й пѣхотной дивизіи, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ Сѣвернаго Дагестана, имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи только одну бригаду своей дивизіи и не видѣлъ бы другой бригады, которую предполагается расположить въ резервѣ всей лѣвой половины Кавказской линіи, т.-е. гдѣ - нибудь на Терекѣ. Равномѣрно и начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи будетъ неизбѣжно находиться при одной которой либо изъ двухъ своихъ бригадъ, изъ коихъ одна назначается для Южнаго Дагестана, а другая для Лезгинской линіи. Слѣдовательно, главная цѣль проекта поставить войска подъ ближайшій надзоръ прямыхъ своихъ начальниковъ не будетъ достигнута.

Раздѣленіе Дагестана на двѣ части съ подчиненіемъ ихъ двумъ разнымъ начальникамъ не можетъ быть признано удобнымъ. Многолѣтній опытъ и неоднократныя по этому предмету соображенія убѣдили вполнѣ въ пользѣ и необходимости соединенія всего Дагестана подъ одно общее начальство. Единство это еще важнѣе въ настоящее время по той причинѣ, что главная наша забота должна быть теперь обращена на утвержденіе нашего положенія въ Среднемъ Дагестанѣ,

тѣмъ болѣе, что съ 1845 года занятіе линіи по Казыкумыкскому Койсу уже связало Сѣверный Дагестанъ съ Южнымъ. Напротивъ того, между симъ послѣднимъ и Лезгинскою кордонною линіею не можетъ быть такого соединенія, чтобы обѣ эти части находились подъ непосредственнымъ начальствомъ одного лица. Можно полагать, что генералъ-адъютантъ Муравьевъ, по ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ Прикаспійскаго края, самъ убѣдится въ невозможности предполагаемаго имъ раздѣленія.

Даже и основная мысль о раздѣленіи Кавказской линіи между двумя независимыми другъ отъ друга начальниками требовала бы еще внимательнѣйшаго обсужденія въ разныхъ отношеніяхъ. Хотя настоящее мѣстопребываніе въ Ставрополѣ командующаго войсками этой линіи дѣйствительно слишкомъ удалено отъ Лѣваго фланга и Владикавказскаго округа, однакоже, съ другой стороны, нельзя отвергнуть, что соединеніе въ одномъ лицѣ военнаго управленія всею линіею доставляетъ значительныя выгоды въ отношеніи единства распоряженій. Командующій войсками, имѣя въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи Коммисаріатскую и Провіантскую Коммиссіи, Инженерный Округъ, Арсеналъ, Линейное, Кавказское и Черноморское войска и всѣ вообще военныя средства въ Сѣверной части Кавказа, имѣлъ полную возможность, смотря по обстоятельствамъ, подкрѣпить ту или другую часть линіи. По проэкту генерала Муравьева пришлось бы всѣ названныя части и средства подчинить одному изъ корпусныхъ командировъ, что̀ очевидно неудобно и будетъ поводомъ къ безпрерывнымъ столкновеніямъ между сими начальниками. Прямое подчиненіе наказныхъ атамановъ главнокомандующему, помимо корпусныхъ командировъ, нарушаетъ существовавшее доселѣ единство военнаго управленія и вводитъ то именно раздвоеніе властей, которое самъ генералъ Муравьевъ старался устранить въ своемъ проэктѣ въ отношеніи регулярной пѣхоты. Черноморскій наказной атаманъ, подчиненный по дѣламъ кордоннымъ корпусному командиру, относился бы по *военному управленію* войскомъ прямо къ главнокомандующему.

При томъ должно замѣтить, что распредѣленіе войскъ на Кавказѣ не можетъ почитаться неизмѣннымъ: обстоятельства заставляютъ усиливать то одну часть линіи, то другую. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно было полезно имѣть значительное число войскъ въ Центрѣ и Владикавказскомъ округѣ, откуда, по распоряженію командующаго всею линіею, быстро направлялись части на подкрѣпленіе или Праваго фланга, или Лѣваго, смотря по тому, откуда угрожалъ непріятель, или гдѣ мы намѣревались усилить дѣйствія. Этотъ общій центральный резервъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ предполагаемые генераломъ Муравье-

вымъ два частные резерва, отдѣльно предоставленные въ распоряженіе каждаго изъ корпусныхъ командировъ. Весьма неудобно было бы и даже опасно положить черту разграниченія между двумя независимыми начальствами по Военно-Грузинской дорогѣ, т. е. именно въ той точкѣ, твердое занятіе которой всегда будетъ особенно необходимо какъ для обезпеченія нашего сообщенія съ Грузіею, такъ и для воспрепятствованія всякому покушенію враждебныхъ намъ горцевъ Лѣваго фланга войти въ связь съ Закубанскими ихъ союзниками.

Относительно распредѣленія резервовъ можно еще замѣтить слѣдующее неудобство въ предположеніи генералъ-адъютанта Муравьева. Для Сѣвернаго Дагестана резервъ предполагается на Терекѣ, для Южнаго Дагестана въ Карабахѣ: сомнительно, чтобы эти резервы подоспѣли въ минуту крайней надобности на угрожаемые пункты, особенно въ Средній Дагестанъ. Напротивъ того, въ сей послѣдней части края расположенныя войска могутъ быть истиннымъ резервомъ и для Сѣвернаго Дагестана, и для Южнаго.

Хотя по проекту генералъ-адъютанта Муравьева упраздняются нѣкоторыя управленія и должности, однако же трудно еще изъ доставленнаго очерка сдѣлать положительное заключеніе, будетъ ли въ общемъ результатѣ сокращеніе въ штатахъ управленій, или, напротивъ того, не окажется ли приращенія и въ личномъ составѣ, и въ суммахъ на содержаніе управленій? Въ этомъ отношеніи проектъ генералъ-адъютанта Муравьева существенно разнится отъ предположеній генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, который положительно указывалъ сокращеніе въ издержкахъ.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ отвергаетъ предположеніе о томъ, чтобы означенныя сбереженія обратить на уравненіе окладовъ жалованья всѣхъ Кавказскихъ войскъ, не опровергая однакоже показанія о значительномъ возвышеніи дороговизны на Сѣверной сторонѣ Кавказа. Если, не смотря на то, цѣны въ Закавказскомъ краѣ и нынѣ превышаютъ существующія цѣны на линіи, то едва ли можно изъ сего положительно заключить, что расположенныя на линіи войска не имѣютъ надобности въ усиленіи окладовъ. Кажется, главный вопросъ здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: имѣются ли для подобнаго усиленія издержекъ достаточные источники.

Всѣ изложенныя соображенія убѣждаютъ въ томъ, что предлагаемыя важныя преобразованія далеки еще отъ зрѣлости и требуютъ внимательнаго и многосторонняго разсмотрѣнія. А потому необходимо ожидать отъ генерала Муравьева новыхъ по сему предмету представленій.

Между тѣмъ, кажется, не было бы препятствій къ исполненію того переформированія Кавказскаго корпуса, которое уже Высочайше утверждено и которое не требуетъ никакихъ измѣненій ни въ настоящемъ составѣ полковъ, ни въ расположеніи ихъ. Если впослѣдствіи и было бы рѣшено переформировать полки согласно предположенію генералъ-адъютанта Муравьева въ 4-хъ баталіонный составъ, съ образованіемъ новой дивизіи, то исполненію этого проекта нисколько не помѣшаетъ предписанное нынѣ распредѣленіе полковъ по дивизіямъ.

На этомъ докладѣ военнаго министра собственною Его Величества рукою написано карандашемъ:

«Согласенъ, и не вижу никакой необходимости отходить отъ утвержденнаго мною новаго состава войскъ Кавказскаго корпуса, и требую, чтобы онъ былъ приведенъ въ исполненіе въ самомъ скорѣйшемъ времени. Тоже относится и до формированія и распоряженія новыхъ драгунскихъ полковъ. « » Мая 1856 года».

Г. Докладъ военнаго министра

о нѣкоторыхъ административныхъ мѣрахъ въ отношеніи къ покорнымъ племенамъ Кавказа.

Во всѣхъ почти запискахъ, по Высочайшему повелѣнію сообщенныхъ генералъ-адъютанту Муравьеву, относительно предстоящаго образа дѣйствій на Кавказѣ, выражается съ большею или меньшею опредѣлительностію мысль о томъ, что для покоренія и усмиренія Кавказскихъ племенъ, кромѣ силы оружія, необходимы и другія мѣры административныя, дабы достигнуть того нравственнаго вліянія, которое составляетъ основаніе истинной и полной покорности народовъ.

Мѣры сего рода въ особенности указываются, съ замѣчательнымъ единогласіемъ, въ запискахъ генералъ-адъютантовъ Коцебу, князя Барятинскаго и отставнаго генералъ-маіора Вольфа.

Однакожъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ, касаясь этого важнаго предмета, только въ отвѣтѣ своемъ на записку князя Барятинскаго находитъ, что всѣ изложенныя въ оной предположенія, какъ то о системѣ управленія покорными горцами, объ утвержденіи между ними поземельной собственности, о поддержаніи мѣстной аристократіи, о развитіи торговли и промышленности, суть только «общія сужденія объ отвлеченностяхъ», относящихся къ отдаленной будущности. По словамъ намѣстника Кавказскаго, «можно достигнуть желаемой цѣли только трудомъ, избраніемъ людей способныхъ и временемъ; но неудобно стѣснять мысль правящихъ формами и предначертанными дѣйствіями тамъ,

гдѣ сама природа представляется въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ». Къ этому генералъ Муравьевъ присовокупляетъ: «Начертать общее правило управленія горскихъ народовъ я нахожу невозможнымъ, а слѣдуетъ заняться каждымъ предметомъ исключительно, обсудить его и дѣйствовать съ постоянствомъ, клонясь къ предначертанной цѣли и не предаваясь мечтамъ».

Соображенія.

Нельзя дѣйствительно не признать, что для управленія краемъ необходимъ выборъ способныхъ людей, умѣющихъ благоразумно примѣняться къ обстоятельствамъ и мѣстнымъ условіямъ. Однакоже, съ другой стороны, всѣ дѣйствія частныхъ начальниковъ оставались бы безплодными, если бы главное начальство и правительство не указывали имъ общей цѣли и не давали имъ надлежащаго направленія, не стѣсняя тѣмъ нисколько ихъ ближайшихъ частныхъ распоряженій. Нельзя допустить, чтобы ходъ администраціи былъ предоставленъ случайному теченію, и самъ генералъ Муравьевъ признаётъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ управленія слѣдуетъ неуклонно стремиться къ извѣстной, предначертанной цѣли. Для того именно, чтобы начертать эту цѣль, возникла и настоящая переписка съ намѣстникомъ Кавказскимъ, отъ котораго ожидались точнѣйшія указанія самыхъ способовъ достиженія желаемыхъ результатовъ. Отъ него зависѣло не оставлять предложенныхъ на его обсужденіе вопросовъ въ сферѣ общихъ сужденій и отвлеченностей, а дать имъ направленіе практическое, сообразное съ настоящимъ ходомъ дѣлъ, ближе всего ему извѣстнымъ.

Впрочемъ, и въ сообщенныхъ генералъ-адъютанту Муравьеву запискахъ заключаются не одни умозрительныя сужденія, но многія указанія положительныя на такія мѣры, которыя непосредственно опредѣляютъ образъ дѣйствій мѣстнаго начальства.

1. *Относительно управленія покорными племенами* вопросъ возникъ еще въ 1849 году; многія относящіяся къ сему дѣлу предположенія хранятся въ штабѣ Кавказскаго корпуса и другихъ частныхъ управленіяхъ. Генералъ-адъютантъ Коцебу и генералъ-маіоръ Вольфъ, которымъ близко извѣстно это дѣло, свидѣтельствуютъ, что нѣкоторыя изъ имѣющихся предположеній заслуживаютъ полнаго вниманія и что весьма было бы полезно поспѣшить разсмотрѣніемъ оныхъ, дабы постановить правила, коими должны руководствоваться власти, поставляемыя правительствомъ надъ покорными племенами.

Само собою разумѣется, что правила эти не могутъ и не должны быть общія для всего Кавказскаго населенія; цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы всѣ части края подвести подъ одну нормальную форму

управленія, а напротивъ того въ благоразумнѣйшемъ примѣненіи правилъ къ разнообразнымъ правамъ, обычаямъ и духу племенъ, въ ограниченіи произвола и злоупотребленій мѣстныхъ начальниковъ или приставовъ, и въ постепенномъ водвореніи между покорнымъ населеніемъ Кавказа первыхъ началъ гражданственности.

2. *Относительно поземельной собственности* предлагаются также не предположенія умозрительныя, но мѣры уже испытанныя съ успѣхомъ. Произведенные опыты убѣждаютъ, что, не смотря на всѣ трудности, представляющіяся при размежеваніи земель покорныхъ горцевъ, операція эта не можетъ почитаться предпріятіемъ невозможнымъ, если будетъ продолжаема съ благоразуміемъ, осторожностію и твердою волею. Излишнимъ было бы прибавлять, что подобная мѣра предлагается не въ отношеніи «полудикихъ горцевъ», а для той части Кавказскаго населенія, которая вполнѣ уже покорна и постигла выгоды осѣдлости. Что же касается до средствъ къ исполненію этого предположенія, то въ этомъ отношеніи можно положиться на свидѣтельство генералъ-маіора Вольфа, къ которому и самъ генералъ Муравьевъ относитъ честь учрежденія въ Тифлисѣ многочисленнаго и отлично образованнаго корпуса межевщиковъ и топографовъ. Если же учрежденныя на линіи двѣ межевыя коммисіи, по отзыву генералъ-адъютанта Муравьева, доселѣ мало принесли пользы, по причинѣ ошибочной ихъ организаціи: то замѣчаніе это можетъ только служить подтвержденіемъ необходимости дѣятельныхъ мѣръ со стороны начальства, дабы дать этому дѣлу надлежащее движеніе.

3. *Торговыя сношенія съ горцами* также не могутъ быть предоставлены случайности и произволу; они требуютъ нѣкоторыхъ общихъ правительственныхъ распоряженій. Недостатокъ положительныхъ по сему предмету постановленій былъ доселѣ поводомъ ко многимъ несообразностямъ, вредившимъ нашему вліянію на горцевъ: начальники двухъ сосѣднихъ частей края, въ сношеніяхъ съ одними и тѣми же племенами, слѣдовали совершенно противуположнымъ системамъ; что̀ запрещалъ одинъ, то поощрялъ другой. Нельзя отвергать, что, для устраненія подобныхъ несообразностей, необходимо прямое вмѣшательство высшаго начальства, которое установляетъ общія правила, основанныя на видахъ политическихъ. При томъ надо замѣтить, что виды сіи часто побуждаютъ правительство поддерживать, съ нѣкоторыми даже пожертвованіями, такія торговыя сношенія, которыя часто въ экономическомъ отношеніи вовсе не выгодны. Если въ благоустроенномъ государствѣ признаются необходимыми въ извѣстныхъ случаяхъ преміи и покровительственныя мѣры, то несравненно еще въ большей степени потребно участіе правительства, дабы завязать

торговыя сношенія съ полупокорными племенами, которыя мы хотимъ привязать къ себѣ силою интересовъ вещественныхъ и вліянія нравственнаго.

4. Еще одно весьма важное орудіе для будущаго успѣха нашего владычества на Кавказѣ указывается въ запискѣ генералъ-маіора Вольфа: именно, учрежденіе мѣстныхъ *школъ* для дѣтей покорныхъ горцевъ. Предположенія по этому предмету также давно уже составлены и хранятся вѣроятно въ штабахъ безъ движенія.

5. Наконецъ, и самъ генералъ Муравьевъ въ своихъ предположеніяхъ относительно Центра Кавказской линіи, признаётъ, что между нѣкоторыми племенами необходимо, для окончательнаго утвержденія нашего вліянія, прибѣгнуть къ проповѣди христіанской. Намѣстнику Кавказскому извѣстно предположеніе, которому уже и положены были первыя начала, о водвореніи миссіонеровъ въ Абхазіи, при древнемъ храмѣ Пицундскомъ. Могутъ быть предложены и другія подобныя мѣры для постепеннаго обновленія въ Кавказскихъ горахъ древняго христіанства, оставившаго и доселѣ глубокіе слѣды, не смотря на вѣковое отчужденіе племенъ отъ всего образованнаго міра.

Однимъ словомъ, по всѣмъ исчисленнымъ предметамъ, которыхъ первостепенная государственная важность признаётся и самимъ намѣстникомъ Кавказскимъ, не слѣдуетъ нынѣ оставлять дѣла безъ движенія, а напротивъ того желательно принять новыя мѣры для успѣшнѣйшаго его хода въ будущемъ.

Испрашивается разрѣшеніе.

Благоугодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству, чтобы генералъ-адъютанту Муравьеву сообщено было высочайшее повелѣніе по всѣмъ объясненнымъ выше предметамъ пересмотрѣть: на чемъ остановилась прежняя переписка и, сообразивъ вновь, что́ можно теперь сдѣлать полезнаго въ отношеніи покорныхъ племенъ Кавказа, войти въ свое время съ особыми по каждому предмету представленіями *)?

На этомъ докладѣ собственною Его Величества рукою написано карандашомъ: «Согласенъ. Мая 1856 года».

---

*) Изъ записки этой можно видѣть, что предположенія Н. Н. Муравьева, не только по чисто-военной, но и по административной частямъ, не подавали особыхъ надеждъ на успѣшность его главнаго начальствованія на Кавказѣ. Само собою, это главнѣйшимъ образомъ облегчало князю Барятинскому проводить свои соображенія, и мнѣніе, преобладавшее въ обществѣ того времени, что увольненіе Муравьева и назначеніе князя исключительно мотивированы личными чувствами Государя, оказывается несостоятельнымъ.

д. Записка военнаго министра отъ 5 Мая 1856 г. № 257

Объ общемъ планѣ дѣйствій на Кавказѣ.

При всеподданнѣйшемъ докладѣ 2-го сего Мая, предварительно доведено до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія объ отзывахъ, полученныхъ въ то время отъ намѣстника Кавказскаго, по содержанію нѣсколькихъ сообщенныхъ ему записокъ, относительно общаго плана дѣйствій на Кавказѣ, нѣкоторыхъ предложенныхъ въ военномъ устройствѣ края преобразованій и въ особенности предстоящаго назначенія 13 и 18 пѣхотныхъ дивизій.

Нынѣ, по разсмотрѣніи въ общей связи всѣхъ означенныхъ отзывовъ генералъ-адъютанта Муравьева, всеподданнѣйше повергаются при семъ на высочайшее Вашего Величества воззрѣніе подробные по каждому предмету доклады.

Доклады эти предварительно сообщены были на разсмотрѣніе генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, который представилъ свое по онымъ заключеніе въ особой запискѣ.

Хотя я не раздѣляю вполнѣ его мнѣнія и остаюсь при прежнемъ моемъ заключеніи, изложенномъ въ представляемыхъ вмѣстѣ съ симъ докладахъ, тѣмъ не менѣе долгомъ считаю записку князя Барятинскаго повергнуть также при семъ въ подлинникѣ на высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе.

Рукою Государя написано карандашомъ: «Я, напротивъ, того, вполнѣ раздѣляю мнѣніе князя Барятинскаго. 6 Мая 1856 года».

е. Отъ генерала-адъютанта князя Барятинскаго.

Новое устройство Восточнаго берега Чернаго моря.

Въ запискѣ, мною представленной, я изложилъ уже, что Черноморская береговая линія, отъ неправильнаго ея устройства, не приносила ожидаемой пользы и что нѣтъ никакой выгоды возобновлять ее на прежнемъ основаніи. Оставляя пункты бывшаго 2-го отдѣленія вовсе незанятыми нашими войсками, я полагаю, что относительно устройства сѣверной и южной части, т. е. бывшихъ 1 и 4-го отдѣленій, должно быть принято въ соображеніе общее, мною предложенное правило, чтобы войска въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніи и самый край, ими занятый, состояли подъ главнымъ начальствомъ одного лица.

На этомъ основаніи и имѣя при томъ въ виду, что эти отдѣленія береговой линіи не имѣютъ между собою никакой связи, не зависятъ одно отъ другаго, а потому не представляютъ никакой надобности находиться подъ однимъ общимъ управленіемъ, я полагалъ бы: изъ 3-го отдѣленія бывшей Черноморской береговой линіи и Кутаиской губерніи образовать, какъ и было прежде, военную область съ наименованіемъ Имеретинской, подъ управленіемъ одного лица, непосредственно подчиненнаго намѣстнику Кавказскому.

При такомъ устройствѣ гораздо легче будетъ одному начальнику согласовать безпрестанныя и разнородныя домогательства владѣтелей этой части Закавказскаго края.

Для постояннаго занятія пунктовъ бывшаго 3-го отдѣленія, достаточно будетъ шести Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, оставшихся изъ числа 16-ти, за сформированіемъ двухъ полковъ въ составъ 19-й дивизіи, которые могли бы расположиться:

Въ Сухумѣ	12	ротъ
» Марамбѣ	2	»
» Пицундѣ	1	»
» Гаграхъ	2	»
» Редутъ-Кале	1	»
» Озургетахъ съ Николаевскимъ постомъ и Поти.	6	»
Итого....	6	баталіоновъ.

Сѣверная часть береговой линіи, т. е. бывшее 1-е отдѣленіе должна быть присоединена къ Черноморіи и вмѣстѣ съ нею подлежать управленію начальника вновь предполагаемаго Праваго фланга Кавказской линіи.

Для постояннаго занятія пунктовъ сѣверной части береговой линіи достаточно назначить одинъ полкъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, расположивъ его такимъ образомъ:

Въ Анапѣ	7	ротъ
» Фортѣ Раевскій	1	»
» стан. Суворовской	1	»
» стан. Витязевой	1	»
» Николаевской	1	»
» Александровской съ Джеметеевскимъ укрѣпленіемъ, Нашебургскимъ редутомъ и вновь возведеннымъ на рѣкѣ Джигѣ по.	1	»
» Новороссійскѣ	2	бат.
Итого....	5	баталіоновъ.

Съ подчиненіемъ по этому предположенію всей Черноморіи и Сѣвернаго отдѣленія береговой линіи, подъ управленіемъ генералъ-лейтенанта Козловскаго, и при послѣдовавшемъ уже переименованіи частей войскъ Кавказской линіи, представилась бы полная возможность установить правильное раздѣленіе мѣстныхъ управленій, при которомъ военные начальники разныхъ частей края, были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и прямыми начальниками по внутреннему управленію войскъ, подчиненныхъ имъ въ военномъ отношеніи.

Для скорѣйшаго достиженія этой цѣли, начальнику 20-й пѣхотной дивизіи слѣдуетъ подчинить Лѣвый флангъ и Владикавказскій округъ, сравнивъ генераловъ Козловскаго и Евдокимова во всемъ относительно управленія, такъ какъ въ вѣдѣніи каждаго будетъ находиться по цѣлой боевой дивизіи, равное число линейныхъ баталіоновъ и другія войска.

По устройствѣ сѣвернаго и южнаго отдѣленій Черноморской береговой линіи, необходимо возстановить усиленный надзоръ нашъ за пространствомъ между Новороссійскомъ и Гаграми, чего можно достигнуть съ успѣхомъ, учредивъ постоянное крейсерство изъ судовъ малаго ранга съ винтовыми двигателями, числомъ, сколько найдено будетъ возможнымъ, согласуясь съ послѣднимъ договоромъ. Суда эти должны быть снабжены и полнымъ паруснымъ вооруженіемъ, чтобы они могли ходить на парусахъ и поднимать пары только для преслѣдованія и поимки контрабанднаго судна.

Эскадра эта, командированная отъ Черноморскаго флота, должна дѣлиться на двѣ части и состоять въ подчиненіи: одна часть у начальника сѣвернаго прибрежья Чернаго моря, а другая у начальника южнаго прибрежья. Крейсерство ея отъ крайнихъ сѣвернаго и южнаго пунктовъ, т. е. отъ Новороссійска и Гагры должно простираться до средины бывшаго 2-го отдѣленія, или, примѣрно, форта Лазарева.

Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ возстановить, на прежнемъ основаніи, крейсерство вооруженныхъ баркасовъ по берегамъ, кои предполагаются нынѣ къ занятію. Абхазскій берегъ преимущественно долженъ быть подъ бдительнымъ наблюденіемъ сихъ крейсеровъ, для преслѣдованія и поимки контробандныхъ кочермъ, такъ какъ Абхазскій берегъ особенно заманчивъ для контробандистовъ. Между Анапою и Новороссійскомъ не потребуется въ этомъ отношеніи усиленнаго наблюденія, потому что мы всегда будемъ имѣть возможность заставить горцевъ, живущихъ въ тѣхъ краяхъ, исполнять наши требованія.

Способъ занятія Восточнаго берега Чернаго моря.

Важнѣйшимъ и неотлагательнымъ дѣйствіемъ нашимъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря должно быть занятіе, до закрытія на-

вигаціи въ нынѣшнемъ году, бывшихъ 1 и 3-го отдѣленій Черноморской береговой линіи, имѣя при томъ въ виду, чтобы оно не было сопряжено съ новыми жертвами, или покрайней мѣрѣ съ наивозможно меньшею потерею людей.

Для сего я полагалъ бы необходимымъ: не теряя времени, войти въ сношеніе съ Турецкимъ правительствомъ касательно правильной передачи крѣпостей и военныхъ пунктовъ, ими занятыхъ по восточному берегу, что̀ имѣло бы весьма выгодное для насъ вліяніе на умы горцевъ, показавъ имъ миролюбивыя отношенія наши съ султаномъ Турецкимъ и погасивъ тѣмъ воспламененныя надежды ихъ на помощь и сочувствіе главнаго покровителя исламизма.

Занятіе Анапы и Новороссійска весьма не трудно; ибо военныя средства, находящіяся въ Черноморіи, весьма достаточны, дабы безъ большой потери въ людяхъ и времени занять тотчасъ же главные пункты означеннаго пространства и водворить въ немъ тоже вліяніе и тотъ же порядокъ, которые существовали до войны.

Одновременно съ этимъ, слѣдовало бы употребить часть войскъ, находящихся въ Мингреліи, для занятія съ морской стороны сперва Гагръ однимъ баталіономъ пѣхоты *). Пунктъ этотъ необходимо возобновить и укрѣпить прежде всего, чтобы замкнуть Убыхамъ ворота для вторженія въ Абхазію, такъ какъ Гагринское ущелье служитъ имъ единственнымъ удобнымъ для сего путемъ **). Потомъ вторымъ десантомъ въ два баталіона занять Сухумъ. Отрядъ въ четыре баталіона долженъ въ тоже время подходить къ послѣднему пункту сухимъ путемъ.

По водвореніи войскъ нашихъ въ Сухумѣ, слѣдовало бы тотчасъ вступить въ сношеніе съ вліятельными людьми въ Цебельдѣ и затѣмъ уже занять Марамбу, безъ чего занятіе Цебельды можетъ стоить намъ потери людей.

Для лучшаго и удобнѣйшаго осуществленія этой мысли и для устраненія потери, я полагалъ бы поручить экспедицію владѣтелю Абхазіи, что̀ возстановитъ его въ общемъ мнѣніи и возстановитъ, въ глазахъ его, собственное его достоинство. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ исполнитъ ее хорошо, потому что въ порученіи этомъ будетъ видѣть двоякую для себя пользу: возстановить честь свою и власть надъ краемъ. Это предположеніе тѣмъ основательнѣе, что и выводъ войскъ

---

*) Съ окончательнымъ возстановленіемъ укрѣпленій, двѣ роты должны быть оттуда выведены, согласно вышеизложенной дислокаціи.

**) Это мнѣніе, впрочемъ, было ошибочно и держалось долго у высшихъ властей. Впослѣдствіи, при болѣе подробномъ знакомствѣ съ этими мѣстами, оказалось, что Гагры можно было обходить.

нашихъ изъ Абхазіи былъ возложенъ на него, и ему обязаны мы полнымъ успѣхомъ этого труднаго дѣла, въ которомъ не потеряно ни одного человѣка.

Значеніе главныхъ пунктовъ 1-го и 3-го отдѣленій бывшей Черноморской береговой линіи.

Изложивъ мнѣніе мое относительно военнаго занятія сѣверной и южной части прибрежья Чернаго моря, обращаюсь къ соображеніямъ: какого устройства потребуютъ важнѣйшіе пункты этого прибрежья, немедленно по занятіи ихъ.

Анапа составляетъ опорный пунктъ нашъ въ сѣверной части береговой линіи. Поэтому необходимо укрѣпить ее какъ съ моря, такъ и съ сухаго пути, замѣнивъ крѣпостныя сооруженія прежней Турецкой постройки сооруженіями по системѣ новѣйшей фортификаціи. Недостатокъ въ Анапѣ хорошей прѣсной воды составляетъ второстепенное неудобство: она дѣйствительно пользуется водою извнѣ, хотя и не въ дальнемъ отъ города разстояніи; но въ ней есть множество колодцевъ, которыми, несмотря на соленогорькій вкусъ воды, гарнизонъ можетъ пользоваться при новѣйшемъ открытіи приборовъ для очистки такой воды, коими и должна быть снабжена крѣпость.

Новороссійскъ долженъ быть возобновленъ преимущественно какъ торговый городъ; укрѣпленіе его необходимо только для защиты отъ горцевъ. Онъ отстоитъ отъ Анапы въ 42-хъ верстахъ; на половинѣ этого разстоянія слѣдуетъ возобновить бывшій *фортъ - Раевскій* *), прикрывающій дорогу отъ Анапы до Новороссійска и служащій для очереднаго выступленія колоннъ по сообщенію между этими двумя пунктами. Затѣмъ, вмѣсто бывшихъ укрѣпленій Абинскаго и Гостогая, необходимо построить укрѣпленіе на *Адагумѣ*, по пути отъ Новороссійска къ бывшему Абинскому укрѣпленію. По направленію этому, отъ Новороссійска чрезъ горный хребетъ, проложена уже дорога, названная Константиновскою. Пунктъ этотъ будетъ служить намъ, во время движеній во внутрь края, для сбора войскъ, помѣщенія больныхъ и раненыхъ и помогать непосредственному военному сообщенію между Новороссійскомъ и Черноморіею.

Для сообщенія сѣверной части береговой линіи съ землею Черноморскаго казачьяго войска, есть нѣсколько переправъ. Первая переправа чрезъ Бугазскій лиманъ должна быть возстановлена для одиночнаго слѣдованія изъ Черноморіи въ Анапу, съ возобновленіемъ

*) У родника, въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ бывшаго укрѣпленія сего имени, по причинѣ дурной тамъ воды.

для сего башни, бывшей на Джеметсѣ. Какъ путь, отъ нея идущій въ Анапу берегомъ по косѣ, легко можетъ быть прерванъ со стороны моря, то для движенія, въ нужномъ случаѣ, войскъ изъ Черноморіи существуетъ болѣе удаленная отъ моря другая переправа, устроенная на р. Джигѣ, гдѣ есть для прикрытія ея небольшая батарея. Переправа эта, какъ удобная по открытой мѣстности своей и ближайшая къ Анапѣ, представляетъ въ этомъ отношеніи преимущество предъ Варениковою пристанью и переправою у Ольгинскаго укрѣпленія.

На Абхазскомъ берегу необходимо укрѣпить прежде всего *Гагры*, чтобы замкнуть, какъ я сказалъ, Убыхамъ ворота для вторженія въ Абхазію.

Бомборы занимать и укрѣплять вновь нѣтъ никакой надобности; но надо улучшить сухопутное сообщеніе отъ Сухума до Бомборъ, чтобы войска наши легко могли проникать въ Бзыбскій округъ.

Укрѣпленіе Марамбу въ Цебельдѣ слѣдуетъ возобновить потому, что Цебельдинцы, хотя и считаются покорными намъ, могутъ еще предаваться волненіямъ.

Затѣмъ дальнѣйшіе пункты до самаго Николаевскаго форта, въ военномъ отношеніи не имѣли и прежде никакого значенія, служа намъ только карантинно-таможенными постами, для надзора за Абхазскимъ берегомъ. Посты эти, для той же цѣли, я нахожу необходимымъ возобновить на всемъ пространствѣ между Гаграми и Азіатско-Турецкою границею.

Сухумъ-Кале замѣчателенъ преимущественно по обширности и удобству своей бухты, дающей ему первое мѣсто между портами восточнаго берега.

*

На этой запискѣ князя Барятинскаго собственною Его Величества рукою написано карандашемъ:

«Мысли изложенныя въ сей запискѣ нахожу весьма основательными и совершенно согласенъ съ ними».

«Снестись съ Его Высочествомъ генералъ-адмираломъ о способѣ исполненія по морской части».

„12" Іюня 1856 года.

Скрѣпилъ генералъ отъ артилеріи Сухозанетъ.

Глава II.

Поздній отъѣздъ на Кавказъ.—Пребываніе въ Москвѣ.—Путешествіе по Волгѣ и Каспійскому морю.—Прибытіе въ Петровскъ и Темиръ-ханъ Шуру.—Рекогносцировка къ Гимринскому спуску. — Предположенія о Закаспійскомъ краѣ и письмо къ Великому Князю Константину Николаевичу.—Отвѣтъ Его Высочества.—Письмо Буткова.—Пріѣздъ въ Тифлисъ.—Письмо къ Государю.—Второе письмо къ Великому Князю.

Послѣ состоявшагося 22 Іюля 1856 г. назначенія, князь Барятинскій еще не скоро уѣхалъ на Кавказъ. Разрѣшеніе многихъ вопросовъ удерживало его въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ долженъ былъ находиться въ Москвѣ при коронаціи Императора Александра II. Такъ прошло время до Октября.

Само собою, разъ высокій постъ Кавказскаго намѣстника и главнокомандующаго былъ князю довѣренъ, всѣ вопросы, имъ возбужденные, за весьма рѣдкими исключеніями, разрѣшались согласно его желанію, хотя не было недостатка въ болѣе или менѣе сильныхъ противникахъ, какъ по гражданскимъ, такъ и по военнымъ дѣламъ. Это и понятно: зависть—одинъ изъ слишкомъ сильно привитыхъ человѣчеству пороковъ, и чѣмъ выше по общественной лѣстницѣ, тѣмъ сильнѣе она обуреваетъ людей, особенно не отличающихся достаточными умственными качествами. Въ отношеніи князя Барятинскаго это тѣмъ сильнѣе должно было проявиться, что онъ достигъ назначенія на одинъ изъ высшихъ государственныхъ постовъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта и въ такомъ возрастѣ, когда рѣдкіе достигаютъ званія начальника дивизіи.

Въ числѣ сильныхъ противниковъ князя Барятинскаго оказался и новоназначенный военный министръ Сухозанетъ. При каждомъ удобномъ случаѣ, дѣлались имъ разныя задержки или вовсе отказы въ разрѣшеніи представленій и т. п. Основываясь на бѣдственномъ финансовомъ положеніи Россіи

и необходимости сокращать до крайности издержки, *не вѣря въ возможность рѣшительныхъ успѣховъ въ дѣлѣ покоренія Кавказа,* генералъ Сухозанетъ не пропускалъ случаевъ тормозить удовлетвореніе ходатайствъ главнокомандующаго и особенно объ оставленіи 13-й и 18-й пѣхотныхъ дивизій на Кавказѣ. Если бы не личное согласіе Государя съ мнѣніями князя Барятинскаго, то, очень быть можетъ, Петербургскія канцеляріи настояли бы на своемъ и затянули бы дѣло опять на неопредѣленное время.

Былъ ли образъ дѣйствій генерала Сухозанета слѣдствіемъ личнаго нерасположенія или искренняго убѣжденія, для сущности дѣла безразлично и, повторяю, только воля Государя устранила неизбѣжно-неудачный результатъ. (Изъ значительнаго количества писемъ между княземъ Барятинскимъ и генераломъ Сухозанетомъ нѣсколько особенно выдающихся, рисующихъ характеръ ихъ взаимныхъ отношеній, помѣщены въ приложеніи). О сокращеніи расходовъ, объ экономіи постоянно напоминалъ и самъ Государь; пререканія же князя Барятинскаго съ военнымъ министромъ привели даже къ довольно чувствительному внушенію Государя въ частномъ письмѣ, при чемъ выражался взглядъ, что министръ обязанъ доводить обо всемъ до высочайшаго свѣдѣнія и что онъ отвѣтственъ за военную часть, что Государь находитъ столкновенія эти несоотвѣтствующими характеру князя и его всегда благоразумному образу дѣйствій, наконецъ надѣется, что это прекратится и не будетъ больше повода возвращаться къ этому предмету. Въ результатѣ было примиреніе князя съ министромъ и письмо къ Государю, съ обѣщаніемъ исполнить его повелѣніе.

Когда по Кавказу разнеслась вѣсть о назначеніи князя Александра Ивановича, со всѣхъ сторонъ раздавалось: „слышали, знаете?“ и всѣ были рады, веселы, какъ бы торжествуя какую-то личную побѣду. Надъ кѣмъ, надъ чѣмъ побѣду,—большинство едва ли съумѣло бы объяснить. Какое-то инстинктивное чутье лучшаго будущаго, послѣ недовольства настоящимъ, увѣренность, что съ Кавказа снимается, если можно такъ выразиться, тягость монастырской, аскетической атмосферы, что вмѣсто мертвящей, суровой тишины, постоян-

наго дрожанія въ ожиданіи каръ, настанетъ прежняя, дѣятельная жизнь, прежнія надежды на щедрыя награды за самоотверженные труды, что судьба края попала въ руки истаго Кавказца, участника Даргинской экспедиціи, взятія Гергебиля, бывшаго командира Кабардинцевъ, начальника Лѣваго фланга, инициатора первыхъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Чечни, помощника любимаго вождя князя Воронцова, однимъ словомъ, въ руки князя Барятинскаго, молодаго, энергическаго, щедраго, привѣтливаго, пользующагося полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ Государя. Все это и было причиной общей радости, общаго праздничнаго настроенія и какъ бы торжества надъ Н. Н. Муравьевымъ—вводителемъ уже несовременной Спартанской системы, налагающей тяжелую печать суровости и мертвенности на всѣхъ и вся.

Второй разъ приходилось пишущему эти строки быть свидѣтелемъ восторженнаго общественнаго настроенія по случаю полученія извѣстій о назначеніи новаго главнаго начальника на Кавказъ. Въ началѣ 1845 года извѣстіе о назначеніи князя Воронцова произвело чрезвычайный эффектъ; отъ мелкаго чиновника до высшихъ начальствующихъ лицъ, отъ Тифлисскихъ дамъ до Армянскихъ коммерческихъ людей, всѣ пришли въ восторгъ. Почему, главнымъ образомъ, радость была такая общая? Потому, что предшествовавшее управленіе было не по душѣ Кавказу. Не говоря о печальныхъ неудачахъ нашихъ въ войнѣ съ Шамилемъ, вся манера предмѣстника князя Воронцова,—хотя и умнаго, и весьма почтеннаго человѣка,—была не въ духѣ Кавказскаго населенія, ни Русскаго, ни туземнаго. Совершенно тоже повторилось и при назначеніи князя Барятинскаго, тѣже причины повели къ тѣмъ же послѣдствіямъ; да кромѣ того, на сторонѣ князя Александра Ивановича было еще и его недавнее прошлое на Кавказѣ.

Въ особенности въ Грозной и на всемъ Лѣвомъ флангѣ ликованіямъ не было конца. Здѣсь князя Барятинскаго считали совсѣмъ своимъ: здѣсь онъ командовалъ полкомъ, здѣсь жилъ начальникомъ дивизіи и фланга, здѣсь водилъ отряды въ Чечню и достигалъ блестящихъ успѣховъ; здѣсь онъ, такъ сказать, окавказился, свыкся и полюбилъ край, усво-

илъ особенности, выработалъ систему военныхъ и административныхъ дѣйствій; здѣсь всѣ были его приверженцами, не исключаяя самихъ Чеченцевъ, уважавшихъ храбраго, рѣшительнаго, щедраго человѣка.

Вотъ что́ по поводу назначенія князя писали изъ Грозной въ газету „Кавказъ“ (№ 75, 23 Сент. 1856 г.). „Въ началѣ Августа, въ крѣпости Грозной узнали о назначеніи генералъ-адъютанта князя Барятинскаго командующимъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ. Между передовыми Кавказскими укрѣпленіями почта ходитъ нескоро; мы получили только нѣсколько спѣшныхъ строкъ съ нарочнымъ изъ Тифлиса. Въ нѣсколько часовъ эта вѣсть облетѣла весь Лѣвый флангъ. Каждый офицеръ здѣшняго гарнизона, имѣвшій родственника или друга внѣ Грозной, торопился сію же минуту извѣстить его объ этомъ. Частные люди порознь, или сложившись вмѣстѣ, нанимали нарочныхъ и разсылали ихъ во всѣ концы края. Однополчане отправляли гонцовъ къ своимъ баталіонамъ или ротамъ, занимавшимъ отдѣльные пункты. Въ каждой офицерской квартирѣ гремѣли заздравные клики князю Александру Ивановичу. На улицѣ, на базарѣ шелъ радостный говоръ между солдатами, казаками, поселянами; вся эта толпа считала себя военною семьею, родною дружиной князя Барятинскаго, съ первыхъ шаговъ его поприща. Лица сіяли удовольствіемъ какъ въ первыя минуты, вѣнчающія выигранное сраженіе. Не прошло и часа, какъ толпы Чеченскаго населенія стали уже тѣсниться передъ домомъ своего управленія. Сначала они слушали эту вѣсть недовѣрчиво, какъ будто принимая ее за уловку; но когда она была объявлена начальникомъ, для аула насталъ такой же праздникъ, какъ и для крѣпости. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Русская нога стала на Терекѣ, взаимное сочувствіе связало насъ съ фанатическимъ населеніемъ Чечни; общая довѣренность къ одному человѣку изглаживала въ сердцахъ на эти минуты слѣды пятнадцати-лѣтней борьбы на смерть. Общая радость Кавказскаго войска, безграничная довѣренность его къ новому полководцу естественны. Онъ для насъ не новый; онъ, какъ воинъ-воспитанникъ Кавказской семьи; онъ съ молоду дѣлилъ нашу жизнь, полную заботъ и самопожертвованія,

былъ два раза раненъ и до сихъ поръ носитъ въ груди горскую пулю. Онъ прошелъ на Кавказѣ всѣ ступени службы, командовалъ казачей сотней, батальономъ, полкомъ, бригадой, дивизіею, былъ начальникомъ главнаго штаба и дѣйствительно заслужилъ на этихъ мѣстахъ уваженіе всѣхъ и всѣхъ любовь къ себѣ. Это именно такой случай, когда одинъ человѣкъ можетъ говорить отъ лица общества. Гулъ ста тысячъ голосовъ, считая одно только войско, когда солдаты поздравляли другъ друга съ назначеніемъ князя Барятинскаго, какъ съ Господнимъ праздникомъ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о настроеніи общаго чувства. На Лѣвомъ флангѣ радость войскъ выражалась еще громче, если можно, чѣмъ гдѣ-нибудь: здѣсь и самое дѣло виднѣе. Въ 1851 году князь Барятинскій принялъ начальство въ этомъ краѣ и командовалъ всего два года. Тогда глубина Чечни была точно завѣшена отъ насъ покрываломъ, такъ она была дика и непроходима; въ дебряхъ ея гнѣздилось самое кровожадное изъ непокоренныхъ племенъ. Въ два года управленія князя Барятинскаго данъ былъ такой могучій оборотъ, что теперь съ 15 казаками можно ѣздить по передовымъ укрѣпленіямъ, гдѣ четыре года тому назадъ нельзя было пройти иначе, какъ съ баталіономъ и артиллеріею, и то самое населеніе, которое рѣзалось съ нами, не прося и не давая пощады, теперь мирное, стекается въ улицѣ Грозной, чтобы привѣтствовать радостными кликами назначеніе новаго *сардаря*, покорителя страны ихъ. Сто тысячъ Кавказскихъ солдатъ считаютъ назначеніе князя Барятинскаго царскою наградой за свою службу. Они столько трудились и столько трудятся для отечества, что имъ позволено считать себя достойными награды, и нынѣ Кавказъ имѣетъ право гордиться, что онъ доросъ, наконецъ, до такой степени возмужалости, когда изъ его же среды выбранъ ему главный начальникъ; что онъ въ своей семьѣ, въ своемъ быту воспиталъ себѣ полководца, который знаетъ, что́ такое Кавказъ, и которому нечего уже учиться цѣнить его. Занимающій край, совершенно не похожій на остальную Россію, поставленный въ исключительныхъ обстоятельствахъ, Кавказскій корпусъ по неволѣ долженъ былъ выдѣлать себѣ своеобразную личность, и, конечно, никто объ

этомъ не пожалѣетъ, когда въ этой личности есть такія черты, напримѣръ, что Кавказскій солдатъ на царской службѣ не считаетъ смерть или побѣду „послѣдней энергіей воина", что онъ своему полководцу поклянется побѣдить и исполнитъ клятву, хотя бы противъ въ четверо сильнѣйшаго непріятеля, потому что онъ „не считаетъ никого въ свѣтѣ сильнѣе себя, пока оружіе у него въ рукахъ", какъ говорилъ Эвменъ Антигону. Но чѣмъ развитѣе и чѣмъ своеобразнѣе личность Кавказскаго воина, тѣмъ важнѣе для него быть подъ рукою начальника, который его понимаетъ. Вотъ отчего, когда разнеслась вѣсть о назначеніи князя Барятинскаго командующимъ нашимъ корпусомъ, на всѣхъ концахъ Кавказа старые служивые снимали шапки и говорили молодымъ товарищамъ: „смотрите, за Богомъ молитва, за Царемъ служба никогда не пропадаютъ".

Одинъ изъ первыхъ, извѣстившихъ князя Барятинскаго о впечатлѣніи, произведенномъ его назначеніемъ въ Тифлисѣ, былъ владѣтель Абхазіи. Князь Михаилъ Шервашидзе 1-го Августа 1856 г. изъ Тифлиса писалъ между прочимъ: „Мнѣ бы хотѣлось еще много написать и разсказать вашему сіятельству, но пока ограничусь однимъ извѣщеніемъ васъ, что 31-го Іюля вечеромъ весь городъ ликовалъ и торжествовалъ; событіе тѣмъ пріятнѣе для всѣхъ насъ, что оно совершилось неожиданно и такъ скоро". Подобныхъ, вполнѣ искреннихъ изъявленій было получено княземъ немало; но были, само собою, и обычныя, искусственныя.—Кстати приведу примѣръ: въ Пятигорскѣ, жена генерала, въ завѣдываніи котораго состояло управленіе минеральныхъ водъ, на бульварѣ, среди кружка знакомыхъ, съ бокаломъ въ рукахъ, кричала: „à bas Mouravieff, vive le prince Bariatinsky", въ полной увѣренности, что это дойдетъ по адресу и послужитъ ей ко благу. Увы, дошло-то оно дошло; но только результатъ оказался другой: тотчасъ по пріѣздѣ на Кавказъ, князь назначилъ строгую ревизію хозяйственной части управленія водами, и генералъ былъ вынужденъ оставить мѣсто и Кавказъ....

Для гражданскихъ дѣлъ Кавказа существовалъ въ Петербургѣ особый Кавказскій комитетъ, которымъ управлялъ извѣстный въ свое время статсъ-секретарь В. П. Бутковъ;

чрезъ его руки проходили всѣ дѣла и, само собою, ему приходилось быть въ частыхъ сношеніяхъ съ намѣстникомъ. Письма его къ князю Барятинскому, кромѣ прямаго отношенія къ дѣятельности князя, имѣютъ и общій интересъ. Большинство ихъ приводятся почти вполнѣ въ приложеніяхъ.

Въ Москвѣ, во время коронаціи (по словамъ г-на Николаева, бывшаго у князя Барятинскаго адъютантомъ) князь жилъ на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ Вырубова. Едва ли помѣщеніе Англійскаго вице-короля Индіи или даже дворецъ самого Типпо-Саиба могли быть великолѣпнѣе. Собственно говоря, самое помѣщеніе не представляло ничего особеннаго; это былъ большой барскій домъ, высокія комнаты, хорошая мебель, и больше ничего. Правда, что въ этихъ комнатахъ, какъ бы волшебствомъ, вслѣдъ за назначеніемъ князя Александра Ивановича намѣстникомъ Кавказскимъ, появились коллекціи дорогаго оружія и дорогихъ Азіатскихъ кубковъ по стѣнамъ, вышитыя золотомъ подушки по диванамъ, громадные дорогіе ковры и масса экзотическихъ растеній; но поражала не эта обстановка, а люди, вращавшіеся въ домѣ и пріѣзжавшіе къ князю Барятинскому.

Какъ изъ-подъ земли выросли какіе-то постоянные тѣлохранители съ загорѣлыми лицами, увѣшанные орденами и сверкавшіе различными костюмами Закавказья: то были старые подчиненные князя, пріѣхавшіе въ Москву съ депутаціями и переселившіеся къ нему въ домъ, и среди нихъ, начиная съ 10 часовъ утра до 7 вечера, все, что было знатнаго и почетнаго въ Москвѣ, толпилось въ комнатахъ дома Вырубова. Тамъ видѣли и митрополита Филарета, и фельдмаршала князя Воронцова *), и лорда Гренвиля, и князя Де-Линя, и шамхала Тарковскаго, и владѣтеля Абхазіи, и владѣтельницу Мингреліи, и множество разныхъ Азіатскихъ почетныхъ лицъ въ ихъ дорогихъ одѣяніяхъ, съ ихъ Азіатскимъ привѣтомъ, похожимъ на поклоненіе божеству. Для человѣка, любящаго блескъ аттрибутовъ власти, хотя и

*) Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ былъ пожалованъ въ фельдмаршалы въ день коронаціи, 26 Августа 1856 года.

пустой, но заманчивый, трудно было найти положеніе болѣе пріятное, чѣмъ то, въ которомъ находился князь Барятинскій въ описываемую эпоху: онъ былъ молодъ, красивъ, носилъ громкое имя, надъ нимъ сіялъ ореолъ героя Кюрюкъ-Дара, у ногъ его съ Азіятскимъ раболѣпствомъ пресмыкалась пестрая, раззолоченная толпа изъ приближенныхъ Царя; выше себя онъ не видѣлъ никого, сверстники ему завидовали, а всѣ нижестоящіе наперерывъ искали случая поступить къ нему подъ команду. Да и прекрасная половина рода человѣческаго не совсѣмъ равнодушно глядѣла на молодаго намѣстника, потому уже, что никогда не могла и не можетъ оставаться равнодушной ко всякому блеску и побрякушкамъ.

А между тѣмъ, на другой же день послѣ коронаціи *), новый намѣстникъ надѣлъ красные чулки, объявилъ, что у него припадокъ подагры, не выѣзжалъ ни на какія торжества, и послѣ утренняго пріема осаждавшей его толпы садился въ 7 часовъ обѣдать въ небольшомъ кругу адъютантовъ, гдѣ являлся простымъ смертнымъ и радушнымъ хозяиномъ, невольно внушавшимъ къ себѣ симпатію.

Наступила половина Сентября, празднества окончились, и Москва опустѣла.

Князь Барятинскій поѣхалъ по Волгѣ черезъ Астрахань въ Закавказскій край.

Чрезвычайно бурная погода на морѣ задержала князя Барятинскаго въ Астрахани, и пріѣздъ въ Петровское состоялся десятью днями позже, чѣмъ ожидали. О парадныхъ встрѣчахъ тамъ, въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и вообще на пути нечего распространяться: все было обставлено съ возможною торжественностью и шумными оваціями. Первыя минуты уже были разительнымъ контрастомъ съ только что минувшимъ временемъ, когда встрѣчи сопровождались могильнымъ молчаніемъ и сугубымъ страхомъ.

Въ первый же вечеръ пребыванія на Кавказской землѣ, новый главнокомандующій отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

---

*) 26 Августа князь былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи.

„Воины Кавказа! Смотря на васъ и дивяся вамъ, я взросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ быть вождемъ вашимъ, и трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и великую для меня честь.

„Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя!“.

Достаточно сравнить этотъ приказъ съ извѣстнымъ письмомъ генерала Муравьева къ А. П. Ермолову, чтобы видѣть, кто изъ двухъ главнокомандующихъ лучше понималъ духъ войскъ, духъ времени и вообще тѣ струны, изъ которыхъ умѣлая рука можетъ съ успѣхомъ извлекать желательные звуки.

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ князь пробылъ сутки; здѣсь происходили продолжительныя совѣщанія съ генераломъ Евдокимовымъ, пріѣхавшимъ изъ Грозной, и мѣстнымъ командующимъ войсками княземъ Орбельяни о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Первый долженъ былъ вскорѣ открыть ихъ на Мичикѣ, чтобы довершить то, что въ началѣ 1853 года осталось недоконченнымъ княземъ Барятинскимъ, вслѣдствіе неоставленія ему нужнаго числа войскъ (о чемъ разсказано въ XVIII главѣ I-го тома).

На другой день князь предпринялъ поѣздку чрезъ Ишкарты на высоты къ Гимринскому спуску. Благодаря прекрасной осенней погодѣ, всѣмъ удобствамъ, какія только по мѣстнымъ условіямъ можно было доставить, благодаря всеобщему оживленію и радостному настроенію, поѣздка оказалась одною изъ самыхъ пріятнѣйшихъ. Въ свитѣ князя Барятинскаго былъ флигель-адъютантъ князь Эмиль Витгенштейнъ съ молодою прелестною супругою, урожденною Кантакузенъ, графъ Сологубъ, извѣстный писатель, и художникъ отъ редакціи Парижской Иллюстраціи Бланшаръ. Всѣ восторгались грозно-величественною картиною, развертывающеюся съ Гимринскихъ высотъ; художникъ, бойко дѣйствовавшій карандашомъ въ своемъ альбомѣ, набрасывалъ то виды грозныхъ ущелій, то типы воинственныхъ туземцевъ, то полукомическія сцены ухаживаній за княгиней Витгенштейнъ, единственнымъ женскимъ лицомъ среди нѣсколькихъ тысячъ воиновъ.

Послѣ ночлега въ Шурѣ, князь выѣхалъ чрезъ Дербентъ и Шемаху въ Тифлисъ, куда и прибылъ 3 Ноября. Изъ прилагаемаго рисунка можно видѣть, какъ его тамъ встрѣтили. При поднесеніи хлѣба-соли, городской голова Сараджевъ, безъ особой напыщенности, выразилъ дѣйствительныя чувства населенія Тифлиса: „Еще недавно съ прискорбіемъ глядѣли мы на выѣздъ вашъ отсюда. Мы знали, что Кавказъ терялъ въ васъ и одного изъ доблестнѣйшихъ своихъ защитниковъ, и человѣка, любящаго здѣшній край. Нынѣ вы возвращаетесь къ намъ намѣстникомъ Императора, и мы уже знаемъ, что̀ можетъ ожидать весь Кавказъ и отъ вашихъ доблестей, и отъ извѣстнаго вашего къ намъ сочувствія. Нашъ городъ встрѣчаетъ васъ съ особенною радостью. Дѣлаясь вашимъ мѣстопребываніемъ, онъ гордится удѣломъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ вашего непосредственнаго вниманія и заботъ. Я отъ лица согражданъ моихъ могу только слабо выразить эти живыя, одушевляющія насъ чувства и искреннюю готовность, по мѣрѣ силъ нашихъ, соотвѣтствовать вашимъ цѣлямъ и преданіямъ. Да хранитъ васъ и да поможетъ вамъ Богъ“. За тѣмъ иллюминаціи, фейерверки, восторженные клики, шумныя ликованія и проч. и проч.

Путешествіе по Волгѣ до Астрахани и по Каспійскому морю не осталось безъ результата для дѣлъ государственныхъ. Князь Барятинскій съ замѣчательною прозорливостью обратилъ вниманіе на Закаспійскій край; отъ него не скрылась важность упроченія нашего въ этихъ мѣстахъ какъ для развитія торговли съ дальнимъ Востокомъ, такъ и для политическаго вліянія въ Азіи. Онъ воскрешалъ великую идею Петра Перваго.

На пути въ Тифлисъ изъ Шемахи, онъ представилъ Великому Князю генералъ-адмиралу записку о выгодахъ соединенія Волги съ рѣками Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, посредствомъ проведенія желѣзной дороги на пространствѣ между заливомъ Каспійскаго моря „Мертвый Култукъ“ и Аральскимъ моремъ, чрезъ Усть-Уртъ, всего около 250 верстъ. Цѣлью этого предпріятія было водворить въ самой глубинѣ Азіятскаго материка Русскую торговлю и Русское вліяніе. Для начала предлагалось назначить экспедицію изъ специа-

листовъ, чтобы изслѣдовать мѣстныя условія. Вмѣстѣ съ запиской, князь Александръ Ивановичъ написалъ Его Высочеству, изъ Шемахи же, слѣдующее письмо отъ 25 Октября 1856 года:

„Я совершилъ весьма интересное путешествіе по Волгѣ и убѣдился болѣе чѣмъ когда въ необходимости подчинить собственно плаваніе по ней морскому вѣдомству, которому только одному знакомо это дѣло. Раздѣливъ рѣку на участки и подчинивъ каждый изъ нихъ морскому офицеру (которыхъ, сколько мнѣ кажется, у васъ въ изобиліи) скорѣе всего можно будетъ обезпечить мели и опредѣлить фарватеръ; онъ обстановится вѣхами и баканами и т. п.; установятся маяки; всѣ теперь существующія препятствія къ плаванію скорѣе и положительнѣе обозначатся, и тогда Министерство Путей Сообщенія положительно будетъ поставлено въ извѣстность о томъ, чѣмъ именно ему слѣдуетъ заняться. Устья Волги составляютъ вопросъ совершенно отдѣльный, требующій большихъ изслѣдованій и денежныхъ пожертвованій“.

„Адмиралъ Васильевъ *) сопутствовалъ мнѣ по всему Каспійскому прибрежью, и тутъ увидѣли мы рѣшительную и настоятельную необходимость устроить порты въ Баку и Петровскомъ. Оба сіи пункта весьма важны, и я имѣлъ счастіе такъ часто говорить о нихъ съ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ, что здѣсь считаю повторенія излишними. Вамъ извѣстны и вся важность, и вся неотлагательность настоящаго предмета; но дѣло въ томъ, что надобно скорое рѣшеніе и что этимъ осуществится въ весьма непродолжительномъ времени великая польза и для ввѣреннаго мнѣ края, и для всей Россіи.

„Въ этомъ же путешествіи я еще болѣе убѣдился въ тѣсной и неизбѣжной связи между Астраханской губерніей и Кавказскимъ краемъ. До рѣшенія этого вопроса Кавказъ останется какъ бы безъ рукъ, и хотя я еще не могъ собрать полныхъ свѣдѣній для составленія дополнительной моей записки, но въ весьма скоромъ времени надѣюсь исполнить

*) Астраханскій военный губернаторъ.

это и прислать вамъ ее на ваше высокое и просвѣщенное вниманіе.

„Мнѣ кажется, необходимо также подчинить укр. Ново-Петровское адмиралу Васильеву. Онъ одинъ имѣетъ способъ навѣщать часто это укрѣпленіе и имѣть надъ нимъ постоянный надзоръ. Будущность и развитіе сего пункта въ прямой зависимости отъ частаго сообщенія его съ Астраханью, которое, при подчиненіи его Астраханскому губернатору, само собою установится".

Записку князя Барятинскаго и Государь, и Великій Князь нашли весьма дѣльною, какъ видно изъ слѣдующаго письма Его Высочества къ князю *):

„Ганноверъ, 4 (16) Февраля 1857 года. Посылаю вамъ копію съ доклада, полученнаго мною сегодня отъ адмирала Врангеля и выписку изъ письма ко мнѣ Государя Императора по тому же предмету. Вы увидите искреннее расположеніе Его Величества къ вашему предположенію и встрѣченныя нашими министрами препятствія. Я чрезвычайно сожалѣю, что не присутствовалъ при обсужденіи этого дѣла, и прошу васъ вѣрить, что столь же сильно какъ и прежде желаю успѣха этому предпріятію".

Выписка изъ собственноручнаго письма Государя Императора Великому Князю генералъ-адмиралу изъ Петербурга отъ 24 Января (5 Февраля) 1857 года:

„Врангель вручилъ мнѣ, по твоему приказанію, любопытное письмо Барятинскаго. Я вполнѣ раздѣляю его мнѣніе о пользѣ сей изыскательной экспедиціи и приказалъ Врангелю, не теряя времени, условиться съ военнымъ министромъ, Чевкинымъ и Горчаковымъ, для доставленія отсюда всѣхъ нужныхъ пособій".

А на письмо отъ 25 Октября Великій Князь отвѣчалъ 25 Декабря 1856 года слѣдующее:

„Князь Александръ Ивановичъ. Письмо ваше отъ 25-го Октября изъ Шемахи я представлялъ Государю Императору, и Его Величество, вполнѣ сочувствуя вашему желанію общей пользы, приказалъ мнѣ: 1) войти въ сношеніе съ генераломъ

---

*) Вся переписка съ Великимъ Княземъ по-русски.

Чевкинымъ о подчиненіи плаванія по Волгѣ морскому вѣдомству, и съ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ о передачѣ Ново-Петровскаго укрѣпленія въ вѣдѣніе главнаго командира Астраханскаго порта и Каспійской флотиліи, и 2) ожидать отъ васъ подробнаго представленія объ устройствѣ портовъ въ Баку и Петровскомъ и о присоединеніи Астраханской губерніи къ Кавказскому намѣстничеству, для возобновленія дѣла по сему послѣднему предмету. Я немедленно озаботился исполненіемъ помянутыхъ высочайшихъ повелѣній и увѣдомлю васъ о послѣдующемъ. По случаю предстоящаго отъѣзда моего 25-го Декабря за границу на 4 мѣсяца, прошу васъ сноситься съ управляющимъ Морскимъ Министерствомъ по дѣламъ обыкновеннымъ, а въ важныхъ случаяхъ писать мнѣ, адресуя пакеты въ Инспекторскій Департаментъ Морскаго Министерства съ надписью: „для отправленія въ мѣсто пребыванія Его Высочества“.

Объ этомъ же еще ранѣе, 3-го Декабря, извѣщалъ князя Александра Ивановича статсъ-секретарь Головнинъ, прибавивъ, что онъ приготовилъ письмо отъ Великаго Князя по настоящему предмету, но „Его Высочество желаетъ вмѣсто офиціальнаго сообщенія послать вамъ собственноручное письмо, какъ отъ друга, но не отъ министра“. Письма А. В. Головнина къ князю Барятинскому полны такого интереса, что мы обращаемъ на нихъ особое вниманіе читателей.

Государь, для разсмотрѣнія предположеній, изложенныхъ въ вышеозначенной запискѣ, учредилъ особый комитетъ, который, въ засѣданіи 27 Января 1857 года (составъ: министры—военный Сухозанетъ, путей сообщенія—Чевкинъ, морской—баронъ Врангель, иностранныхъ дѣлъ—князь Горчаковъ, директоръ Азіят. Департ. Ковалевскій и баронъ В. Ливенъ), принявъ во вниманіе возраженія Оренбургскаго генералъ-губернатора графа Перовскаго, замѣчанія кн. Горчакова и Брунова, постановилъ: экспедицію для обслѣдованія пространства между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, по случаю взволнованнаго состоянія степныхъ племенъ, сомнительнаго политическаго положенія дѣлъ на Востокѣ и недостатка времени для изготовленія ея въ значительномъ составѣ, отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ“.

Гг. дипломаты, при этомъ случаѣ, съ особою ироніею указывали, что прежде исполненія такихъ проэктовъ не подумать ли о завоеваніи Хивы и Кокана, и говорилось это въ томъ тонѣ, какъ если бы дѣло шло о путешествіи на луну... И все это изъ-за страха предъ Англіей, въ сравненіи съ которой Россія, въ глазахъ Брунова, конечно была ничтожествомъ. Но исторія двигается не по указаніямъ гг. дипломатовъ такого сорта: то, о чемъ они говорили съ ироніей, вскорѣ совершилось самымъ серьезнымъ образомъ. Заключеніе комитета утверждено Государемъ 8-го Февраля.

Къ сожалѣнію, Его Высочество генералъ-адмиралъ былъ тогда за границей и не могъ принять участія въ обсужденіи этого дѣла; можетъ быть, результатъ былъ бы другой. Ниже изъ письма князя Барятинскаго къ Его Высочеству видна будетъ слабая мотивировка комитетскаго постановленія. Не прошло, какъ извѣстно, и 12-ти лѣтъ, мысль князя Барятинскаго, съ измѣненіями лишь въ подробностяхъ, стала осуществляться занятіемъ Красноводска, а еще чрезъ двѣнадцать разгромъ Ахалъ-Теке привелъ насъ въ Мервъ; еще чрезъ пять лѣтъ желѣзная дорога уже опоясала степи и, перейдя Аму-Дарью, вступила въ Бухару....

Не нужно быть особенно глубокомысленнымъ политикомъ, чтобы понять, какое вліяніе на ходъ исторіи могло бы имѣть подобное положеніе наше въ тѣхъ странахъ, если бы оно осуществилось по мысли князя Барятинскаго ранѣе двѣнадцатью годами, до послѣдней Восточной войны...

По этому же поводу много различныхъ лицъ обращалось къ князю Барятинскому съ своими письмами, записками и предположеніями; все это составитъ цѣнный матеріалъ для будущихъ историковъ. Между прочимъ писалъ князю и адмиралъ Бутаковъ.

Изъ Тифлиса 9 Декабря князь Барятинскій написалъ покойному Государю слѣдующее письмо:

Sire!

Je m'empresse de venir rendre compte à Votre Majesté du très intéressant voyage, que je viens de faire sur le Wolga. J'ai acquis plus que jamais la conviction que ce fleuve est de-

stiné à servir de véritable communication de la Russie avec le Caucase. Il est certainement malheureux que cette communication ne dure que six mois; mais dans cet espace de temps. l'on peut alimenter la plus grande partie du pays et, en cas de besoin, y transporter avec une facilité extraordinaire des troupes de réserve. Le Wolga se trouve, sans aucun doute, dans un état assez primitif; mais je crois aussi que ce que l'on dit des difficultés de la navigation est exagéré et que, des moyens très simples, on pourrait établir une navigation sûre et constante jusqu'aux embouchures mêmes du fleuve, exigeant des travaux spéciaux dont le général Tchevkine s'occupe déjà. D'après les conversations que j'ai eues durant mon voyage avec les experts, je crois que le moyen le plus prompt pour arriver au but serait de confier la navigation, proprement dite, aux soins du ministère de la marine: les marins, mieux que personne, peuvent voir ce qu'il faut pour l'assurer de façon que tous les inconvénients se dessineraient aussitôt. Le cours du Wolga, divisé en sections, dont chacune serait confiée à un officier de marine, aurait bientôt son chenal marqué de bouée; tous les éceuils et bas-fonds seraient précisés par une scrupuleuse et constante surveillance et des phares placés et entretenus avec soin.

Voilà, Sire, ce que j'ai pu résumer de tout ce que j'ai entendu dire et observer pendant cette traversée. Après être resté un jour à Astracan, j'ai continué en bateau à vapeur mon voyage jusqu'à Petrovsk, et le 12 de ce mois j'ai mis pied à terre sur le sol Caucasien. J'ai rencontré, aussitôt débarqué, entre autres, les généraux prince Orbelian, Indrénius, Ewdokimoff, Nicolaï, et suis venu avec eux à Temirhanschoura; là j'ai combiné avec le général Ewdokimoff les opérations de cet hiver dans la *Чечня*. J'ai tout lieu d'espérer qu'avec les moyens que Votre Majesté a bien voulu me donner et avec l'intelligence éprouvée du général Ewdokimoff, l'expédition de cette année dans la *Чечня* lui portera un coup mortel, vu qu'en la continuant jusqu'au 15 mai, j'espère pouvoir entièrement empêcher de labourer et d'ensemencer les champs. Après avoir passé deux jours à Temirchanschoura, j'ai pris le chemin que Votre Majesté avait suivi l'année 1850 et je me suis fermement persuadé que la côté occidentale de la mer Caspienne serait toujours destinée à

servir de base aux opérations qui auraient pour but de consolider nos possessions du Caucase. Bakou est sans aucun doute le point principal pour nos possessions transcaucasiennes, tandis que Petrowsk n'est pas moins important pour toute la ligne du Caucase. L'amiral Wassilieff, qui a fait ce voyage avec moi, va combiner le plan pour l'établissement de ces deux ports, qui, comme je viens de le dire, sont d'une importance urgente pour le pays. J'ai eu le temps de voir sur mon passage les dragons du prince de Wurtemberg, quelques bataillons de ligne et une partie des régiments d'Apchérons, du Daghestan, de Chirvan et de Riasan. Je les ai tous trouvés en parfait état, de bonne santé, animés d'un excellent esprit. On est généralement très enchanté ici des grandes sections nouvellement établies pour la division des troupes et du pays *).

---

*) Спѣшу отдать отчетъ Вашему Величеству объ очень интересномъ путешествіи, совершенномъ мною по Волгѣ. Болѣе чѣмъ когда либо я удостовѣрился въ томъ, что этой рѣкѣ суждено быть настоящимъ путемъ сообщенія между Россіею и Кавказомъ. Къ несчастію это сообщеніе длится всего 6 мѣсяцевъ въ году; но въ теченіи этого времени можно всѣмъ снабдить большую часть края и, въ случаѣ надобности, перевести легко резервы. Безъ сомнѣнія, Волга находится въ довольно первобытномъ состояніи; но мнѣ кажется, что толки о трудности навигаціи преувеличены и что самыми простыми средствами можно бы учредить постоянное и вѣрное сообщеніе до самыхъ истоковъ рѣки, и что это требуетъ спеціальныхъ работъ, которыми ген. Чевкинъ уже занимается. Изъ разговоровъ съ экспертами во время пути, я заключилъ, что лучшее средство скоро достигнуть этой цѣли было-бы поручить дѣло навигаціи Морскому Министерству. Моряки лучше чѣмъ кто-либо могутъ обсудить, что́ нужно сдѣлать, чтобы обезпечить ее и сейчасъ-бы увидѣли, какія при этомъ представляются неудобства. Въ Волгѣ, раздѣленной на части, изъ которыхъ каждая была-бы ввѣрена морскому офицеру, скоро точно опредѣлили-бы бакапами (спасительными бочками) фарватеръ; всѣ мели и подводные камни были-бы обозначены тщательнымъ и постояннымъ наблюденіемъ и хорошо содержимыми маяками.

Вотъ, Ваше Величество, все что́ я могу вкратцѣ изложить изъ того, что̀ я слышалъ и наблюдалъ во время этого переѣзда. Пробывъ одинъ день въ Астрахани, я продолжалъ свое путешествіе на пароходѣ до Петровска, и 12 с. м. ступилъ на Кавказскую землю. Высадившись, я былъ встрѣченъ, между прочимъ, генералами кн. Орбеліани, Индреніусомъ, Евдокимовымъ и Николаи и отправился съ ними въ Темиръ-Ханъ-Шуру; тамъ

3-го Марта 1857 года, по поводу приведеннаго выше постановленія комитета, собиравшагося для обсужденія вопроса объ экспедиціи въ Закаспійскій край, князь Барятинскій писалъ Его Высочеству генералъ-адмиралу:

„Я имѣлъ счастіе получить вчера письмо Вашего Императорскаго Высочества, въ которомъ изволите, такъ одобрительно для меня, выражаться въ отношеніи предложенной мною экспедиціи на Усть-Уртъ и о сожалѣніи вашемъ, что не изволили участвовать въ засѣданіи, порѣшившемъ это дѣло.

„Возраженія коммиссіи, обсуждавшей этотъ предметъ, состоятъ: *во первыхъ*, въ невозможности купить или нанять къ предполагаемому сроку достаточнаго числа верблюдовъ; *во вторыхъ*, что къ этому слѣдовало испросить предварительнаго согласія графа Перовскаго; *въ третьихъ*, что въ нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ экспедиція эта не своевременна, и наконецъ, *въ четвертыхъ*, что нельзя допустить такую малочисленность отряда, не подвергая его явной опасности отъ непріятеля.

„Я полагаю, что къ опроверженію первыхъ двухъ замѣчаній не слѣдуетъ и искать объясненій. На восточномъ бе-

---

я обсуждалъ съ генер. Евдокимовымъ военныя дѣйствія, предполагаемыя въ эту зиму въ Чечнѣ. Я имѣю полное основаніе надѣяться, что со срествами, предоставленными мнѣ Вашимъ Величествомъ, и съ испытанными способностями генер. Евдокимова экспедиція сего года въ Чечню нанесетъ ей смертельный ударъ, такъ какъ, продолжая ее до 15-го Мая, я надѣюсь совершенно воспрепятствовать обработкѣ и посѣву полей. Пробывъ два дня въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, я отправился по пути, по которому Вы слѣдовали въ 1850 году, и твердо убѣдился въ томъ, что западный берегъ Каспійскаго моря всегда будетъ предназначенъ служить базисомъ для военныхъ операцій, цѣль которыхъ будетъ закрѣплять за нами наши Кавказскія владѣнія. Безъ сомнѣнія, Баку самый главный пунктъ для нашихъ Закавказскихъ владѣній, тогда какъ Петровскъ не менѣе важенъ для всей Кавказской линіи. Адмиралъ Васильевъ, ѣхавшій со мною, обсудитъ планъ для устройства этихъ двухъ портовъ, необходимыхъ, какъ выше сказано, для страны. По пути я успѣлъ осмотрѣть драгунъ принца Виртембергскаго (Нижегородцы), нѣсколько линейныхъ батальоновъ и части полковъ Апшеронскаго, Дагестанскаго, Ширванскаго и Рязанскаго. Я всѣхъ нашелъ въ отличномъ состояніи; духъ войска превосходный. Вообще, здѣсь очень восхищены новыми раздѣленіями войскъ и страны.

регу Каспійскаго моря, даже и по прибытіи отряда на мѣсто, тотчасъ можно будетъ купить или нанять верблюдовъ сколько понадобится; даже не трудно было бы перевести такое ничтожное количество изъ Астрахани или отъ западнаго берега Каспійскаго моря, гдѣ ихъ пасутся цѣлыя стада. Но какъ я эту экспедицію полагалъ снарядить для ученыхъ изысканій и совершенно независимо отъ графа Перовскаго, то не находилъ и надобности просить его согласія о наймѣ верблюдовъ.

„Что же касается до третьяго пункта, объ опасеніяхъ породить этою экспедиціею политичеекія неудобства, то я, именно въ предвидѣніи этого, просилъ придать ей характеръ собственно ученый, а потому и предлагалъ сдѣлать ее въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, чтобы этимъ освободить ее отъ всякой формы воинственнаго предпріятія.

„Ежели потеря этого года не приведетъ насъ къ позднему раскаянію, то я буду весьма счастливъ; но, къ сожалѣнію, Англичане времени не теряютъ, и я опасаюсь, что послѣдняя война не послужитъ намъ урокомъ и что мы опять будемъ застигнуты въ расплохъ тамъ, гдѣ для насъ всего будетъ не простительнѣе“ *).

„Скажу въ заключеніе, что ежели Усть-Уртъ, какъ говоритъ графъ Перовскій, такъ безплоденъ, что трудно найти мѣсто гдѣ бы можно было до сыта накормить даже одну лошадь, то для чего же графъ Перовскій предпринималъ походъ въ Хиву въ 1839 году чрезъ Усть-Уртъ, по которому надобно было пройти около 400 верстъ съ 10 тыс. верблюдами и 3 тыс. лошадей? Но если это возраженіе графа Перовскаго справедливо, то отъ кого же намъ опасаться нападеній; потому что непріятелю также надобно будетъ кормить своихъ лошадей и верблюдовъ?

„Къ этому письму смѣю просить позволенія Вашего Высочества приложить требуемую вами записку, съ мнѣніемъ

*) Въ этомъ смыслѣ писалъ князь и военному министру Сухозанету 4 Іюня 1857 года: „Я уступилъ большинству голосовъ комитета, по тѣмъ не менѣе остаюсь въ томъ убѣжденіи, что, отлагая дѣло на неопредѣленное время, мы не облегчаемъ себѣ успѣха въ будущемъ, и даемъ волю врагамъ нашимъ усиливать вліяніе и владычество свое въ Азіи“. Слова пророческія. А. З.

моимъ на возраженія графа Перовскаго, относительно подчиненія Ново-Петровскаго укрѣпленія Астраханскому губернатору".

Въ Петербургѣ возраженія послѣдовали на все, и присоединеніе Астраханской губерніи къ Кавказскому намѣстничеству тоже не состоялось. Даже одобреніе Государя и Великаго Князя ни къ чему не повело.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Письма статсъ-секретаря В. П. Буткова къ князю А. И. Барятинскому *)

1.

5 Августа 1856 г. изъ Москвы. „Письмо это вручитъ вашему сіятельству отправляемый по желанію вашему, къ вамъ, въ Петербургъ, переводчикъ Арцу. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, я поспѣшилъ осмотрѣть всѣ квартиры, нанятыя для помѣщенія Кавказскихъ депутатовъ. Не всѣ изъ нихъ размѣщены какъ прилично; а потому я вчера же разрѣшилъ нанять для нѣкоторыхъ изъ нихъ новыя, болѣе удобныя помѣщенія. Болѣе всего изъявляетъ претензій княгиня Дадьянъ: кажется, она думала, что ее примутъ за такую принцессу, для которой нуженъ и особый дворецъ, и особая ливрея, и даже особое мѣсто въ царскомъ въѣздѣ и шествіи. Впрочемъ ей все объяснено, и она, кажется, успокоивается.

Вы не повѣрите, какъ я вамъ благодаренъ за то, что вы приняли на себя представленіе депутатовъ и владѣтелей ко двору и всѣ хлопоты объ ихъ цермоніальныхъ обязанностяхъ. Мнѣ съ ними не совладать бы. Представьте себѣ, что ихъ всего пріѣхало съ 50 человѣкъ разныхъ званій и состояній; не упомнишь ихъ даже и названій. Вы почти всѣхъ ихъ лично знаете, и они всѣ васъ чрезвычайно любятъ. Поэтому вамъ, только вамъ однимъ и можно представлять ихъ Государю и всей царской фамиліи. Что́ бы было, еслибы вы не были назначены намѣстникомъ! Сѣдла, чепраки и всѣ принадлежности для въѣзда, когда депутаты будутъ верхомъ, уже найдены. Блескъ ихъ при этомъ будетъ чудесный; одежда и вооруженіе ихъ превосходны. Я увѣренъ, что глаза иностранцевъ разбѣгутся, когда они увидятъ эту чудесную когорту. Между тѣмъ, вашему сіятельству необходимо испросить разрѣшеніе Государя Императора по слѣдующимъ предметамъ:

1) Въ числѣ депутатовъ есть владѣтели: шамхалъ Тарковскій, ханъ Мехтулинскій (молодой человѣкъ въ мундирѣ поручика л. гв. казачьяго

*) Всѣ письма Буткова по-русски.

полка), правитель Кюринскаго ханства генералъ-маіоръ Юсуфъ-бекъ и племянникъ правителя Казикумыкскаго ханства корнетъ (тоже въ мундирѣ л.-гв. казачьяго полка) Галатъ-ханъ. Неужели они должны при въѣздѣ Государя въ Москву быть вмѣстѣ съ прочими депутатами спереди кортежа, и не приличнѣе ли будетъ, если они поѣдутъ верхомъ за Государемъ, вмѣстѣ съ его свитою?

2) Въ прежнее время всѣ вообще Азіатцы, имѣющіе военный чинъ, носили эполеты. Нынѣ предоставлено это право только тѣмъ изъ нихъ, кои считаются по кавалеріи и состоятъ въ кавалерійскихъ полкахъ. Прочіе эполетъ не имѣютъ вовсе; погоны для нихъ также еще не утверждены; они ходятъ такъ, съ одними погончиками. Эполеты для нихъ необходимы, чтобы можно было видѣть различіе въ чинахъ, имъ Царемъ пожалованныхъ. Они почти всѣ единогласно просили дозволить имъ, хотя во время коронаціи, употреблять по прежнему эполеты.

Знакомство мое съ депутатами убѣдило меня въ томъ, что вашему сіятельству необходимо имѣть здѣсь приличную квартиру. Ихъ всѣхъ здѣсь такъ много, они всѣ такъ важны и значительны, что вамъ принять ихъ у себя въ плохихъ комнатахъ генералъ-адъютанскаго дома, право, будетъ совѣстно. Моя квартира нѣсколько лучше вашей; но, я зная Азіятцевъ и ихъ взглядъ на вещи, рѣшительно стыжусь принять ихъ у себя. Право, не знаю, какъ приметъ ихъ графъ А. Θ. Орловъ въ его тѣсной квартирѣ; но онъ живетъ во дворцѣ: это значитъ многое; между тѣмъ какъ вы живете Богъ знаетъ въ какомъ переулкѣ и въ какомъ домѣ.

Если вы будете здѣсь 14, то надо будетъ 15 или 16 Августа вамъ сдѣлать смотръ всѣхъ депутатовъ верхомъ. Для этого можно будетъ собрать ихъ въ манежѣ экзерциргауза. Увѣдомьте меня благовременно, дабы я могъ распорядиться и истребовать лошадей и все, что нужно".

2.

Отъ 23 Октября 1856 г.. „Хотя я до сихъ поръ рѣшительно не имѣю никакого извѣстія о путешествіи вашего сіятельства, но зная, что вы думали быть въ Тифлисѣ 15-го Октября, и полагая, что, если вы нѣсколько и опоздали, то все-таки это письмо найдетъ васъ уже тамъ, я рѣшился писать къ вамъ.

Прежде всего позвольте мнѣ поблагодарить ваше сіятельство за все то дружеское расположеніе, которое вы мнѣ оказывали во время послѣдняго пребыванія вашего и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Вѣрьте, что я разстался съ вами съ грустью въ сердцѣ и никогда не забуду вашего ко мнѣ вниманія.

Какъ Русскаго, поздравляю васъ съ желѣзными дорогами. Дѣло это на сихъ дняхъ кончено въ Комитетѣ Министровъ, который для обсужденія его собирался въ присутствіи Государя. Чевкинъ велъ дѣло прекрасно. Построеніе дорогъ отдано компаніи Беринга и Гопе. Полагая, что вамъ будетъ любопытно знать нѣкоторыя подробности этого дѣла, посылаю вамъ,

собственно для васъ и по секрету, списокъ съ журнала Комитета Министровъ, удостоеннаго уже высочайшаго утвержденія.

Другихъ важныхъ новостей пока нѣтъ; по крайней мѣрѣ ихъ не слышно.

На дняхъ я получилъ двѣ выписки изъ журнала Комитета Министровъ по отчетамъ Кутаисскаго и Ставропольскаго губернаторовъ. На сихъ отчетахъ Государь сдѣлалъ собственноручныя резолюціи, которыя совершенно уничтожаютъ всѣ постановленія о правахъ и отношеніяхъ намѣстника Кавказскаго. Онъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ обратить вниманіе на нѣкоторые предметы управленія и даже потребовать отъ васъ разныя объясненія и свѣдѣнія. Вы не повѣрите, сколько удовольствія сдѣлали для Ланскаго и его окружающихъ эти резолюціи; потому что онѣ, происходя отъ самого Царя, показали желаніе Его Величества подчинить Кавказскія дѣла Министерству, хотя я по совѣсти убѣжденъ, что Государь это сдѣлалъ безъ всякаго умысла, при множествѣ работы. Тѣмъ не менѣе дѣло сдѣлано. Посылаю вамъ, собственно для вашего свѣдѣнія, эти выписки. Оффиціальныя по нимъ бумаги вы получите отъ Ланскаго и тогда только можете отвѣчать и возражать, какъ будетъ слѣдовать. Впередъ по отчетамъ губернаторовъ подобныхъ резолюцій нельзя будетъ и ждать, потому что отчеты сіи будутъ идти уже черезъ васъ.

Боюсь я только, чтобы эти резолюціи не были послѣдствіемъ разныхъ толковъ по случаю послѣднихъ высочайшихъ повелѣній о разныхъ поясненіяхъ въ правахъ намѣстника. Повелѣнія сіи возбудили уже нѣкоторую переписку. Напримѣръ, военный министръ спросилъ меня, относится ли исключеніе ст. 195 ст. Гражд. Свода до званія главнокомандующаго; конечно я отвѣчалъ, что объ этомъ не было и рѣчи. Государственный контролёръ спрашиваетъ меня: слѣдуетъ ли его департаментамъ сноситься съ подвѣдомственными вамъ мѣстами на Кавказѣ; я ему отвѣчалъ, что вопросъ этотъ можетъ быть только рѣшенъ вами, и потому я передамъ оный вашему сіятельству.

Между тѣмъ, отступленіе отъ правилъ о сношеніяхъ подчиненныхъ вамъ мѣстъ съ министерствами, только чрезъ намѣстника, имѣло непріятныя послѣдствія по одному дѣлу. Генералъ-губернаторъ графъ Строгоновъ хлопоталъ о запрещеніи, по случаю неурожая, вывоза хлѣба изъ южныхъ портовъ. Дѣло это въ прошедшій Вторникъ разсматривалось въ Комитетѣ Министровъ и конечно было отвергнуто; но при этомъ Брокъ сказалъ въ комитетѣ, что онъ получилъ донесеніе начальника Ейской таможни о такомъ запрещеніи, предписанномъ Филипсономъ. Военный министръ взялъ на себя доложить объ этомъ Госдарю, и вѣроятно вы получите отъ него по этому предмету не совсѣмъ пріятную бумагу; но при этомъ совѣтую вамъ обратить вниманіе на поступокъ начальника Ейской таможни, который не долженъ былъ доносить министру финансовъ *).

*) Вскорѣ за это было объявлено чрезъ Сенатъ высочайшее повелѣніе, воспрещавшее кому бы то ни было входить, помимо намѣстника Кавказскаго, въ сношенія съ подвѣдомственными ему мѣстами и лицами. А. З.

На дняхъ я получилъ отъ Нерсеса*) копію съ послѣдняго письма его къ Ланскому. Я говорилъ съ симъ послѣднимъ, и онъ обѣщалъ мнѣ оставить это письмо безъ послѣдствій, такъ какъ Государь сказалъ ему, что изслѣдованіе поступковъ Нерсеса онъ предоставилъ вашему сіятельству.

3.

Отъ 7-го Декабря 1856 года. Насъ удивляетъ ваша дѣятельность: въ короткое время вы успѣли такъ много тронуть дѣлъ, вамъ переданныхъ, что просто завалили насъ работою. Впрочемъ и мы не уступаемъ вамъ. Третьяго дня, 4-го Декабря, было у насъ засѣданіе Кавказскаго Комитета; мы рѣшили до 28 дѣлъ и рѣшили согласно вашимъ мнѣніямъ, не взирая на разные толки и разсужденія. Впрочемъ, всѣ дѣла большею частью были неважны; но въ числѣ ихъ кончены два важныя дѣла:

1) О вознагражденіи бековъ за поступившихъ въ казну безземельныхъ крестьянъ. Не взирая на многія рѣчи, Комитетъ утвердилъ вполнѣ ваше мнѣніе, чтобы бекамъ въ теченіе 25 лѣтъ давать въ видѣ вознагражденія по 5 рубл. сер. изъ казны за каждый дымъ отобранныхъ у нихъ безземельныхъ крестьянъ; и

2) О пенсіи дѣтямъ Грузинской царицы Маріи, царевичамъ Ильѣ, Окрониру, Ираклію и Михаилу. Записку по этому дѣлу ваше сіятельство представили въ Москвѣ Государю и выпросили тогда высочайшее повелѣніе вновь разсмотрѣть его въ Кавказскомъ Комитетѣ. Комитетъ, не смотря на упорство Брока, рѣшилъ: пенсію въ 10 тыс. рубл. сер., получаемую покойною царицею, производить четыремъ ея сыновьямъ и ихъ наслѣдникамъ потомственно, начавъ производство оной съ 1 Января 1857 года.

Журналъ Кавказскаго Комитета еще не составленъ, поэтому бумаги до сихъ двухъ дѣлъ относящіяся вы не получите ранѣе мѣсяца.

Кромѣ Комитета нѣкоторыя изъ поступившихъ отъ васъ бумагъ были представлены Государю, и онъ разрѣшилъ все. Высочайшее повелѣніе вслѣдъ за симъ будетъ къ вамъ прислано. Впрочемъ вы будете получать ихъ каждую недѣлю, такъ какъ доклады князя А. Ѳ. Орлова бываютъ всякую недѣлю.

Государь, утвердивъ проэкты грамотъ жителямъ Кавказскаго и Закавказскаго края за ихъ усердіе во время послѣдней войны, приказалъ, чтобы грамоты сіи были изготовлены такъ, какъ изготовлены грамоты данныя Новороссійскимъ губерніямъ. По этому случаю приступлено къ разрисовкѣ и хромолитографіи ихъ, а также къ изготовленію ящиковъ и т. п. Когда все это будетъ готово, на что́ потребуется не менѣе мѣсяца, тогда всѣ грамоты съ надлежащими оттисками отправимъ къ вашему сіятельству. Я отправлю съ ними отсюда двухъ чиновниковъ канцеляріи Кавказскаго Комитета: князя Волконскаго (сына бывшаго государственнаго преступника, брата Молчановой, родившагося и прежде служившаго въ Сибири) и кня-

*) Армянскаго патріарха или католикоса. А. З.

зя Эристова, сына Евстафія Эристова. По всей вѣроятности грамоты прибудутъ къ вамъ въ первыхъ числахъ Февраля. Въ Новороссійскомъ краѣ ихъ торжественно читали и клали на храненіе въ соборъ. Вамъ надо будетъ также озаботиться церемоніаломъ ихъ объявленія, взявъ свѣдѣніе о томъ, что́ дѣлалось въ Одессѣ, Херсонѣ и другихъ городахъ, и что́ вѣроятно извѣстно изъ „Одесскаго Вѣстника".

Меня чрезвычайно порадовалъ послѣдній полученный здѣсь № газеты „Кавказъ": въ немъ нѣтъ уже иностранныхъ извѣстій, и онъ уже весь посвященъ мѣстному интересу. Дай Богъ, чтобы всегда было такъ.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ обыкновенно поступало отъ главныхъ на Кавказѣ начальниковъ общее по краю представленіе о наградахъ. До сихъ поръ его еще нѣтъ; но ваше сіятельство вѣроятно его сдѣлаете. За что же бѣднымъ чиновникамъ-труженикамъ лишаться наградъ потому только, что край перемѣнилъ своихъ главныхъ начальниковъ?

Вашъ предшественникъ, Н. Н. Муравьевъ, теперь здѣсь; но принятъ довольно холодно, особенно публикою. Онъ уволенъ въ годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія, объяснивъ впрочемъ, что если военныя обстоятельства будутъ требовать, то онъ готовъ употребить свои силы и способности на пользу России и прежде этого срока. Дай Богъ, чтобы до этого не дошла бѣдная Россія.

Б. Письмо генералъ-адъютанта Коцебу.

Изъ Варшавы, отъ 26 Декабря 1856 года (переводъ съ Французскаго).

Газеты насъ извѣстили о вашемъ прибытіи въ Тифлисъ. До сего времени я воздерживался вамъ писать, не желая, чтобы мое письмо смѣшалось въ той массѣ посланій, которыя, по всей вѣроятности, сыпались къ вамъ со всѣхъ сторонъ, посланій, идущихъ отъ лицъ, которыя, не умѣя оцѣнить важность вашего назначенія, видятъ въ этомъ лишь блестящую сторону. Льщу себя убѣжденіемъ, что принадлежу къ маленькому числу понимающихъ всю важность вашего присутствія на Кавказѣ и знающихъ, какъ вы смотрите на эту обширную страну въ военномъ и административномъ отношеніи, страну, могущую полагать свои надежды на крѣпкихъ основахъ вашего характера и вашихъ принциповъ.

Три мѣсяца тому назадъ я писалъ моему брату *), что я считаю ваше назначеніе самымъ счастливымъ для страны, такъ какъ вы не только хотите, но и можете, лучше чѣмъ кто-либо другой, принести ей благо. Эти мысли не результатъ того ореола, который васъ окружаетъ, но слѣдствіе глубокаго чувства, необъяснимаго банальными фразами. Помните ли вы мои слова, когда, отправляясь съ вами на Бѣлый Ключъ осматривать гренадеровъ, я предсказывалъ вамъ ваше будущее?

---

*) Братъ генерала Коцебу, Өедоръ Евстафьевичъ, былъ членомъ совѣта намѣстника Кавказскаго.

Съ глубокимъ интересомъ я читалъ описаніе вашего тріумфальнаго въѣзда въ Тифлисъ. Страна и войско встрѣтили васъ съ радостными криками; да это и не могло быть иначе. Какъ для первой, такъ и для втораго, въ особенности же для первой, вы представитель прогресса. Каждый надѣется увидать начало новой эры счастія общественнаго и личнаго; это дѣлаетъ ваше положеніе наиболѣе тяжелымъ, и я думаю, что вы не обманываетесь на этотъ счетъ; но вы человѣкъ способный понести такое бремя и, съ Божьею помощью и съ поддержкою нашего Монарха, вы кончите тѣмъ, что выполните вашу тяжелую задачу. Теперь я буду слѣдить съ двойнымъ интересомъ за дѣлами Кавказа. Говорятъ, что вы имѣете въ виду большія реформы, начало которыхъ выразилось въ новомъ распредѣленіи начальства. Я нахожу это совершенно согласнымъ съ положеніемъ вещей, но не понимаю, какимъ образомъ вы устроитесь съ гражданскимъ управленіемъ на Кавказской линіи. Что касается до выбора начальниковъ, вы взяли все, что было лучшаго и согласно съ обстоятельствами.

Сообщена ли вамъ моя замѣтка, одобренная военнымъ министромъ княземъ Долгоруковымъ, объ употребленіи на Кавказѣ 13-й и 18-й дивизій? Я прибавилъ тамъ нѣсколько мыслей относительно административныхъ и миролюбивыхъ мѣръ, которыя могли бы сгладить дорогу къ умиротворенію

Извѣстія объ Европейской политикѣ прибудутъ къ вамъ навѣрное скорѣе, чѣмъ это письмо, обреченное идти по скверным почтовымъ дорогамъ. Изъ предметовъ—наиболѣе выдающихся для насъ—это закрытіе конференцій въ Парижѣ. Я еще не знаю ихъ постановленій, но знаю, что срокъ очищенія Чернаго моря и княжествъ былъ назначенъ къ 18 (30) Марта. Былъ найденъ предлогъ продолжить это занятіе, и когда окончится этотъ новый срокъ, найдутся другія отговорки. Рѣшительно Англичане хотятъ остаться навсегда въ Черномъ морѣ! Будущее покрыто мракомъ...

В. Письма А. В. Головнина *).

1.

Дрезденъ, 2 (14) Октября 1856 г.

Я только что узналъ о вашемъ выборѣ, павшемъ на одного изъ моихъ друзей, котораго я люблю и особенно уважаю, Дм. Ал. Милютина, назначеннаго начальникомъ вашего главнаго штаба. Поздравляю васъ съ этимъ ото всего сердца; я убѣжденъ, что уже однимъ этимъ выборомъ вы оказали большую услугу Кавказу. Милютинъ имѣетъ большія способности, по истинѣ большой умъ, разнообразныя и глубокія познанія, соединенныя съ благодарствомъ характера и теплымъ сердцемъ. Вѣсть объ его назначеніи меня застала въ Дрезденѣ по моемъ прибытіи изъ Парижа, гдѣ я болѣе мѣсяца очень пріятно провелъ время и гдѣ старался изучить обстоятельства. Слухи на счетъ болѣзни Наполеона преувеличены; но его докторъ

*) Переведены съ Французскаго.

Конно (Conneau) говорилъ Якову Толстому, что на самомъ дѣлѣ его здоровье страдаетъ отъ излишествъ... отъ возбудительныхъ средствъ, имъ употребляемыхъ, въ особенности отъ вина; но что у него какъ будто уже были минуты помѣшательства, это невѣрно. Русскіе, живущіе во Франціи и женатые на Француженкахъ, меня увѣряли, что недовольство народа, вслѣдствіе дороговизны и въ особенности квартиръ въ Парижѣ, чрезвычайно и что къ зимѣ нужно ожидать народнаго движенія, большихъ безпорядковъ, но что войска будутъ послушны Императору, и волненія будутъ подавлены. Въ войскѣ царствуетъ большое недоброжелательство арміи къ гвардіи, которая становится очень многочисленною. Приближенные Наполеона получаютъ громадное содержаніе и обкрадываютъ его самымъ неосторожнымъ образомъ; напримѣръ, въ спискахъ его конюшенъ числится двойное количество лошадей противъ того, сколько ихъ тамъ находится въ дѣйствительности. Онъ это знаетъ и позволяетъ дѣлать, такъ какъ взамѣнъ сего эти воры ему политически преданы, зная, что ихъ благосостояніе зависитъ отъ продолженія его царствованія; они бодрствуютъ надъ нимъ, содержатъ спеціальную полицію и извѣщаютъ его обо всемъ, что можетъ случиться неблагопріятнаго для его могущества. Бенкендорфъ мнѣ разсказалъ въ Парижѣ подробности аудіенціи, которую онъ имѣлъ въ Сенъ-Клу. Чтобы дать вамъ понятіе о приближенныхъ Наполеона, надо вамъ разсказать, что въ то время, когда Бенкендорфъ и Бруновъ съ папскимъ нунціемъ и многими генералами находились въ пріемной, входитъ какой-то господинъ чрезмѣрно толстый, одѣтъ какъ буржуа, съ тростью въ рукѣ и, проводя рукою по подбородку, говоритъ хриплымъ голосомъ: „а я сегодня и не выбритъ; ну тѣмъ хуже для Императора“. Оказалось, что эта милая личность былъ принцъ Мюратъ. Аудіенція во всѣхъ отношеніяхъ была приличная. Наполеонъ принялъ нашихъ дипломатовъ въ полной формѣ и въ Андреевской лентѣ, самъ подвинулъ имъ стулья, выразилъ свою благодарность за радушный пріемъ, который былъ оказанъ Французскимъ генераламъ, находившимся во время коронаціи въ Москвѣ, благодарилъ Государя Императора за то, что онъ призналъ правительство Испаніи, много говорилъ объ этой странѣ и шутилъ съ Бруновымъ, напоминая ему, какъ онъ собирался его посѣтить въ Лондонѣ. Аудіенція продолжалась съ полъ часа. Бенкендорфъ увѣряетъ, что Наполеонъ имѣетъ здоровый видъ, хотя блѣдный, худой и съ тусклыми глазами. Вотъ довольно длинное письмо, чтобы его закончить. Смѣю обратить ваше вниманіе на одну книгу, которую я теперь читаю: „Закавказье“ барона Гакстгаузена, Берлинъ 1856 г. Англійскій переводъ этого замѣчательнаго труда уже появился въ Лондонѣ.

2.

Петербургъ, 3 Декабря 1856 г.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, получивъ ваше письмо изъ Шемахи отъ 24 Октября, поспѣшилъ прочесть его Государю, и Его Величество совершенно одобрилъ ваши мысли: 1) относительно пользы пере-

дачи навигаціи по Волгѣ подъ наблюденіе морскихъ офицеровъ въ отношеніи къ вѣхамъ и штурманамъ, 2) относительно выгоды передать Ново-Петровскъ въ вѣдѣніе адмирала Васильева 3) относительно проэкта присоединенія къ вашему управленію Астраханской губерніи и 4-е) проэкта устройства порта не только въ Баку, но также и въ Петровскѣ.

Одобреніе Государя было предварительнымъ. Великій Князь немедленно же написалъ генералу Чевкину и графу Перовскому, прося сообщить ему ихъ взгляды на счетъ № 1 и 2. Его Высочество переговорилъ словесно съ Чевкинымъ и нашелъ его очень желающимъ осуществленія вашего проэкта относительно Волжской навигаціи. Его Высочество ожидаетъ оффиціальныхъ отвѣтовъ. Что касается до 3 и 4 пунктовъ, Великій Князь ожидаетъ отъ васъ офиціальнаго представленія. Относительно всего этого дѣла я приготовилъ для васъ письмо Великаго Князя. Что касается до сущности, Его Высочество его одобрилъ; но онъ желаетъ вмѣсто оффиціальнаго сообщенія послать вамъ собственноручное письмо, какъ другъ, но не какъ министръ. Такъ какъ это посланіе заставляетъ себя ждать уже двѣ недѣли, то я спѣшу теперь сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія относительно всего этого дѣла. 25 Дек. или 1 Янв. Великій Князь уѣзжаетъ за границу. Онъ пробудетъ три недѣли въ Ганноверѣ съ Великою Княгинею, посѣтитъ союзные дворы Веймара, Альтенбурга, Бадена, Дармштадта и Штутгарта и чрезъ Шамбери и Монсенисъ отправится въ Ниццу.—Е. В. предполагаетъ пробыть тамъ до 18 Февр. и 19-го идти моремъ въ Тулонъ. Остатокъ Февраля и Марта онъ проведетъ во Франціи; въ Апрѣлѣ Е. В. возвращается въ Россію, чтобы въ Маѣ уѣхать въ Николаевъ и на Кавказъ. Сопровождая Великаго Князя во всемъ этомъ путешествіи, я надѣюсь имѣть честь представиться князю, намѣстнику царскому, въ его княжествѣ.

Г. Письма военнаго министра генералъ-адъютанта Н. О. Сухозанета къ князю А. И. Барятинскому.

1.

При разсмотрѣніи въ Аудиторскомъ Департаментѣ извлеченій по военно-суднымъ дѣламъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, представляемыхъ о лицахъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, на высочайшее усмотрѣніе, неоднократно замѣчаемы были значительныя упущенія, которыя въ послѣднее время въ особенности обнаружились, какъ въ образѣ составленія тѣхъ извлеченій, такъ и въ самомъ примѣненіи военно-уголовныхъ законовъ, при постановленіи приговоровъ. Такимъ образомъ неоднократно было замѣчено, что извлеченія по дѣламъ съ одной стороны содержали въ себѣ совершенно-излишнія подробности, а съ другой—не заключали самыхъ необходимыхъ для полноты дѣла свѣдѣній; переписывались же и составлялись съ такою небрежностью, что не могли быть въ этомъ видѣ представляемы на высочайшее усмотрѣніе. О несогласныхъ съ законами приговорахъ прилагается особая при семъ выписка.

Имѣя въ виду, что подобнаго рода упущенія замѣчены въ дѣлахъ, вносимыхъ на высочайшее утвержденіе, съ достовѣрностію можно заключить, что по дѣламъ, окончательно рѣшаемымъ въ Полевомъ Аудиторіатѣ, должны обнаруживаться болѣе значительныя неисправности,

Приписывая это обстоятельство исключительно личному составу производителей дѣлъ Полеваго Аудиторіата, и въ особенности полевому генералъ-аудитору, на отвѣтственности котораго должны оставаться какъ правильность, такъ и порядокъ производства дѣлъ, я съ своей стороны полагаю, что занимающій нынѣ эту должность коллежскій совѣтникъ Невскій (изъ писарей военнаго вѣдомства) по всей вѣроятности не соотвѣтствуетъ по образованію и образу мыслей современнымъ требованіямъ правительства о замѣщеніи, по возможности, высшихъ должностей по военно-судной части людьми получившими юридическое образованіе.

Сообщая о семъ на усмотрѣніе вашего сіятельства, считаю долгомъ присовокупить, что ежели вы, милостивый государь, признаете съ своей стороны нужнымъ, въ личномъ составѣ аудиторскихъ чиновъ ввѣреннаго вамъ управленія, сдѣлать какое-либо измѣненіе, то я съ своей стороны постараюсь оказать по сему предмету зависящее отъ меня содѣйствіе.

16 Ноября 1856 г.

2.

Обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою принять строгія мѣры, чтобы существовавшій понынѣ, при пріемѣ въ Астрахани, заготовленный по распоряженію Провіантскаго Департамента, провіантъ не былъ задерживаемъ на неопредѣлительное время у подрядчиковъ, доставившихъ оный изъ Приволжскихъ губерній. При произведенномъ нынѣ заготовленіи для Лѣваго фланга, жалобы по сему были чрезмѣрны, и охотниковъ принять на себя туда поставку, единственно по этой причинѣ, не иначе можно было склонить, какъ съ прибавкою цѣны и съ даннымъ вѣрнымъ обѣщаніемъ, что подобныхъ прежнимъ притязаній не можетъ случиться. Главное состоитъ, что, ко времени прибытія въ Астрахани судовъ, не сгружаютъ ихъ мѣсяцъ и даже два будто бы по неприбытію судовъ для поднятія оныхъ по Каспію. Между тѣмъ судоходчики, упуская время судоходства, несутъ значительные убытки и отвѣтствуютъ, сверхъ того, за неминуемую усушку хлѣба въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Другая просьба: всѣ подрядчики, имѣющіе дѣла съ Кавказомъ, требуютъ значительную часть уплаты въ звонкой монетѣ; прошу конфиденціально меня увѣдомить, въ какой степени дѣйствительна правда, что въ вашемъ краѣ туземцы не принимаютъ депозитокъ безъ значительныхъ процентовъ: нужно бы это уладить.

Вы поручили мнѣ всегда откровенно вамъ о всемъ говорить, а потому я обращаюсь съ упомянутыми просьбами и прибавлю, что изъ получаемыхъ извѣстій о происшествіяхъ на Кавказѣ, замѣчаются весьма частые, хотя

ничтожные случаи, но доказывающіе хищническую смѣлость горцевъ и едва ли достаточную осторожность въ нашихъ передовыхъ и охранныхъ постахъ.

Бога ради поспѣшите смѣтою на предстоящій 1857 годъ для вашихъ войскъ. Приказъ о Севастопольскомъ и Ставропольскомъ полку замѣните другимъ и сообщите мнѣ причину оставленія Кабарды въ отдѣльномъ завѣдываніи.

У насъ, благодаря Бога, все благополучно. Адмиралъ *) 25-го числа ѣдетъ за границу на 4 мѣсяца и воротиться обѣщаетъ только въ Апрѣлѣ; а въ теченіи лѣта, вѣроятно, какъ вамъ должно быть извѣстно, онъ надѣется съ вами видѣться.

13 (25) Декабря 1856 г. Спб.

3.

До свѣдѣнія дошло, что торгующіе на базарѣ въ Тифлисѣ Армяне дѣлали затрудненіе въ размѣнѣ денегъ нижнимъ чинамъ, покупающимъ у нихъ припасы и тѣмъ подали поводъ къ нѣкоторымъ безпорядкамъ, которые были произведены сими чинами, и что ваше сіятельство изволили уплатить за понесенные торговцами отъ сихъ безпорядковъ убытки около 3 т. рубл. сер. Въ Воскресеніе 25-го минувшаго Ноября, нижніе чины бросились вновь съ крикомъ ура! на припасы, выставленные на базарѣ для продажи, за что уже и были наказаны на мѣстѣ самаго происшествія.

Его Величество изволилъ поручить мнѣ просить ваше сіятельство объ увѣдомленіи: дѣйствительно ли были подобныя происшествія, и въ такомъ случаѣ какія приняты были мѣры, чтобы впредь сего не повторялось, а также какое сдѣлано было взысканіе за безпорядокъ, произведенный 25-го минувшаго Ноября.

10-го Января 1857 г.

4.

Отправляемый фельдъегерь-капитанъ Ѳедотовъ былъ задержанъ для доставленія вамъ, вмѣстѣ съ прочими бумагами, весьма важной экспедиціи министра иностранныхъ дѣлъ. По просьбѣ князя Горчакова, согласно высочайшей волѣ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство, избравъ по вашему усмотрѣнію нарочнаго, отправить безъ малѣйшаго отлагательства сіи важныя бумаги въ Тегеранъ. Поспѣшное доставленіе ихъ, прежде прибытія въ Тегеранъ трактата Персіи о мирѣ съ Англіею, есть дѣло первостепенной важности.

Князь Горчаковъ отправляетъ вамъ всѣ свѣдѣнія, полученныя отъ нашего посланника въ Константинополѣ Бутенева, изъ которыхъ вы усмотрите, что предвареніе нашего военнаго агента шт.-кап. Франкини о приготовляемой наглымъ образомъ экспедиціи къ восточному берегу Чернаго моря вполнѣ оправдалось. Все сіе комплотировалось подъ покровительствомъ главныхъ лицъ министерства.

*) Т. е. Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

„*Kengourou*“, Англійскій пароходъ, уже туда отправился; другія менѣе важныя суда тоже снаряжались. Пока личнаго состава отправилось нѣсколько сумазбродовъ; но безъ сомнѣнія многія значительныя, матеріальныя средства, оружіе, порохъ, свинецъ и пр., уже посланы. Бутеневъ, видя безплодность и уклончивые отвѣты визиря и министровъ, военнаго и морскаго, вынужденъ былъ обратиться къ самому султану, какъ ваше сіятельство усмотрите изъ телеграфической его депеши. Слабый Махмутъ обѣщалъ многое; что̀ исполнитъ неизвѣстно; но Woodhouse здѣсь сильно этимъ встревоженъ. Князь Горчаковъ получаетъ чрезъ него самыя положительныя удостовѣренія о дезапробаціи подобныхъ дѣйствій Англійскимъ правительствомъ, и потому разрыва въ нынѣшнемъ году мы не можемъ опасаться.

Принятыя вами предосторожности у генерала Филипсона безъ сомнѣнія будутъ имѣть свои благодѣтельныя послѣдствія.

Ваши мысли, изложенныя въ письмѣ къ Его Величеству и ко мнѣ, относительно Востока, вполнѣ и здѣсь раздѣляемы; но исполненіе оныхъ нынѣ, по случаю мира съ Персіею, должно быть отложено. Къ этому эпизоду приготовляться намъ всѣми силами неизбѣжно; все сіе имѣется въ виду, кромѣ предположенной вами желѣзной дороги къ сѣверной части Аральскаго моря. Важно, конечно, имѣть вѣрное и быстрое сообщеніе между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; но едва ли, по безплодности Усть-Юрта, можетъ быть вполнѣ сіе обезпечено. Быть можетъ въ скоромъ времени будетъ возможно осуществить ваши мысли южнѣе Усть-Юрта, въ южную часть Аральскаго моря.

Предположенія вашего сіятельства отсрочить, въ видахъ разрыва съ Англіею, постройку двухъ укрѣпленій и учрежденія станицъ получены вчера съ фельдъегеремъ; отвѣты на оныя вслѣдъ за симъ отправлены будутъ къ вамъ съ капитаномъ 2-го ранга, Стеценковымъ, нарочно здѣсь задержаннымъ дня на три.

Его Величество вчера вечеромъ уѣхалъ на охоту въ Лугу и потому не могъ написать отвѣта на ваше письмо съ отправляемымъ нынѣ курьеромъ.

Увѣдомьте меня поскорѣе: что̀ предпочтительно вы желаете для Ширвашидзе? Отъѣздъ его съ Кавказа въ Петербургъ Его Величество вполнѣ одобряетъ.

Вашъ отзывъ за № 14, равно и ваше конфиденціальное письмо, повергнуты на благоусмотрѣніе Государя Императора; все заключающее въ оныхъ постараюсь исполнить, по мѣрѣ возможности, и съ Стеценковымъ дамъ вамъ по оному подробный отвѣтъ. Усиленіе запаса въ Астрахани, въ удовлетвореніе отчасти видовъ Васильева, по числу помѣщеній у него имѣющихся, я предписалъ еще усилить 20-ми т. четв.. дабы имѣть всего зимняго запаса 80 т. четвертей.

Представленія вашего сіятельства, даже самыя тяжкія, т. е. удовлетвореніе деньгами, по мѣрѣ возможности исполняются. Его Величество на кормовыя деньги женамъ и дѣтямъ согласился только на сей единственный разъ, въ видѣ особаго изъятія, опасаясь подобнаго примѣра, могущаго дать

такое же право и другимъ отдаленнымъ частямъ войскъ; а это повлекло бы въ большія издержки. Вообще, сколь ни тяжко отказывать необходимаго пособія заслуженнымъ воинамъ, столько же необходимо оказывать правительству услугу, ограничивая его по мѣрѣ возможности въ невыносимыхъ расходахъ.

Графъ Строгоновъ отправляетъ вамъ провіантъ, но по огромной цѣнѣ; это вамъ будетъ стоить по меньшей мѣрѣ 25 т. лишняго расхода.

Ваши бумаги отъ 5-го, 8-го и 9-го ч. Февраля, относительно заготовленія провіанта, сію минуту только получены съ почты. Все будетъ сдѣлано, согласно вашему требованію, и пока вы освободите Подполье отъ огромнаго тамошняго запаса, дополнительное количество, возложенное на Руссова, вò время доставлено будетъ туда.

Если ваше сіятельство, сверхъ всякаго ожиданія, затруднитесь послать кого изъ вашихъ въ Тегеранъ, то въ такомъ случаѣ капитанъ Ѳедотовъ, какъ одинъ изъ самыхъ отличныхъ фельдъегерей, въ необходимости можетъ быть на это употребленъ.

Пунктомъ 6-мъ трактата мира Англіи съ Персіею на счетъ консуловъ сказано глухо: le droit égal aux nations les plus favorisées. Чтобы не допустить Персію на согласіе имѣть консуловъ въ Астрабадѣ, мы отказались отъ нашего исключительнаго права имѣть оныхъ вездѣ, гдѣ пожелаемъ; успѣемъ ли симъ оградить себя отъ такого опаснаго сосѣдства, рѣшатъ посылаемыя теперь бумаги въ Тегеранъ.

27 Февраля 1857 г. Спб.

5.

Давно доходили до меня вѣсти, что всякое дѣло, которое военный министръ по убѣжденію и совѣсти почитаетъ себя въ обязанности подвергнуть разсмотрѣнію и обсужденію, принимается вашимъ сіятельствомъ въ видѣ недоброжелательности или оппозиціи. Признавая это неизбѣжнымъ слѣдствіемъ положенія лица, отвѣтствующаго предъ всѣми и каждымъ за все сдѣланное и несдѣланное, я принималъ это съ терпѣніемъ, въ убѣжденіи, что вы, по благородству характера, не можете, подозрѣвать меня въ поступкахъ намъ одинаково несвойственныхъ. Я вамъ далъ слово (и никогда не измѣню оному) содѣйствовать успѣху дѣла; надѣюсь, что, вы меня довольно знаете, чтобы не допускать мысли о противномъ.

Припомню обстоятельства:

1. Убѣжденіе мое о вѣковой преждевременности желѣзной дороги отъ Каспійскаго къ Аральскому морю.

2. О крайней опасности для Россіи предпринимать теперь что-либо въ Центральной Азіи, не устроивши, послѣ раззорительной войны, финансовъ, арміи, запасовъ, а болѣе всего союзниковъ; дѣйствуя въ молчаніи, съ одинаковымъ съ вами убѣжденіемъ, имѣть къ тому готовыя средства, но только не теперь, не возбуждая даже явными приготовленіями вниманія нашихъ враговъ, чтобы не дать имъ повода раздувать ненависть противъ Россіи и

заставлять націю жертвовать огромными денежными средствами для противодѣйствія нашимъ тайнымъ помышленіямъ.

3. Отмѣну вашего предположенія, не занимая Новороссійска, форта Раевскаго и укрѣпленія Гостогаевскаго, учредить на р. Адагумѣ штабъ Крымскаго полка. Испрашивая высочайшаго на сіе утвержденія, я не только почиталъ себя въ правѣ, но и въ обязанности доложить Его Величеству опасеніе мое по этому предмету, однако какъ и всегда, единственно съ тою цѣлью, чтобы обратить ваше вниманіе на мои мысли, съ предоставленіемъ дѣйствовать по ближайшему вашему усмотрѣнію.

4. Касательно временнаго учрежденія порта въ Поти, видя, что вы уже ассигновали 80 т. р. с. и предполагаете даже за недостаткомъ суммъ заимствовать на счетъ смѣты будущаго года, я, стѣсняемый до крайности въ удовлетвореніи самыхъ неизбѣжныхъ потребностей, не могъ по совѣсти не сдѣлать возраженія противъ осуществленія, если не невозможнаго, то конечно несвоевременнаго предположенія. Думаю, что всѣ средства, которыми мы можемъ располагать для прибрежныхъ мѣстъ Кавказа, должны быть обращены къ Каспію и что, пока мы не владѣемъ Чернымъ моремъ, всѣ значительныя сооруженія на восточномъ берегу онаго будутъ не только безполезною тратою денегъ, но и сдѣлаются добычею могущественной морской державы.

5. Перевозку провіанта изъ Новопетровска сухимъ путемъ въ Кутаисъ и Ахалцыхъ, увеличивающую на всей стоимости 223-хъ т. р. с. до 154 т. р. с. расходы, я приписалъ вашему опасенію разрыва съ Англіею, хотя это было явнымъ упущеніемъ Интендантства.

6. Просьбу мою содѣйствовать къ возстановленію порядка въ Астраханскомъ провіантскомъ комитетѣ вы приняли тоже въ видѣ упрека, указавъ, что вѣсти дошедшія до меня не существуютъ, и что вице-адмиралъ Васильевъ до сего допустить не можетъ; а потому испрашиваемое мною конфиденціально отъ вашего сіятельства содѣйствіе ограничилось порученіемъ вице-адмиралу Васильеву, который возложилъ сіе на члена того же комитета.

7. Изрѣдка случающіяся неудовлетворенія вашихъ представленій о наградахъ, и въ особенности о денежныхъ пособіяхъ, въ которыхъ ваше сіятельство чрезвычайно щедры, дѣлаются согласно принятымъ правиламъ, которыя Его Величество нарушать не дозволяетъ. Напротивъ того, назначенія къ командованію частями, хотя мимо сотни кандидатовъ, по мѣрѣ возможности всегда стараюсь удовлетворить, въ убѣжденіи пользы таковаго, сообразно съ мѣстными соображеніями, выбора. На томъ же основаніи я просилъ васъ доставить исключительное засвидѣтельствованіе о заслугахъ провіантскихъ чиновниковъ, которые нынѣ высочайше удостоены испрашиваемыхъ вами наградъ.

8. Переводы офицеровъ, до чина поручика включительно, дѣлаются согласно правилъ въ выпискѣ препровождаемыхъ и вашему сіятельству долженствующихъ быть извѣстными; на этомъ основаніи Кавказскаго сапер-

наго № 2 баталіона поручикъ Сведерусъ, приказомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-инспектора по инженерной части отъ 17 Ноября 1856 г. № 101 (при семъ прилагаемымъ) прикомандированъ къ учебному саперному баталіону.

Изъ всего вышеизложеннаго ваше сіятельство можете удостовѣриться, что, исполняя мою обязанность, я не могу слѣдовать вашему желанію и безусловно всегда раздѣлять ваше мнѣніе. Давно хотѣлъ, въ видахъ общей пользы, откровенно съ вами по сему объясниться; но ваши выраженія, въ письмѣ отъ 15 Декабря 1856 г., въ отвѣтъ на мое конфиденціальное письмо о достоинствѣ генералъ-аудитора Невскаго, показали мнѣ, что вы приняли это за вмѣшательство въ предоставленную вамъ однимъ власть, и потому я почелъ за лучшее не затруднять васъ этимъ. Нынѣ, вызванный вашимъ письмомъ отъ 19 Апрѣля, почитаю уже необходимостью, съ полною характеризующею насъ откровенностью, сказать вамъ, что не я нарушаю права вамъ данныя, а вы предполагаете подчинить дѣйствія военнаго министра согласно вашимъ требованіямъ, и хотя признаю пользу и необходимость неограниченной власти во ввѣренномъ вамъ отдаленномъ управленіи, никакъ не могу согласиться, чтобы она могла простираться на распоряженія лицъ облеченныхъ здѣсь довѣріемъ Его Величества.

Повѣрьте, что я священнѣйшимъ почитаю долгомъ, исполняя мои обязанности, не только не мѣшать, но всѣми мѣрами стараюсь облегчить каждому исполненіе на немъ лежащихъ. И если бы не намѣренно случилось сдѣлать въ этомъ ошибку, подобно высочайшаго прощенія ген.-лейт. Ермоловой ея долга (какъ вы усмотрите изъ особо прилагаемой записки), то достанетъ во мнѣ смѣлости гражданства сознаться въ оной, не считая моего мнѣнія неизмѣннымъ и не будучи рабомъ ни моего самолюбія, ни личныхъ или пристрастныхъ соображеній.

Надѣюсь, что послѣ сего объясненія, ясно и положительно выразившаго мое мнѣніе, какъ относительно сохраненія права исполненія долга моего къ Государю, Россіи и лежащей на мнѣ отвѣтственности, такъ и въ искреннемъ, усердномъ содѣйствіи моемъ ко всему полезному,—ваше сіятельство узнаете во мнѣ человѣка, вамъ подобнаго, равно съ вами преданнаго Царю и Отечеству, равно съ вами неспособнаго ни на какія несоотвѣтствующія дѣйствія. Но при этомъ смѣло вамъ высказываю, что мнѣ теперь ближе, нежели вамъ, извѣстно положеніе нашихъ финансовъ.

Если это письмо убѣдитъ васъ, что я, ни въ преданности, ни въ уваженіи къ вамъ не перемѣнился, то ради любви къ Царю и Россіи примемъ вмѣстѣ одну и единственную для нашего устройства систему:

1. Елико возможно бережливости, допуская расходы только крайне-необходимые.

2. Терпѣніе, приготовляя и обдумывая исподволь способы къ будущей вѣроятно вамъ предстоящей роли; но для сего нужно время, не только для того, чтобы мы устроились, но и для того, чтобы на Западѣ поразстроились, и

3. Снисходительно принимая взаимныя, другъ отъ друга, конфиденціальныя сообщенія.

Если же и за симъ ваше сіятельство будете приписывать моимъ дѣйствіямъ систему оппозиціи ко всему, что̀ бы вы ни предприняли, то предоставляю вамъ представить на благоусмотрѣніе Государя указаніе границъ власти намъ имъ данной и всѣхъ причинъ вашего неудовольствія. Надѣюсь, что Его Величество, зная мои отношенія къ намѣстнику Кавказа, найдетъ возможнымъ вполнѣ успокоить ваши противъ меня подозрѣнія.

Затѣмъ, предоставляя выбору вашему форму и степень откровенности и взаимной довѣренности въ сношеніяхъ нашихъ, прошу быть увѣреннымъ въ истинномъ моемъ къ вамъ уваженіи и желаніи елико возможнаго успѣха во всѣхъ для пользы Государя и Россіи вашихъпредпріятіяхъ, и остаюсь душевно преданнымъ вамъ.

15 Мая 1857 года,
С.-Петербургъ.

6.

Отъ 29 Іюня 1857 года.

Принимая письмо ваше, отъ 4 ч., за искреннее выраженіе вашего мнѣнія обо мнѣ, я благодарю васъ за оное и могу увѣрить, что вы во мнѣ не ошибаетесь.

Радуюсь первоначальному успѣху на Адагумѣ, выбору кратчайшаго и безопаснаго отъ нападеній пути, но желаю прочнаго онаго устройства, для удобнаго во всякое время движенія.

На счетъ Поти я признавалъ увлеченіемъ замѣнить онымъ Сухумъ и Редутъ-Кале, ибо сверхъ отпущенныхъ 80 т. рублей вами предполагалось назначить суммы еще бо̀льшія въ счетъ смѣты будущаго года.

Конечно теченіе Ріона и географическое положеніе Поти весьма заманчиво, но если къ достиженію цѣли нужны большіе расходы, то остаюсь въ убѣжденіи, что будутъ несвоевременны.

Касательно Астраханскаго комитета повторяю, что я хочу не контролировать в. а. Васильева, а устранить вмѣшательство нѣкоторыхъ лицъ, препятствующихъ успѣху дѣла. Имѣя ваше согласіе, я пошлю туда довѣренное лицо, чтобы удостовѣрится, какимъ образомъ намъ нужно обезпечить доставку и сдачу хлѣба въ Астрахани. Между тѣмъ, съ прибытіемъ оттуда полковника Тизенгаузена (исполнившаго отлично порученіе съемки устья Волги и розысканія средствъ къ улучшенію фарватера оной), убѣждаюсь, что предположенное мѣсто для возведенія магазиновъ рѣшительно ошибочно, и потому необходимо оное пріостановить. Какой бы ни былъ результатъ устройства пароходства по р. Курѣ, магазины должны быть тамъ, куда суда подходить могутъ.

Я весьма далекъ отъ мысли подчинять министру не только главнокомандующихъ, но всякой день стараюсь расширить дѣйствія каждаго изъ отдѣльныхъ начальниковъ, въ особенности же отдаленныхъ, чувствуя всю необходимость сосредоточенія власти въ каждомъ отдѣльномъ управленіи. Въ

министрѣ предполагаю только соглашеніе и уравновѣшеніе разностороннихъ желаній съ тѣмъ, чтобы удовлетвореніе оныхъ не вовлекало насъ въ неизчисленные расходы и совершенную неопредѣлительность правилъ.

Не только касательно переводовъ, назначеній и испрашиваемыхъ наградъ я раздѣляю ваше мнѣніе, но полагаю вообще, что всякое представленіе начальника должно быть уважено: этого требуютъ его достоинство и вліяніе на подчиненныхъ. Однако для сего необходимо, дабы и они согласовали свои представленія съ способами правительства и устраняли желаніе дать своимъ войскамъ предпочтеніе въ правахъ предъ другими, чего Государь Императоръ допустить не можетъ; потому что Его Величеству всѣ войска равно вѣрно и усердно служатъ, тѣмъ болѣе, что у насъ примѣръ влечетъ за собою право домогаться уравненія.

Вы названную мною „щедрость вашу" признаете необходимою справедливостію не оставить безъ помощи несчастныя семейства людей, заплатившихъ кровію за тѣ ничтожныя пенсіи, которыя теперь отказываются ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Я желалъ бы быть въ возможности удовлетворить сему великодушному вашему стремленію; но если наше положеніе не доставляетъ способовъ удовлетворенія закономъ опредѣленныхъ пособій, какъ же дѣлать для одних только вашихъ представленій изъятія?

Будьте справедливы и къ заслугамъ другихъ, не имѣющихъ счастія пользоваться вашимъ попеченіемъ о нихъ. Для Государя всѣ его подданные одинаково близки сердцу; для его министра всѣ одинаково имѣютъ право на его предстательство. И потому, въ чемъ отказывается заслуженнымъ воинамъ Севастополя, Крыма и другихъ мѣстъ, на то не должны претендовать и Кавказцы; а начальникъ, какъ государственный человѣкъ, казалось, долженъ бы, согласуя свои соображенія съ общими видами, не дѣлать такихъ представленій, которыя поставляютъ Государя въ необходимость отказать, а его самого подвергаютъ мнѣнію, что не всѣ же представленія его уважаются.

Государственная экономія, при недостаткѣ средствъ правительства, давно разрѣшена раздѣленіемъ расходовъ на три категоріи:

1, на неизбѣжно-необходимое.

2. на полезное въ настоящемъ

3. на полезное въ будущности и, наконецъ, при избыткѣ средствъ, на прихотливое.

Удовлетвореніе первой есть крайность; но когда и въ оной дѣлаются усилія къ сокращенію, то класть капиталъ (на полезное въ будущности) есть задача нынѣ неисполнимая.

Окончаніе дѣлъ на Кавказѣ можетъ быть желаніемъ, но осуществить его вдругъ не предстоитъ возможности, и вы, кажется, *имѣли въ этомъ* полное *убѣжденіе*.

Достигнуть значительнаго *сокращенія* тамъ *войскъ будетъ заслугою выше славныхъ побѣдъ*. Я понимаю пользу и необходимость оставить вамъ до весны 13 и 18 дивизіи, и согласно съ этимъ, въ ожиданіи вашего по сему

увѣдомленія, дѣлаю уже всѣ мои предначертанія; но послѣ того нужно не только ихъ отпустить, но и *постепенно ежегодно уменьшать число войскъ на Кавказѣ.*

На счетъ усиленія вашего штаба, вы лично испросили у Его Величества о назначеніи начальника главнаго штаба; но Государь не разумѣлъ, чтобы при этомъ новомъ назначеніи лица нужно было давать ему товарища и дежурнаго штабъ-офицера.

По вашему выраженію я „обремененъ огромною письменною работою", которой однако нужно же дать основаніе, и потому дозволяю думать, что я судья въ этомъ дѣлѣ и полагаю, что если прежнее управленіе обходилось безъ сказанныхъ лицъ, то нынѣ, а тѣмъ болѣе при *предполагаемомъ скоромъ уменьшеніи войскъ, можно,* и по средствамъ своимъ, должно ограничиться настоящимъ числомъ дѣятелей. Въ избраніи подчиненныхъ вы полный хозяинъ, и я не могу себя упрекать ни однимъ случаемъ, гдѣ бы я былъ съ вами не въ единомысліи.

Заключеніе вашего письма принимаю съ душевною признательностью и прошу вѣрить, что намѣренно ничего не сдѣлаю противъ искреннѣйшаго къ вамъ уваженія и пламеннаго желанія быть полезнымъ общему дѣлу; но не могу не обратить вашего вниманія на крайность нашего финансоваго положенія. Я изъ всѣхъ вашихъ предположеній заключаю, что вы имѣете неполное свѣдѣніе объ этомъ.

7.

Письмо ваше и всѣ бумаги отъ 19 Іюня получены мною 30 ч., послѣ отправленія письма моего, отъ 29 Іюня, и потому въ дополненіе къ оному, хотя вскользь, поспѣшаю увѣдомить:

Желаніе ваше, объ оставленіи 13 и 18 пѣхотныхъ дивизій до весны 1858 года предвидѣлось, и все согласно сему распоряжалось; но возвращеніе оныхъ въ Россію во время навигаціи 1858 г. считалось уже всегда самымъ отдаленнымъ и вами предполагавшимся срокомъ. Число рабочихъ рукъ отъ сего у васъ немногимъ уменьшится, потому что дивизіи уйдутъ въ кадрахъ, оставивъ бо́льшее число людей на пополненіе прочихъ вашихъ войскъ.

Вѣрьте, почтеннѣйшій князь Александръ Ивановичъ, что я принимаю всевозможныя мѣры уменьшить военные расходы по Имперіи, чтобы дать возможность устраиваться намъ на Азіятской границѣ, и всевозможныя сбереженія стараюсь туда направлять; но отъ меня требуютъ существенно невозможнаго. Всѣ вопіютъ противъ содержанія до 300 т. арміи на Кавказѣ, коей одно провіантское довольствіе требуетъ значительную часть всего военнаго бюджета, и потому необходимо принять на будущее время такой планъ дѣйствія, чтобы сколь возможно уменьшить число войскъ на Кавказѣ.

На счетъ Поти никакого не имѣю возраженія, чтобы безъ расходовъ правительства дозволить негоціантамъ возводить тамъ новый городъ и открыть болѣе обширную и удобоисполнимую торговлю съ внутренностію края. Повторяю, что мы для сего никакъ не можемъ нынѣ сдѣлать значительныхъ

пожертвованій; въ этомъ видѣ безъ сомнѣнія вы получите высочайшее разрѣшеніе.

Касательно Астраханскаго провіантскаго комитета, я прошу вашего согласія подчинить его внутреннему провіантскому вѣдомству; этого требуютъ удешевленіе цѣнъ при покупкѣ хлѣба въ верховьяхъ Волги, упрощеніе и ускореніе сдачи и перегрузки онаго съ бѣлянъ, приходящихъ съ продуктомъ.

Вамъ теперь уже извѣстны всѣ вообще безпорядки, происшедшіе по управленію въ Астрахани; не сомнѣваюсь въ благонамѣренности вице-адмирала Васильева, но окружающіе во зло употребили его довѣріе. Необходимо провіантскій комитетъ удержать подъ предсѣдательствомъ благонамѣреннаго Струве, который устроитъ намъ это дѣло; нужно только рѣшить, гдѣ должно внутреннее вѣдомство окончательно передавать хлѣбъ въ вѣдомство вашего интендантства. Струве, я и Провіантскій Департаментъ полагаемъ, что сдача провіанта прямо въ приморскія ваши пристани, на отвѣтственности внутренняго вѣдомства, уменьшитъ одну инстанцію для неизбѣжныхъ къ несчастію издержекъ, отъ которыхъ, что̀ бы мы съ вами ни дѣлали, совершенно оградить правительство никогда не достигнемъ, ибо есть даже расходы требующіе обезпеченія; слѣдовательно общее наше стремленіе должно быть направлено къ возможному ограниченію зла. Скажите откровенно по сему ваше желаніе: если признаёте нужнымъ, чтобы хлѣбъ окончательно передавался въ Астрахани,—я спорить не буду; изберите только дѣльнаго и благонамѣреннаго человѣка и не на два года, какъ это было принято за правило въ Интендантствѣ; причемъ однако повторяю, что отъ этой лишней инстанціи неизбѣжно хлѣбъ будетъ покупаться дороже.

Къ Государю я отправилъ желаніе ваше о зачисленіи генералъ-маіора Граматина по особымъ къ вамъ порученіямъ; таковыхъ положено имѣть четыре, состоитъ уже 12. Граматинъ будетъ 13-й. Пропуститъ ли это Его Величество, не ручаюсь; между тѣмъ вновь поступило представленіе о генералъ-лейтенантахъ князѣ Андронниковѣ и князѣ Орбеліанѣ и генералъ-маіорѣ Лорисъ-Меликовѣ, что́ составитъ 16, изъ которыхъ 12 сверхъ смѣтнаго расхода.

Къ назначенію презусомъ коммиссіи военнаго суда при Тифлисскомъ Ордонанзъ-гаузѣ представленъ полковникъ Слинько, но онъ не ранѐнъ и потому не имѣетъ права, при томъ сверхъ-смѣтный расходъ; представляю на благоусмотрѣніе: не признàете ли вы въ подобныхъ случаяхъ за полезное назначать состоящихъ по особымъ порученіямъ, даже генераловъ?

Помощника начальника главнаго штаба и дежурнаго штабъ-офицера въ штатъ вводить невозможно. Пересмотръ смѣтъ, порученный особому комитету, даетъ ему право не допускать никакихъ сверхъ-смѣтныхъ расходовъ, даже предварительно высочайше одобренныхъ.

О вопросѣ на счетъ права блокады не сѣтуйте на кн. Горчакова въ неразрѣшеніи; этотъ вопросъ еще не вполнѣ объяснился. Нужно быть чрезвычайно осторожнымъ, наши шкуны считаются транспортными, а не воен-

ными судами и не имѣютъ права имѣть артиллеріи, а еще менѣе задерживать суда въ морѣ для осмотра; объявить право блокады безъ средствъ осуществленія оной было бы неумѣстнымъ. О порчѣ паровиковъ я говорилъ адмиралу оказать возможное содѣйствіе въ г. Николаевѣ. Онъ приписываетъ сіе частому, безъ отдыха, употребленію оныхъ (чего, кажется, не было) и неопытности въ употребленіи антрацита.

Военные наши фрегаты, посланные изъ Балтики, только къ осени прибудутъ въ Николаевъ.

Разрѣшеніе ваше Филипсону вѣшать шпіоновъ совершенно въ законномъ правѣ; о 14-ти плѣнныхъ Туркахъ повремените еще нѣсколько, до возвращенія князя Горчакова, у котораго я спрошу окончательное его заключеніе по всѣмъ вопросамъ.

Филипсонъ уже оказалъ содѣйствіе по устройству укрѣпленій въ Керченскомъ проливѣ; ему предоставляется право утвержденія цѣнъ на матеріалъ; его вліяніе, какъ общаго начальника, необходимо, но собственно подробности строительства нельзя на его возложить. Повремените съ отмѣною этой мѣры, которую въ послѣдствіи можно будетъ отмѣнить, если вмѣшательство его признаете безполезнымъ. По Мингрельскимъ дѣламъ всѣ ваши распоряженія согласны съ общимъ мнѣніемъ правительственной комиссіи.

Предположенія о переселеніи Азовскихъ казаковъ ожидаю.

Бараки, бывшіе близъ Симферополя, давно уже получили назначеніе; я не имѣю возножности устроить помѣщеніе даже для одного батальона на сѣверной сторонѣ, и потому на нихъ рѣшительно не разсчитывайте.

Прошу меня извѣстить о сушеной квашеной капустѣ, доставленной въ Анапу и Сухумъ; можетъ ли это приносить пользу войскамъ и признаете ли возможнымъ, въ число оной, прислать Французскихъ сушеныхъ овощей? Князь Долгоруковъ передалъ свое право Парижскому фабриканту Шолле, котораго приготовленіе, какъ квашеной капусты, такъ и овощей, оказалось несравненно лучше; цѣна за порцію того и другаго по копѣйкѣ, но собственно для войскъ вашихъ можно удешевить, ибо дальнѣйшее приготовленіе оной княземъДолгоруковымъ было допущено въ видахъ обезпеченія существованія его заведенія; овощи Шолле оказались превосходными для второй порціи въ госпиталяхъ.

4-го Іюля 1857 года.
С.-Петербургъ.

Д. Письма князя А. И. Барятинскаго къ военному министру генералъ-адъютанту Н. О. Сухозанету.

1.

Справки о хлѣбномъ дѣлѣ заставили меня повременить отвѣтомъ на письмо вашего высокопревосходительства отъ 4-го Ноября. Излагая его теперь въ самыхъ большихъ подробностяхъ, я вполнѣ увѣренъ, что объясненія эти васъ удовлетворятъ, и вы изъ нихъ усмотрите, что главное затрудненіе на Кавказѣ состоитъ не столько въ хлѣбѣ, сколько въ недостаткѣ

путей сообщенія, а въ особенности перевозочныхъ средствъ; записка, съ симъ вмѣстѣ отправляемая, ознакомитъ васъ со всѣмъ ходомъ этого дѣла. Кромѣ того, я прилагаю копіи только что полученныхъ мною рапортовъ Астраханскаго военнаго губернатора и командующаго войсками Праваго Крыла, изъ коихъ ваше высокопревосходительство усмотрите, что недостатокъ хлѣба, съ разрѣшеніемъ вывоза его за границу, дѣлается повсемѣстнымъ и что цѣны на него несоразмѣрно возвышаются. Чтобы облегчить участь бѣдныхъ жителей города Астрахани, я поспѣшилъ утвердить распоряженіе вице-адмирала Васильева; что же касается до ходатайства генерала Козловскаго, то, имѣя въ виду недостатокъ хлѣба въ Ставропольской губерніи и Черноморіи, я къ сожалѣнію не нашелъ возможнымъ оказать съ своей стороны облегченія Донскому краю и вынужденъ предоставить распоряженіе по сему предмету усмотрѣнію вашего высокопревосходительства. Въ томъ же письмѣ отъ 4-го Ноября ваше высокопревосходительство пишете мнѣ, что князь Бебутовъ, въ промежуткѣ времени послѣ отъѣзда генерала Муравьева и до моего пріѣзда, съ 22-го Августа по 26-е Сентября, поторопился сдѣлать двадцать одно представленіе о награжденіи 2530 лицъ, и что представленія сіи, по высочайшему повелѣнію, нынѣ возвращаются ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы по строгому ихъ разбору сдѣлано было ходатайство въ болѣе ограниченномъ числѣ.

Помянутыя представленія поступали въ корпусный штабъ частью въ прошломъ, а частью въ нынѣшнемъ году и, по случаю пребыванія генерала Муравьева въ прошломъ году подъ Карсомъ, а весною сего года на Кавказской линіи и въ Черноморіи, представленія эти не могли не замедлиться, тѣмъ болѣе, что не рѣдко встрѣчалась необходимость, по нѣкоторымъ неполностямъ представленій, требовать дополнительныя свѣдѣнія. По утвержденнымъ за тѣмъ докладамъ окончательное изготовленіе представленій не могло быть окончено до отъѣзда генерала Муравьева, за множествомъ другихъ спѣшныхъ дѣлъ, а потому представленія эти сдѣланы послѣ выѣзда его и во время командованія корпусомъ князя Бебутова. Такимъ образомъ отправленіе при князѣ Бебутовѣ накопившихся представленій не было слѣдствіемъ какого-либо особаго умысла, а напротивъ сдѣлано съ цѣлью дать ходъ этимъ представленіямъ еще до моего пріѣзда, такъ какъ и безъ того другія особенной важности дѣла по необходимости были оставлены до моего прибытія. Не смотря на столь значительное число представленій, сдѣланныхъ княземъ Бебутовымъ, часть ихъ за прежніе годы остается по настоящее время неисполненною и только теперь приготовляется къ отправленію.

По полученіи здѣсь обратно ожидаемыхъ представленій, высочайшая воля Государя Императора о строгомъ разборѣ ихъ и новомъ ходатайствѣ въ болѣе ограниченномъ числѣ будетъ тотчасъ же исполнена. При этомъ считаю весьма кстати объяснить, что вообще я буду признателенъ, если въ случаяхъ, когда число представляемыхъ лицъ найдено будетъ слишкомъ большимъ, уменьшеніе числа ихъ предоставится мнѣ. При такомъ порядкѣ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, я буду требовать отъ частныхъ началь-

никовъ ихъ мнѣнія: кого изъ представленныхъ лицъ они полагаютъ исключить, кого вновь представить; чрезъ это избѣгнутся несправедливости къ заслуженнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, а наградъ удостоятся тѣ, которые дѣйствительно ихъ заслужили. При всякомъ другомъ способѣ уменьшенія невольно вкрадутся ошибки и несправедливости.

9 Декабря 1856 г.
Тифлисъ.

2.

Въ письмѣ отъ 16-го минувшаго Ноября, ваше высокопревосходительство сообщаете мнѣ, что въ представляемыхъ на высочайшее воззрѣніе извлеченіяхъ по военно-суднымъ дѣламъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса часто обнаруживаются значительныя упущенія и неисправности, которыя вы приписываете исключительно личному составу Полеваго Аудиторіата, въ особенности же неспособности полеваго генералъ-аудитора, а по тому полагаете, что слѣдовало бы замѣстить коллежскаго совѣтника Невскаго другимъ болѣе достойнымъ чиновникомъ.

Такое сужденіе о цѣлой части управленія, непосредственно мнѣ подчиненной, поставляетъ меня въ необходимость выразить вашему высокопревосходительству мое мнѣніе по этому предмету.

Важнѣйшій изъ доводовъ, заключающихся въ вашемъ письмѣ, состоитъ въ томъ, что приговоры Полеваго Аудиторіата, по мнѣнію вашему, постановляются безъ точнаго соблюденія существующихъ законовъ, чему доказательства указываются въ приложенной къ письму особой запискѣ.

Еслибъ я имѣлъ въ виду только защищать личный составъ Полеваго Аудиторіата, то я ограничился бы однимъ замѣчаніемъ, что приговоры его утверждаетъ самъ главнокомандующій, который слѣдовательно не находитъ ихъ незаконными и неправильными и въ оправданіяхъ не нуждается.

Но, оставляя въ сторонѣ юридическую отвѣтственность и не защищая нисколько непреложности всѣхъ утвержденныхъ высшимъ начальствомъ приговоровъ, я считаю долгомъ сообщить вамъ въ прилагаемой къ сему запискѣ тѣ объясненія, которыя Полевой Аудиторіатъ представилъ мнѣ въ оправданіе своихъ приговоровъ по дѣламъ, указаннымъ въ вашемъ письмѣ.

Еслижъ вы находите, что въ канцеляріи Полеваго Аудиторіата бумаги вообще переписываются не довольно изящно, то я пользуюсь этимъ, чтобы обратить ваше вниманіе на крайне-недостаточный штатъ означенной канцеляріи, которая состоитъ всего изъ 7-ми чиновниковъ и 10-ти писцовъ: числа совершенно несоразмѣрнаго съ количествомъ лежащей на канцеляріи работы. При томъ количество производящихся въ Полевомъ Аудиторіатѣ военно-слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ, въ слѣдствіе увеличенія числа войскъ и постепеннаго распространенія дѣйствій Русскаго законодательства, возрасло до того, что въ 1848-мъ году производилось только 228-мь дѣлъ на 64 т. листахъ, а въ 11-ть мѣсяцевъ текущаго года уже 550 дѣлъ на 132 т. листахъ. Цифры эти служатъ однимъ изъ примѣровъ, доказывающихъ, что вообще штаты моего управленія сдѣлались въ настоящее время

недостаточными въ соразмѣрности возрастающей постепенно работы, и я предвижу, что въ скоромъ времени буду вынужденъ обратить на этотъ предметъ попечительное вниманіе Государя Императора.

Наконецъ, что касается прямо до личности теперешняго состава Полеваго Аудиторіата, то вы замѣтили изъ отзыва моего отъ 30 минувшаго Ноября № 2732, что я самъ полагаю необходимымъ сдѣлать въ этомъ составѣ измѣненія. Но собственно о генералъ-аудиторѣ Невскомъ я долженъ сказать, что этотъ чиновникъ, при своемъ примѣрномъ усердіи, прилежаніи и знаніи дѣла, умѣлъ многолѣтнею здѣсь службою пріобрѣсти репутацію человѣка честнаго и очень добросовѣстнаго. При томъ же опредѣлять, кто именно изъ чиновниковъ достоинъ, или недостоинъ занимать мѣсто можетъ только прямой начальникъ ихъ, и тѣмъ болѣе здѣсь это право предоставлено одному мнѣ въ силу высочайшаго довѣрія, которымъ я, по своему званію и должности, удостоенъ всемилостивѣйшимъ моимъ Государемъ.

15-го Декабря 1856 г.
Тифлисъ.

3.

По высочайшему повелѣнію, сообщенному мнѣ въ отзывѣ вашего высокопревосходительства отъ 8 Декабря прошлаго года № 13159, ассигновано въ мое распоряженіе на экстра-ординарные расходы въ нынѣшнемъ году 140 т. рубл. серебромъ.

Въ исполненіе высочайшей воли, я приложу все стараніе, чтобы сокращать по возможности экстраординарные расходы; но считаю необходимымъ обратить ваше вниманіе на причины, по которымъ признавалось нужнымъ испрашивать ассигнованіе 200 т. рубл. сер. и по которымъ я не могу быть увѣреннымъ, что къ концу года ассигнованная сумма окажется достаточною для покрытія самыхъ неизбѣжныхъ расходовъ.

По случаю послѣдней войны экстраординарная сумма была увеличена до 200 т. рубл., независимо отъ назначенія особой экстраординарной суммы въ 200 рубл. с. по войнѣ съ Турціею, такъ что первая изъ этихъ суммъ расходовалась на предметы собственно относившіеся только до внутреннихъ дѣлъ Кавказскаго края.

Нынѣ, несмотря на прекращеніе войны, взволнованныя ею враждебныя племена еще не успѣли успокоиться. Закубанскіе горцы находятся теперь еще болѣе, чѣмъ прежде въ тревожномъ положеніи, по проискамъ Сеферъ-бея, который обнадеживаетъ ихъ на помощь Турціи. Съ другой стороны, сборъ большаго числа войскъ и приготовленія наши къ усиленнымъ предпріятіямъ, естественно, вызываютъ со стороны горцевъ особенную дѣятельность для сопротивленія нашему оружію. Въ этомъ положеніи дѣлъ я расчитываю, что съ возрастающею предпріимчивостію горцевъ потребуется и болѣе экстраординарныхъ расходовъ для открытія и предупрежденія непріятельскихъ замысловъ.

Независимо отъ настоящаго положенія дѣлъ съ горцами предстоитъ еще продолжать изъ экстраординарной суммы расходы и по минувшей войнѣ.

Большое число изувѣченныхъ военнослужащихъ и туземцевъ, вдовъ, потерявшихъ своихъ мужей въ бояхъ, жителей, лишившихся имущества, всѣ просятъ пособія, въ которомъ невозможно имъ отказать, пока не устроится ихъ положеніе. Необходимо также, изъ видовъ политическихъ, вознаградить разныя лица, оказавшія намъ во время минувшей войны заслуги; наконецъ, встрѣчается и множество другихъ предметовъ расхода, на которые опредѣленныхъ суммъ не назначено.

Обращая вниманіе вашего высокопревосходительства на всѣ изложенныя соображенія, я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, повергнуть оныя на высочайшее воззрѣніе Государя Императора.

11 Января 1857 года.
Тифлисъ.

4.

Имѣя въ виду, что каждый начальникъ части обязанъ отвѣтственностью за всѣхъ подчиненныхъ своихъ и не долженъ быть поставляемъ въ необходимость противъ собственной воли принимать подъ свое начальство офицеровъ или совершенно ему неизвѣстныхъ, или извѣстныхъ съ невыгодной стороны, я поставилъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ, по представленіямъ и просьбамъ ко мнѣ поступающимъ, допускать опредѣленіе въ Кавказскій корпусъ офицеровъ и переводъ ихъ изъ одной части здѣшнихъ войскъ въ другую, не иначе, какъ съ согласія командировъ тѣхъ частей, въ которыя они поступить желаютъ.

Мѣра эта тѣмъ болѣе необходима, что во всѣхъ почти частяхъ состоитъ нынѣ значительное число сверхъ-комплектныхъ офицеровъ, такъ что назначеніе вновь офицеровъ въ полки Кавказскаго корпуса должно быть допускаемо только съ крайнею разборчивостью и въ тѣхъ случаяхъ, когда переводъ ихъ можетъ быть признанъ дѣйствительно для службы полезнымъ. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, я нахожу необходимымъ, чтобы означенное правило было соблюдаемо и при распоряженіяхъ Инспекторскаго Департамента ввѣреннаго вамъ министерства, съ тѣмъ, чтобы о переводѣ офицеровъ и опредѣленіи изъ отставки въ войска Кавказскаго корпуса каждый разъ было сообщаемо предварительно на мое заключеніе; я же съ своей стороны буду основываться на согласіи командировъ полковъ и другихъ отдѣльныхъ частей, въ которыя офицеры предназначаются. Надѣюсь вполнѣ, что ваше высокопревосходительство раздѣлите мой образъ мыслей и не оставите увѣдомить меня о тѣхъ распоряженіяхъ, какія вы изволите сдѣлать по изложенному предмету.

22 Февраля 1857 года.
Тифлисъ.

5.

Я относился къ вашему высокопревосходительству съ просьбою не переводить въ Кавказскій корпусъ офицеровъ безъ предварительнаго со мною сношенія. Порядокъ этотъ существовалъ издавна; но переводы такіе все еще продолжаются. Кромѣ того начались и откомандированія офицеровъ

безъ вѣдома моего; такъ, въ прошедшемъ Мартѣ мѣсяцѣ, вы сообщали мнѣ, *что вами разрѣшено* прикомандированіе къ Николаевскому инженерному училищу поручика Свидеруса. Полагаю, что при этомъ вамъ не могло быть неизвѣстно, что на командированіе этого офицера не было спрошено, вопреки общаго порядка, согласіе ближайшаго его начальства, ни моего. Вашему высокопревосходительству не безъизвѣстно, что, по званію главнокомандующаго, я получаю разрѣшенія, касательно чиновъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, только отъ Государя Императора. Наконецъ, вы коснулись даже дѣлъ прямо подлежащихъ намѣстнику Кавказскому: вы испросили высочайшее соизволеніе сложить долгъ вдовы генералъ-лейтенанта Ермолова въ сумму на полезныя предпріятія и устройство края, получивши уже мой отвѣтъ, что я нахожу это невозможнымъ. Сумма эта состоитъ въ полномъ моемъ распоряженіи, какъ намѣстника, и потому вмѣшательство ваше въ это дѣло, совершенно для васъ постороннее, я могу отнести лишь къ совершенному невѣдѣнію вами какъ этого обстоятельства, такъ и вообще правъ намѣстника Кавказскаго.

Вполнѣ увѣренъ, что такое откровенное объясненіе устранитъ подобные случаи и что ваше высокопревосходительство, вникнувъ въ права и власть, данныя мнѣ Государемъ, удержите общій порядокъ служебныхъ отношеній и избавите меня также отъ необходимости просить Его Величество поставить насъ въ границы имъ предоставленной каждому власти.

Надѣюсь, что письмо это, установивъ служебныя отношенія, нисколько не измѣнитъ наши личныя отношенія.

19-го Апрѣля 1857 года.
Кр. Грозная.

6.

Отъ 4 Іюня 1857 года.

Письмо в. в. отъ 15 Мая убѣдило меня, что въ сношеніяхъ между нами не можетъ болѣе быть недоразумѣній. Вынужденные на откровенное объясненіе, мы теперь увѣрились, что дальнѣйшія отношенія наши могутъ только утвердиться въ началахъ важныхъ для пользы и общаго блага. Стараясь достигнуть этого, мы пойдемъ рука объ руку, и откровенныя наши письма будутъ впредь приниматься, я въ этомъ увѣренъ, съ тѣми чувствами взаимнаго уваженія и добросовѣстности, подъ вліяніемъ которыхъ они написаны. Вы ошиблись, Николай Онуфріевичъ, думая, что я вижу недоброжелательство во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ касательно моего управленія; я не могъ допустить этой мысли, зная вашу благонамѣренность, преданность Государю и стремленіе къ пользамъ; различіе же взглядовъ нашихъ на нѣкоторые предметы могло иногда вести насъ къ недоразумѣніямъ, но я никогда не обижался вашими возраженіями на нѣкоторые вопросы, о которыхъ вы упоминаете, напр. по проекту моему о желѣзной дорогѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями я тотчасъ же уступилъ большинству голосовъ комитета. Но не менѣе того я остаюсь въ томъ убѣжденіи, что, отлагая дѣло на неопредѣленное время, мы не облегчаемъ себѣ успѣхъ въ будущемъ, а даемъ волю врагамъ нашимъ усиливать вліяніе и владычество

свое въ Азіи. Возраженія сообщаемыя вами на предположеніе объ Адагумской линіи я принялъ съ благодарностію; но я не убѣдился въ необходимости измѣнить прежнее предположеніе, и послѣдствія оправдали мои надежды: успѣшный приступъ къ этому дѣлу показалъ уже, что всѣ опасенія были очень преувеличены. Объ учрежденіи порта въ Поти составится подробный офиціальный отвѣтъ; нелишнимъ считаю однакоже упомянуть здѣсь, что къ устройству города и порта производятся только изслѣдованія, которыя должны доставить данныя для окончательнаго рѣшенія вопроса и что 80 т. р. отпущены г.-а. князю Гагарину на всѣ работы и предпріятія во ввѣренномъ ему краѣ, гдѣ нужно устраивать все заново и возстановить разрушенное войною; на устройство г. Поти издержекъ еще никакихъ не сдѣлано. При томъ в. в. конечно не отвергнете, что удобное сообщеніе по Ріону не есть предпріятіе прихотливое или мечтательное: оно есть изъ дѣйствительныхъ средствъ къ сокращенію издержекъ на транспортировку, а вмѣстѣ къ развитію богатствъ цѣлаго края.

По дѣлу Астраханскаго продовольственнаго комитета остаюсь въ своемъ убѣжденіи, что нѣтъ надобности установлять какой либо новый контроль надъ в.-а. Васильевымъ; затѣмъ отъ в. в. зависитъ принять мѣры, кои найдете необходимыми для огражденія интересовъ министерства. Касательно предположенія совсѣмъ упразднить Астраханскій комитетъ, я полагаю, что, съ устройствомъ пароходства по Каспійскому морю и по р. Курѣ, оно само собою состоится. Вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ непродолжительномъ времени, по разсмотрѣніи проекта устава. Если же такое предположеніе будетъ отвергнуто, то имѣется въ виду другое соображеніе, о которомъ своевременно буду имѣть честь вамъ сообщить.

До какой степени будетъ возможно ограничить расходъ на категорическое порціонное довольствіе войскъ я также увѣдомлю васъ по пересмотрѣ мною этого дѣла.

Убѣждаю в. в. не относить къ личному моему самолюбію или излишней щекотливости просьбу мою касательно перевода гг. офицеровъ; тутъ вопросъ объ основаніяхъ дисциплины и іерархіи. Можно ли сохранить дисциплину и порядокъ, если офицеры будутъ переводимы безъ вѣдома главнокомандующаго? Если в. в., какъ военный министръ, считаете себя въ правѣ разрѣшать, переводить, перемѣщать, то какъ же согласовать эти права съ правомъ главнокомандующаго, который въ своей арміи представляетъ лицо самого Государя Императора и ни отъ кого не долженъ принимать приказаній кромѣ какъ отъ Его Величества?

Не могло быть у меня мысли о подчиненіи дѣйствій министра; но съ другой стороны, согласитесь, нельзя же подчинить и главнокомандующаго министру? Каждый долженъ дѣйствовать въ своемъ кругѣ: одинъ какъ орудіе ближайшей верховной воли по дѣламъ военнымъ вообще, другой какъ представитель верховной воли въ арміи и въ краѣ.

По представленіямъ моимъ къ наградамъ и пособіямъ, в. в. выразились въ письмѣ своемъ, что я „чрезвычайно щедръ". Стараясь быть вполнѣ

справедливымъ, я, можетъ быть, кажусь чрезвычайно щедрымъ. Все зависитъ отъ взгляда. Я не могу оставить безъ помощи несчастныя семейства тѣхъ людей, которые вѣрно служили Государю въ войну и заплатили уже своею кровью за тѣ ничтожныя пенсіи, которыя теперь отказываются ихъ вдовамъ и дѣтямъ. Представленія эти мною дѣлаются не изъ щедрости, а изъ сознанія долга начальника поддерживать въ народѣ довѣріе къ справедливости и благодарности правительства. Сохрани Богъ, если въ здѣшнемъ краѣ, еще такъ недавно присоединенномъ къ Россіи, западетъ мысль, что заслуги и самая кровь пролитая оставляются безъ вниманія и награжденія, если каждый воинъ не будетъ увѣренъ, что по смерти его несчастная вдова и дѣти не умрутъ съ голода. Никакія финансовыя необходимости, по моему убѣжденію, не могутъ оправдать такую крайность. Равномѣрно и въ другихъ расходахъ, желая сдѣлать сбереженіе, по моему убѣжденію, надо взвѣшивать мѣру потребности. Скажу при этомъ, какъ я понимаю настоящую государственную экономію, въ полной увѣренности, что и вы раздѣлите мое мнѣніе. Сущность этого важнаго дѣла состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать ничего безполезнаго; но гдѣ предвидится выгода въ будущемъ, тамъ нечего бояться класть капиталъ. Если вы находите *вѣковою преждевременностію* устройство желѣзной дороги отъ Каспійскаго моря къ Аральскому, то вѣрно согласитесь, что всякое прочное устройство на Кавказѣ и всякій шагъ къ скорѣйшему окончанію здѣсь дѣлъ нашихъ должны быть современнымъ и живымъ нашимъ стремленіемъ. Упрочивъ скорѣе наше положеніе на Кавказѣ, мы достигнемъ настоящей экономіи въ силахъ и средствахъ, а тогда новая война уже не застанетъ насъ въ расплохъ. Вотъ мои главныя убѣжденія, и я пламенно желаю, чтобы в. в. для пользы общей вполнѣ раздѣляли ихъ *).—Отвѣтивъ на тѣ пункты, о которыхъ вы сами упомянули въ вашемъ письмѣ, я коснусь нѣкоторыхъ предметовъ, на которые съ моей стороны нахожу нужнымъ обратить особенное ваше вниманіе, въ полной надеждѣ найти въ васъ искреннее сочувствіе. Не скрою, что меня огорчаютъ иногда отказы полученные на представленія мои о наградахъ или назначеніяхъ лицъ, состоящихъ подъ моимъ начальствомъ. Вы сами вполнѣ согласитесь, что одно изъ основныхъ условій самостоятельности начальника есть предоставленіе ему возможности избирать своихъ подчиненныхъ и оцѣнивать ихъ службу. Въ этомъ отношеніи позвольте мнѣ надѣяться, что вы не будете мнѣ отказывать въ вашемъ ходатайствѣ, съ полною увѣренностію, что мои представленія дѣлаются въ однихъ лишь видахъ пользы службы.

Другой предметъ, который занимаетъ меня съ самаго назначенія на Кавказъ и до прибытія еще моего сюда, есть устройство въ здѣшнемъ краѣ

---

*) Покойный князь Семенъ Михаиловичъ Воронцовъ неоднократно сообщалъ намъ, что отецъ его подавалъ императору Николаю Павловичу записку о томъ, что за окончательнымъ покореніемъ Кавказа расходы по управленію имъ безмѣрно увеличатся и превысятъ самыя военныя издержки, и что поэтому слѣдуетъ не торопиться, а стараться только обезвредить Шамиля и поставить его въ такія отношенія, чтобы онъ самъ содѣйствовалъ постепенному умиротворенію края. П. Б.

всѣхъ вообще частей управленія, которыя до сихъ поръ вовсе не устроены Я уже предувѣдомлялъ васъ, что по распоряженію моему назначены комитеты для составленія проекта новыхъ штатовъ, съ той главною цѣлью, чтобы примѣнить ихъ къ настоящему раздѣленію Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ дать каждому изъ главныхъ начальствующихъ лицъ необходимыя средства для успѣшнаго дѣйствія въ кругу обязанностей каждаго изъ нихъ. Въ числѣ управленій, крайне нуждающихся въ нѣкоторомъ дополненіи штата, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ штабъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ. В. в. лучше всякаго другаго можете оцѣнить всю обширность лежащихъ на моемъ штабѣ занятій.

Будучи сами обременены огромною письменною работою, требующею постояннаго и тяжелаго умственнаго напряженія, не смотря на видимую многочисленность окружающихъ васъ помощниковъ, вы безъ сомнѣнія согласитесь со мною, что несоразмѣрность занятій съ числомъ трудящихся, равно какъ и недостаточное ихъ обезпеченіе въ жизни, не только замедляютъ ходъ дѣлъ, но препятствуютъ даже успѣху важнѣйшихъ предпріятій. Вамъ можетъ подробнѣе объяснить составъ моего штаба и занятій на немъ лежащихъ, бывшій нѣкогда помощникомъ начальника штаба г.-л. Вольфъ, который, при всѣхъ его способностяхъ и будучи помощникомъ столь же дѣятельнаго человѣка (ген. Коцебу), долженъ былъ просиживать всѣ ночи за работой. Нынѣ кругъ дѣятельности въ штабѣ еще болѣе увеличился прибавленіемъ числа войскъ и возбужденіемъ множества новыхъ вопросовъ, какъ для организаціи вновь образуемыхъ управленій, такъ и для приведенія въ устройство многихъ частей края послѣ войны. По этимъ соображеніямъ, я весьма сожалѣю, что на представленіе мое о назначеніи начальнику главнаго штаба помощника и деж. шт.-офицера послѣдовалъ нынѣ отказъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ поводъ считать возстановленіе этихъ должностей на прежнихъ основаніяхъ предметомъ уже рѣшеннымъ. Но если отказъ сей послѣдовалъ исключительно по видамъ экономіи *), то я нынѣ прошу объ одномъ только, чтобы вы увѣрились въ томъ, что предположенія мои объ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ въ образованіи штаба и другихъ управленій на Кавказѣ вынуждены крайнею и дѣйствительною необходимостью и чтобы вы не отказали мнѣ помочь въ этомъ настоятельномъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ заключеніе позвольте сдѣлать вамъ маленькое предложеніе, чтобы устранить на будущее время всякое неумышленное столкновеніе; а именно прошу васъ, каждый разъ, когда вы замѣтите въ моихъ бумагахъ какое-либо неправильное выраженіе, откровенно мнѣ объ этомъ написать, что̀ и я съ своей стороны также вамъ обѣщаюсь. Чрезъ это установится между нами та откровенная и дружеская переписка, которая будетъ поддерживать доброе согласіе, столь необходимое для пользы службы.

---

*) Впрочемъ долженъ сказать, что вся эта экономія для государственнаго казначейства составляетъ менѣе 2 т. р. въ годъ, ибо столовыя дежурнымъ штабъ-офицерамъ положены были изъ суммъ, собственно въ моемъ распоряженіи состоящихъ.

7.

Съ прошлаго года я просилъ ваше высокопревосходительство исходатайствовать высочайшее соизволеніе на назначеніе нѣсколькихъ генераловъ штабъ и оберъ-офицеровъ въ число состоящихъ по корпусу. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, заслужившія извѣстность и оказавшія даже большія услуги, остаются теперь безъ всякаго служебнаго положенія; таковы генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ, котораго имя громко раздавалось въ минувшую войну; генералъ-маіоръ князь Меликовъ, командовавшій съ отличіемъ всею Лезгинскою линіею, одинъ изъ полезнѣйшихъ къ здѣшнемъ краѣ молодыхъ генераловъ и недавно исполнившій весьма успѣшно дипломатическое порученіе въ Персіи; генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ, который пользовался особеннымъ вниманіемъ предмѣстника моего генералъ-адъютанта Муравьева и былъ отлично имъ рекомендуемъ. Не стану поименовывать всѣхъ другихъ, изъ коихъ каждый заслуживаетъ вниманія начальства, и по фамильному значенію въ здѣшнемъ краѣ. Не смотря на давность всѣхъ этихъ представленій, я не получаю до сихъ поръ разрѣшеній, ни даже отвѣтовъ, и начинаю опасаться, чтобы представленныя мною лица не подверглись въ опредѣленные сроки жребію людей, не занимающихъ никакого опредѣленнаго штатнаго мѣста.

Пользуясь предложеніемъ вашимъ, установить между нами откровенную переписку, я рѣшаюсь напомнить вамъ, Николай Онуфріевичъ, о забытыхъ моихъ представленіяхъ и просить васъ приказать, кому слѣдуетъ, двинуть залежавшіяся дѣла. При этомъ случаѣ я долженъ предупредить васъ, что я имѣю въ виду еще нѣсколько лицъ, которымъ необходимо дать служебное положеніе, и потому я буду вынужденъ представить ихъ также въ число состоящихъ по корпусу или, по политическимъ видамъ, однихъ на открывшіяся вакансіи, другихъ даже и сверхъ комплекта. Считаю излишнимъ пояснить вашему высокопревосходительству, что въ здѣшнемъ краѣ существуетъ дѣйствительно множество личныхъ соображеній, по которымъ необходимо беречь людей, или за прежнія ихъ заслуги, или для будущей ожидаемой отъ нихъ полезной дѣятельности.

10 Іюля 1857 года.
Каджоры.

8.

Флигель-адъютантъ ротмистръ Чертковъ, отправляемый мною курьеромъ въ С.-Петербургъ съ важными бумагами и съ словесными порученіями, представитъ нѣсколько конвертовъ вашему высокопревосходительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ доставить вамъ поясненія по тѣмъ предметамъ, по которымъ вы пожелаете получить отъ него подробныя свѣдѣнія. Этотъ достойный офицеръ былъ употребляемъ мною въ разныхъ частяхъ края по весьма важнымъ порученіямъ, требовавшимъ полнаго моего довѣрія; онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ на линіи, а въ послѣднее время былъ посылаемъ въ Мингрелію и знаетъ хорошо весь ходъ дѣлъ въ этомъ краѣ.

Въ числѣ бумагъ, которыя съ нимъ отправляю, вы безъ сомнѣнія обратите вниманіе на подробное изложеніе происшествій въ Сванетіи. Я надѣюсь, что рѣшительныя мѣры, принятыя мною и въ этой странѣ для прекращенія смутъ и злодѣяній, а равно и для поддержанія достоинства Русскаго правительства, удостоятся высочайшаго одобренія Государя Императора. Но я покорнѣйше прошу васъ принять во вниманіе, что дѣло это требуетъ самаго скораго разрѣшенія; ибо я не могу привести въ полное дѣйствіе установляемаго мною новаго порядка, пока не получу высочайшаго утвержденія на мое представленіе.

Благоволите также оказать ваше содѣйствіе къ скорѣйшему опредѣленію въ одинъ изъ полковъ, въ Россіи расположенныхъ, отправленнаго уже въ Новочеркаскъ князя Александра Дадешкеліани, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить меня, гдѣ именно угодно будетъ Его Императорскому Величеству назначить пребываніе ссылаемымъ отсюда двумъ меньшимъ братьямъ князя Константина, убійцамъ Джансуха.

Обращаюсь съ убѣдительною просьбою къ вашему высокопревосходительству помочь мнѣ въ исходатайствованіи наградъ четыремъ изъ главныхъ начальниковъ въ здѣшнемъ краѣ, коимъ я считаю себя преимущественно обязаннымъ успѣхами въ предпріятіяхъ нынѣшняго года. Благоволите обратить милостивое вниманіе Государя Императора на этихъ достойныхъ слугъ Его Величества, которые своими неутомимыми трудами и опытностью быстро подвигаютъ къ желаемому результату великое дѣло завоеванія Кавказа.

Не скрою отъ васъ, что меня огорчаютъ отказы на нѣкоторыя мои представленія, которыя, повѣрьте, всегда имѣютъ единственно одно побужденіе—пользу края и службы. Между прочимъ вы нашли затрудненіе ходатайствовать о назначеніи по корпусу для особыхъ порученій генералъ-маіора Лорисъ-Меликова и полковника князя Орбеліани, по тому поводу, что они будутъ сверхъ комплекта. Но еслибы эта причина и была достаточна для того, чтобы выкидывать изъ службы офицеровъ хорошо служившихъ и обѣщающихъ еще быть полезными для службы, то во всякомъ случаѣ судьба эта не должна бы пасть на генералъ-маіора Лорисъ-Меликова, который былъ представленъ мною ранѣе всѣхъ другихъ. Что касается до полковника князя Орбеліани, то, огорченный полученнымъ отказомъ, онъ видитъ себя вынужденнымъ покинуть службу, и я уже не возобновляю моего ходатайства о немъ. Относительно же генерала-маіора Лорисъ-Меликова, я считаю долгомъ службы снова повторить мое о немъ представленіе, какъ ни тягостно мнѣ просить послѣ полученнаго отказа. Во всякомъ случаѣ можно помѣстить его въ разрядъ состоящихъ при корпусѣ по политическимъ видамъ. Впрочемъ въ отправляемомъ мною особомъ отношеніи по этому предмету я подробно объясняю нѣкоторыя погрѣшности, вкравшіяся въ доставленномъ вами разсчетѣ, и предлагаю нѣкоторыя измѣненія въ самой нормѣ установленной для чиновъ состоящихъ при корпусѣ, такъ чтобы возможно было руководствоваться ею на будущее время. Прошу васъ убѣдительно вникнуть въ мои доводы и исходатайствовать высочайшее соизволеніе на представляемыя не-

ремѣны, въ чемъ вы конечно не встрѣтите затрудненія, потому что перемѣны эти не требуютъ почти никакого увеличенія въ общемъ комплектѣ.

Къ 1-му Сентября назначено было доставить въ Военное Министерство мнѣнія всѣхъ главныхъ начальниковъ о средствахъ къ сокращенію переписки, дѣлопроизводства и штатовъ. Задача эта такъ огромна, что рѣшить ее въ столь короткій срокъ было невозможно, и я не получилъ еще, ни отъ кого изъ подвѣдомственныхъ мнѣ частныхъ начальниковъ, требованныхъ отъ нихъ соображеній. Впрочемъ вамъ извѣстно, что собственно въ примѣненіи къ здѣшнему краю вопросъ о преобразованіи управленій и самыхъ отношеній между разными мѣстами и лицами давно уже занимаетъ меня. Состояніе новыхъ штатовъ для военнаго управленія на Кавказѣ есть предметъ неотложной необходимости; ибо прошелъ уже годъ со времени введенія новаго раздѣленія края, а управленіе до сихъ поръ еще не организовано, и главные начальники крайне затруднены въ исправномъ веденіи дѣлъ по неимѣнію штатовъ. Производящаяся у нихъ огромная переписка лежитъ на разныхъ прикомандированныхъ или временно состоящихъ офицерахъ, которые несутъ большіе труды безъ всякаго штатнаго содержанія. Особыя части управленія: инженерная, артиллерійская, провіантская—нисколько не согласованы съ существующимъ распредѣленіемъ мѣстныхъ начальствъ. Такое неустройство не можетъ долѣе продолжаться, и я постараюсь какъ можно скорѣе привести къ окончанію обширную работу общаго преобразованія военной администраціи. Когда этотъ трудъ будетъ готовъ, я имѣю въ виду поручить исправляющему должность начальника главнаго штаба лично представить вамъ составленный проектъ. Пріѣздъ его на самое короткое время въ Петербургъ можетъ устранить необходимость продолжительной переписки и многихъ недоразумѣній.

Сейчасъ получилъ я новое весьма пріятное извѣстіе отъ генералъ-маіора Филипсона объ удачномъ дѣлѣ подъ Анапою. Сообщаю вамъ вмѣстѣ съ симъ копію съ донесенія по этому предмету и прошу васъ всеподданнѣйше доложить объ этомъ новомъ успѣхѣ Государю Императору.

18 Августа 1857 года.
Тифлисъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О МИТРОПОЛИТѢ ФИЛАРЕТѢ.

Московскій митрополитъ Филаретъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ достопамятныхъ историческихъ лицъ нашего вѣка: многолѣтняя дѣятельность его отличалась необыкновенною живостью, и въ ней никогда не бывало ничего зауряднаго. Это истинная, непререкаемая слава новой Русской исторіи; можно бы даже сказать—гордость Русскаго имени, еслибы слово гордость совмѣщалось съ монашескимъ его смиреніемъ. Дѣло въ томъ, что это былъ не только искренній инокъ, но въ тоже время пламенный патріотъ, до послѣдняго дня жизни принимавшій живое участіе въ судьбахъ отечества. Его неутомимая оглядливость и постоянное отстаиваніе достоинства и правъ своего положенія и своего сословія отъ вмѣшательства и притязаній свѣтской власти могли бы наполнить собою цѣлую книгу. При графѣ Закревскомъ, въ столкновеніяхъ съ полиціей, Филаретъ даже прибѣгалъ къ игрѣ словъ. Однажды, полицейскій чиновникъ, присланный къ нему съ какимъ-то объясненіемъ отъ генералъ-губернатора, началъ рѣчь словами: „Мы справлялись и оказалось....“—„Вамъ бы не *справляться*, а *исправляться*“, сказалъ ему митрополитъ. Въ другой разъ при немъ говорили объ Англійскомъ произношеніи: написано одно, а говорится другое; написано *а*, а выговаривается *е*. „А мы-то не такъ гибки: изъ *частнаго* *) у насъ никакъ не сдѣлаешь *честнаго*“.

Въ пастырскихъ заботахъ своихъ о благѣ общемъ Филаретъ непрестанно слѣдилъ за внутренней и внѣшней политикой. Читатели „Русскаго Архива“ (1886, II, 310) помнятъ, какъ онъ былъ правъ въ дѣлѣ о протоіереѣ Павскомъ. Имъ написано наставленіе священнику, который преподавалъ православное богословіе покойной Государынѣ Маріи Александровнѣ, по пріѣздѣ ея въ Россію въ 1840 году. Узнавъ, что одинъ изъ профессоровъ Московскаго университета приглашенъ для уроковъ къ Цесаревичу Николаю Александровичу, Филаретъ вызвалъ его къ себѣ на подворье и цѣлый вечеръ пробесѣдовалъ съ нимъ. Къ совѣту его прибѣгали по важнѣйшимъ государственнымъ дѣламъ. Благодаря его настоянію, въ 1862 году прекращена пагубная уступчивость въ управленіи Царствомъ Польскимъ. Даже въ самый день своей кончины, изнеможенный долгою служ-

---

*) Тогда нынѣшніе участковые пристава назывались *частными*.

бою въ домовой своей церкви, благословивъ и отпустивъ, наконецъ, посѣтителей и посѣтительницъ, онъ спѣшилъ въ дальніе покои для отдыха, какъ ему доложили, что пріѣхало лицо, только что передъ тѣмъ назначенное въ Москву на важную должность. Престарѣлый митрополитъ возвратился въ гостиную, поговорилъ нѣсколько минутъ съ новоприбывшимъ, и когда тотъ удалился, онъ произнесъ, въ присутствіи своего служки, затворившаго дверь за ушедшимъ гостемъ: „Опять дурака!". Въ этомъ отзывѣ не одно старческое раздраженіе, но и вопль гражданина. И дѣйствительно, какъ это лицо, такъ и рядъ его предшественниковъ отличались слабостью умственныхъ способностей, что̀ было положительнымъ общественнымъ вредомъ по важности ихъ служебнаго мѣста. Въ особенности въ послѣдніе годы своего поприща, въ царствованіе Александра Николаевича, вполнѣ обнадеженный милостью и почтительнымъ вниманіемъ Государя и Государыни, пользуясь глубокимъ уваженіемъ и дружбою высшей Московской власти, Филаретъ сдѣлался болѣе прежняго откровененъ въ своихъ отзывахъ о дѣлахъ общественныхъ и правительственныхъ. Письма его къ архимандриту Антонію и къ другимъ лицамъ, его „Мнѣнія и Отзывы" напечатанные нынѣ Св. Синодомъ, дадутъ богатѣйшія указанія будущему историку той эпохи не по однимъ церковнымъ дѣламъ. Газеты едва успѣвали печатать новыя законоположенія, и почти о каждомъ изъ нихъ можно найти отзызъ въ писаніяхъ Московскаго митрополита. Не одинъ только умъ, но и Русское чувство его оскорблялось безоглядною поспѣшностью нововведеній, которая во всякомъ случаѣ свидѣтельствовала о презрительномъ незнаніи тысечелѣтней исторіи. Онъ не уставалъ посылать свои замѣчанія; имъ большею частью не внимали; но все таки мысль о томъ что̀ скажетъ Филаретъ иной разъ смущала нововводителей. Когда его не стало (1867), сдѣлалось еще легче катиться по наклонной плоскости бумажныхъ преобразованій.

Въ маститой, чрезвычайно бодрой и ясной своей старости, митрополитъ не рѣдко любилъ бесѣдовать и о временахъ давнишнихъ, въ особенности о своей Петербургской дѣятельности въ царствованіе Александра Павловича. Вскорѣ послѣ того, какъ началъ выходить „Русскій Архивъ", онъ пожелалъ познакомиться съ его издателемъ, въ благодарной памяти котораго неизгладимо сохраняются вечерніе часы, у него проведенные. Бесѣды эти переполнялись исторической занимательностью. Онѣ записаны и со временемъ будутъ извлечены изъ тогдашнихъ тетрадей. Обхожденіе митрополита, какъ и вся обстановка его, отличалась какою-то, можно сказать, изящною простотою. Не даромъ покойный Чадаевъ, съ своей католической точки зрѣнія, восхищался имъ и называлъ его „княземъ церкви". Это была аристократія ума и даровитости. Ни малѣйшей роскоши; ничего пребтительнаго, смущающаго; ничего такого, что̀ принято называть кутейничествомъ. Рѣчь шла исключительно о предметахъ свѣтскихъ, но все какъ-то насквозь пропитано было живымъ и умнымъ благочестіемъ и обвѣвало собесѣдника чувствомъ спокойствія. Въ назиданіе сказано было вотъ что, и при томъ не прямо, а обращаясь къ третьему лицу, тутъ же

находившемуся: „Недавно Бодянскій въ своихъ „Чтеніяхъ“ напечаталъ про обстоятельство, воспрепятствовавшее Елисаветѣ Петровнѣ вступить на престолъ по кончинѣ императора Петра Втораго. Къ чему это? Вѣдь не всѣ же части нашего тѣла мы обнажаемъ“.

Въ числѣ людей, наиболѣе близкихъ къ Филарету, былъ историкъ-профессоръ Александръ Васильевичъ Горскій, впослѣдствіи ректоръ Московской Духовной Академіи. Изъ „Дневника“ его, недавно появившагося въ Прибавленіяхъ къ „Твореніямъ Святыхъ Отцевъ“, позволяемъ себѣ извлечь нѣкоторые разсказы митрополита. Что они записаны вѣрно, въ этомъ порукою сама удивительная личность Горскаго *). Вотъ нѣсколько строкъ, служащихъ какъ бы введеніемъ къ драгоцѣнному его дневнику.

«Душа, какъ воздухъ, вѣчно въ движеніи; какъ море вѣчно зыблется, каждые сутки—свой приливъ и отливъ мыслей и чувствованій. Каждое утро, едва открываю глаза мои, множество предметовъ, близъ меня находящихся и отдаленныхъ, относящихся къ моему долгу или пользѣ, важныхъ и незначительныхъ, втѣсняются неудержимо въ мою душу: это начало прилива. Онъ возрастаетъ съ теченіемъ дня; наконецъ, вся пустота души наполняется; каждая сила ея—волею и неволею—набирается этой соленой морской воды досыта; душа чувствуетъ свой грузъ, тяжесть и утомленіе; начинается отливъ,—обратное стремленіе, возвращеніе къ прежней точкѣ своего существованія: силы стягиваются къ своему центру, запасъ собирается и разлагается, душа въ покоѣ отвнѣ, дѣятельна внутри. Все ненужное для нея, во время сего успокоенія, исчезаетъ и изглаживается изъ ума и сердца; все подѣйствовавшее на нее съ силою укрѣпляется въ ея мысляхъ и чувствованіяхъ, подчиняетъ ближайшія къ себѣ изъ тѣхъ и другихъ, съ ними соединяется, такъ сказать, обрастаетъ ими и остается въ душѣ для дальнѣйшаго пребыванія и дѣйствованія. Не худо ловить нѣкоторыя струи (гдѣ видится что-либо полезное, и въ ихъ стремительномъ восхожденіи, и въ ихъ покойномъ отступленіи) устами Тантала-ума, и, пересмотрѣвъ, очистивъ, переработавъ, смѣшавъ съ другими бывшими въ запасѣ, сливать перомъ на бумагу».

Филаретъ съ любовью и уваженіемъ относился къ Горскому. Бесѣды ихъ, конечно, вращались преимущественно въ кругу дѣлъ академическихъ и церковныхъ. П. Б.

---

*) Біографія его, составленная графомъ Д. Н. Толстымъ, напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875 года (III, 472—476).

РАЗСКАЗЫ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

записанные А. В. Горскимъ.

18 Февраля 1848.

Разсказалъ объ оконченномъ только нынѣшній день первомъ отчетѣ за истекшій годъ по Московской епархіи. Это любопытно. Владыка разсказывалъ, что графъ Протасовъ между прочими записками изъ Святѣйшаго Синода сообщилъ ему и о надобности завести ежегодные отчеты Святѣйшему Синоду отъ епархіальныхъ архіереевъ по управленію (подобно представляемымъ губернаторами) и просилъ составить программу для нихъ. «Послѣ вторичнаго требованія въ Августѣ, говорилъ владыка, зная, что нынѣ мода на отчеты, я занялся этимъ дѣломъ и написалъ программу и при ней записку, въ которой объяснилъ, что Святѣйшему Синоду нужно знать обстоятельнѣе состояніе каждой епархіи, а каждому архіерею полезно, по истеченіи года, дать себѣ отчетъ въ томъ, что́ сдѣлано. Программу эту напечатали, а записку включили въ синодальный указъ, полученный въ Декабрѣ мѣсяцѣ къ исполненію за прошедшій годъ. Мои консисторскіе, прочитавъ указъ и сообразивъ съ программою, по трудности новаго дѣла говорили: кто-то это выдумалъ? и были не очень благодарны. Дѣло на первый разъ представляло много затрудненій, хотя я заблаговременно говорилъ секретарю, чтобы онъ готовилъ тѣ и другія справки. Множество хлопотъ предстояло отъ того, что справки оказывались не полны. Сегодня потребуешь дополненія, завтрашній день пройдетъ въ розысканіяхъ, приготовляется нужное только на третій день. Дѣло такимъ образомъ шло медленно и только нынѣ могло быть кончено». Все это пересказывалъ онъ не безъ примѣтнаго удовольствія.

*

23 Октября 1849.

«Кому у васъ грозилъ слѣпой отмщеніемъ Академіи за то, что его прозвали безбожникомъ?» *) Я отвѣчалъ, что это сказано было мнѣ. «А откуда онъ узналъ, что объ немъ такое мнѣніе?»—По его отзыву, отвѣчалъ я, онъ заключилъ объ этомъ съ вашихъ словъ въ бесѣдѣ

---

*) Говорится про извѣстнаго въ то время въ Москвѣ слѣпца Ширяева, который принятъ былъ во многихъ хорошихъ домахъ. Онъ издалъ свои записки о странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ.

съ нимъ. Владыка замѣтилъ: «Ну это еще ничего. Я не говорилъ ему того, а говорилъ только, что подробныя и обширныя познанія нужны не для всѣхъ, а нужны особенно для тѣхъ, кто поставленъ защищать истину, и кто не призванъ къ тому, долженъ болѣе заботиться о своемъ нравственномъ состояніи». Потомъ продолжалъ: «Извини меня предъ ректоромъ [1]); я не отвѣчалъ ему на письмо его объ этомъ. Некогда было. Но Академія, слава Богу, не такъ поставлена, чтобы могъ ей вредить какой-нибудь отзывъ слѣпаго. Ты принималъ его изъ человѣколюбія, прибавилъ еще владыка; но съ студентами зачѣмъ онъ знакомился? Къ нему ходили многіе». Я отвѣчалъ, что сначала возбуждало конечно многихъ любопытство, такъ какъ слѣпой до многихъ познаній дошелъ своимъ путемъ. «Не зналъ я слѣпаго, замѣтилъ владыка, съ которымъ бы знакомство не было впослѣдствіи тяжко. Господь не даромъ налагаетъ на нихъ Свою руку». Я сказалъ, что слѣпые, по признанію самого нашего знакомаго, презрительны по самому положенію своему въ обществѣ. «Нѣтъ, такое объясненіе, возразилъ владыка, было бы клеветою на Промыслъ Божій, подвергающій ихъ такому несчастію, какъ будто для того, чтобы они сдѣлались хулою».

*

Взявъ въ руки какую-то тетрадь, владыка началъ изъ нея читать, предваривъ словами: «Ты объ этомъ никому не скажешь, кромѣ ректора!» «Вышедшіе изъ духовнаго званія духовные воспитанники не могутъ съ пользою проходить должности наставниковъ при духовныхъ училищахъ: сами вышедши изъ духовнаго званія, они не станутъ внушать ученикамъ любви къ сему званію. Ослабѣвъ въ уваженіи къ Слову Божію, когда будутъ пользоваться при раскрытіи ученія другими доказательствами—разума, могутъ поколебать основаніе вѣры. И уже нѣкоторые играютъ въ карты и курятъ табакъ». Вотъ сущность прочтеннаго. Послѣ того владыка сказалъ: «Вотъ какъ внимательно смотрятъ за нами! А я могу сказать, что профессоръ Горскій въ Октябрѣ 1849 года явился курившимъ табакъ». Я долженъ былъ сознаться въ томъ. «Это мелочи; но читанное мною представлено было Государю, а объясненіе еще дойдетъ ли до его руки? Привыкши къ куренію въ свѣтскомъ званіи, трудно будетъ отстать отъ него и сдѣлавшись священникомъ». Потомъ сталъ онъ говорить о трудности перемѣнить привычку и въ примѣръ указалъ на преосвящен. Амвросія [2]), который, от-

---

[1]) Филаретомъ, впослѣдствіи архіепископомъ Черниговскимъ, обширная біографія котораго въ „Русскомъ Архивѣ" 1887 года.

[2]) Амвросій Протасовъ, архіепископъ Казанскій съ 1816 до 1826 года, потомъ Тверской. † 1831 года.

правляясь въ Казань, думалъ тамъ отстать отъ нюханія табаку, продалъ свою табакерку, но сталъ нюхать изъ книгъ; потомъ, видя, что только обманываетъ самъ себя, снова принялся за табакерку. О себѣ сказалъ владыка, что онъ пользовался табакомъ для нюханія только по случаю простуды глазъ и усиленныхъ занятій, и то не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, для возбужденія въ глазахъ влажности, такъ какъ они были сухи, и чувствительна была въ нихъ рѣзь. Замѣчая здѣсь объ этомъ, владыка милостиво сказалъ: «Впрочемъ ты не гнѣвайся на мое замѣчаніе. Надобно быть во всемъ осторожну: церковь наша точно воинствующая, отовсюду терпитъ нападенія, и можетъ быть это писано кѣмъ-нибудь изъ нашихъ ренегатовъ».

*

14 Ноября 1858.

Спросилъ я, кто занимался первымъ переводомъ Новаго Завѣта? Владыка сказалъ: «Евангеліе Іоанна переводилъ я, а прочихъ евангелистовъ переводили Моисей, Григорій, Кириллъ; только не помню, кто какого евангелиста. А въ комитетѣ разсматривали: Мисаилъ, Серафимъ, я, Поповъ, Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ». По этому случаю распространился владыка о Лабзинѣ. «Онъ былъ добрый человѣкъ, только съ нѣкоторыми особенностими въ мнѣніяхъ религіозныхъ. Издавалъ «Сіонскій Вѣстникъ» за свѣтскою цензурою (всѣ книги, впослѣдствіи запрещенныя и отобранныя, пропускалъ Тимковскій); обращали вниманіе на доброе, а дурное не всегда понимали. Мы ему говорили: сколько прекрасныхъ вещей, которыя бы можно было печатать съ пользою для другихъ, не касаясь этихъ особенностей! Но онъ отвѣчалъ: «всякая птица своимъ голосомъ Бога хвалитъ». Наконецъ изданіе остановилось. Лабзинъ принялъ это съ христіанскою покорностію. Потомъ разрѣшено было, но съ одобренія духовной цензуры. Александръ Ѳедоровичъ говорилъ: «врагамъ моимъ меня отдали». Изданіе не пошло.—Александръ Ѳедоровичъ былъ въ сношеніяхъ съ Татариновой *). Это была женщина занимательная. Она имѣла мужа въ арміи, и чтобы быть къ нему ближе, жила въ западныхъ губерніяхъ. Тамъ она познакомилась съ обществомъ скопческимъ; скопчество ей

*) Славная Екатерина Филипповна, урожд. (если не ошибаемся) Буксгевденъ, могила которой на Московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ еще не такъ давно посѣщалась уцѣлѣвшими ея поклонниками. Кончина сына-юноши и невозможность жить съ мужемъ (Иваномъ Михаиловичемъ, комендантомъ города Карлсруэ въ 1814 г. и за тѣмъ директоромъ Рязанской гимназіи; Александръ Павловичъ, проѣзжая Рязань, подолгу съ нимъ бесѣдовалъ) побудили ее искать удовлетворенія въ молитвенныхъ восторгахъ и круженіяхъ. Какъ и землячка ея, баронесса Криднеръ, Е. Ф. Татаринова дѣйствовала съ искреннимъ убѣжденіемъ. Мы бы желали имѣть портретъ ея. У кого искать? П. Б.

показалось мерзкимъ, а другихъ обрядовъ, какъ то круженій, она держалась. Она принадлежала къ протестантскому исповѣданію. Возвратившись въ Петербургъ, присоединилась къ православной церкви, и присоединеніе совершилось, странное дѣло, въ митрополичьей церкви! Князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ) къ ней ѣздилъ. Послѣ появился у нихъ какой-то пророкъ, изъ бѣдныхъ чиновниковъ, которому князь далъ ленту.—Лабзинъ былъ секретаремъ Академіи Художествъ; когда предложили ему о принятіи Аракчеева въ число почетныхъ членовъ Академіи и указывали, что Аракчеевъ близокъ къ Императору, Лабзинъ отвѣчалъ, что кучеръ царскій еще ближе, да не дѣлать же его членомъ Академіи!»

Затѣмъ владыка началъ говорить о митрополитѣ Амвросіи [1]) и между прочимъ разсказалъ: «Послѣ окончанія втораго курса прихожу я съ наставниками къ Амвросію, послѣ благодарственнаго молебна, чтобы принять благословеніе на отдыхъ. Онъ говоритъ мнѣ: «посмотри, что̀ я пишу». Онъ писалъ представленіе о томъ, чтобы меня сдѣлать епископомъ. Я отвѣчалъ: Если вы хотите имѣть меня орудіемъ своихъ дѣйствій, если я вамъ угоденъ, да будетъ воля ваша. Если же хотите наградить меня епископствомъ, то это не награда, а подвигъ; наградами же я почтенъ превыше моихъ заслугъ. «Но ужъ это не твое дѣло», сказалъ митрополитъ.—А какъ удалился митрополитъ Амвросій на покой, это немногіе знаютъ. Я былъ свидѣтелемъ многихъ событій, которыя не всѣмъ были доступны. И началъ было я писать записки о томъ, что̀ мнѣ было извѣстно, и написалъ порядочную тетрадь; но потомъ увидѣлъ, что мнѣ не все извѣстно,—и сожегъ. Митрополитъ Амвросій сталъ проситься на покой вслѣдствіе недовольства императора Александра на то, что онъ устроилъ себѣ ризницу, обшитую горностаемъ, изъ покрова, бывшаго на царской дочери [2]). Императоръ, узнавъ, что митрополитъ въ такомъ облаченіи ходилъ 6 Генваря на воду, приказалъ сказать, что горностай присвоенъ только лицамъ царской фамиліи, и что митрополиту онъ это прощаетъ только по его старости. Этотъ случай огорчилъ Амвросія, и онъ подалъ въ отставку. При удаленіи онъ потерпѣлъ въ Невской Лаврѣ такія же неудовольствія, какія Гавріилъ отъ него, какъ это видно по письмамъ Гавріила,

---

[1]) Когда пишущему эти строки случилось спросить Филарета о заслугахъ Петербургскаго митрополита Амвросія, онъ отвѣчалъ: „Въ царствованіе императора Павла грозили церкви большія опасности отъ причудливаго нрава этого государя; Амвросій умѣлъ отвращать эти опасности“. П. Б.

[2]) Обѣ дочери императора Александра Павловича, Марія и Елисавета, погребены не въ Петропавловской крѣпости, а въ Невской Лаврѣ (гдѣ, какъ извѣстно, живутъ Петербургскіе митрополиты). П. Б.

которыя самъ же Амвросій передалъ мнѣ и которыя хранятся въ Лаврѣ. Удаляясь въ Новгородъ, онъ хотѣлъ было взять съ собою нѣсколько портретовъ изъ своихъ келій, между прочимъ портретъ князя Голицына; но экономъ ему сказалъ: «портреты ваши, владыка святый, а рамки-то казенныя» *).

26 Генваря 1860.

Владыка началъ рѣчь о письмѣ Сперанскаго къ своей дочери на Рождество Христово, напечатанномъ Лонгиновымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Владыкѣ кажется, что Сперанскій не имѣлъ вѣры въ историческое явленіе Христа Спасителя, но имѣлъ какое-то идеальное христіанство. Это замѣчаніе было выведено изъ фразъ того письма, которыя, какъ мнѣ кажется, просто навѣяны были тогда модными книгами мистическими. Владыка же указывалъ еще на то, что будто Сперанскій находился въ сношеніяхъ съ Фесслеромъ, котораго и конспектъ, впослѣдствіи осужденный Св. Синодомъ, найденъ между бумагами Сперанскаго. Такова, т.-е. идеальная только, была вѣра и Императора Александра до 1812 года, прибавилъ владыка. Рѣчь склонилась къ тому, какъ обширно было вліяніе Фесслера на своихъ учениковъ. Владыка указалъ на одного изъ своихъ студентовъ, который вышелъ изъ Академіи безъ вѣры въ Искупителя, какъ Бога. Я ему, прибавилъ владыка, при окончаніи курса не посовѣтовалъ идти въ духовное званіе, и онъ дѣйствительно вышелъ въ свѣтское: теперь уже и умеръ. Это былъ человѣкъ не безъ ума, но гордый. Потомъ сталъ говорить о затруднительности положенія церкви въ то время. Митрополитъ Амвросій говорилъ, что, вступивъ на митрополію Новгородскую послѣ Гавріила, нашелъ въ Академіи очень много невѣровъ. Я думалъ сначала, прибавилъ владыка, что это было говорено по нѣкоторому раздѣленію между ними существовавшему, но впослѣдствіи и самъ въ томъ убѣдился; подтверждалъ то и Анатолій, впослѣдствіи преосвящ. Симбирскій, бывшій чѣмъ-то тогда въ С.-Петербургѣ. Преосвященный Амвросій чувствовалъ тяжесть своего положенія: онъ былъ не по душѣ партіи нецерковнаго направленія, во главѣ которой стоялъ Ѳеофилактъ, и которая всячески старалась его раздражить и довести до того, чтобы онъ хотя слово сказалъ о желаніи удалиться на покой. Но онъ стоялъ непреклонно. Владыка очень его за то благодарилъ, разсуждая, что церкви угрожало очень вредное направленіе, еслибы водворился на митрополію Ѳеофилактъ. «Не самъ я поставилъ себя, не могу

*) Этимъ напоминается случай съ портретами митрополитовъ Серафима и Филарета, находившимися во внутреннихъ компатахъ императрицы Александры Ѳеодоровны (которая обоихъ очень уважала). Во исполненіе посмертной воли ея, портреты были переданы въ Св. Синодъ, но безъ дорогихъ рамокъ. П. Б.

самъ себя и снять съ своего мѣста», говаривалъ старецъ, и только раздумывался крѣпко самъ съ собою. Случалось мнѣ, говорилъ владыка, приходя еженедѣльно съ донесеніями о благосостояніи по семинаріи, какъ инспектору, заставать его погруженнымъ въ такія размышленія и только сидящаго и вздыхающаго. Сдѣлаетъ вопросъ, два-три и замолчитъ: только сидитъ да вздыхаетъ. Такое положеніе мое было, говорилъ владыка, что готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Къ партіи Θеофилактовой принадлежалъ товарищъ владыки, Леонидъ, бывшій баккалавромъ въ Академіи по классу словесности, какъ видно, ревновавшій дарованіямъ новоприбывшаго Филарета и руководившійся духомъ Θеофилакта. Первую проповѣдь Филарета на Пасху онъ назвалъ одою; но митрополиту Амвросію она понравилась, и онъ, припомнивъ, что Филаретъ часто говорилъ проповѣди въ Лаврѣ, совѣтывалъ ему заниматься этимъ болѣе и здѣсь. Для этого самъ назначилъ ему и день и тему: Троицынъ день, о дѣйствіяхъ Св. Духа. «Я отказывался по трудности предмета, но митрополитъ сказалъ: напиши, какъ можешь. Я приготовилъ, представилъ ректору Сергію; тотъ, прочитавъ, послалъ меня съ нею къ митрополиту, который выслушалъ и приказалъ произнести въ церкви. Когда явился я въ соборъ Лаврскій и вошелъ въ алтарь, Θеофилактъ подозвалъ къ себѣ и спросилъ, не я ли проповѣдникъ нынѣ? Попросилъ прочитать и тутъ же прочиталъ ее. Въ свое время проповѣдь была произнесена. Послѣ обѣдни, жившіе въ Лаврѣ и служащіе, и нѣкоторые изъ свѣтскихъ, зашли къ митрополиту. Александръ Θедоровичъ Лабзинъ, между разговоромъ, почему-то привелъ въ подтвержденіе и слова слышанной имъ въ тотъ день проповѣди. При этомъ Θеофилактъ возразилъ: А чтó вы думаете? Нынѣшняя проповѣдь отзывается духомъ пантеизма.—Какъ пантеизма? спросилъ митрополитъ. Θеофилактъ не отказался отъ своего отзыва, и только по усиленному убѣжденію митрополита замолчалъ. Послѣ обѣда однакоже, когда гости пошли въ садъ, и ректоръ Сергій назвалъ проповѣдника пантеистомъ, онъ приступилъ къ нему и объяснилъ ему, что легко ему обижать молодаго человѣка безъ поддержки, безъ связи; но «прошу замѣтить, прибавилъ Филаретъ, что если пантеистъ я, то не одинъ: читалъ эту проповѣдь и митрополитъ, читали и вы; и такъ, мы всѣ трое будемъ пантеисты» (эта проповѣдь первая между напечатанными на Троицынъ день). Ректоръ Сергій передалъ объ этомъ разговорѣ митрополиту. Тотъ вытребовалъ проповѣдь къ себѣ и послалъ ее, съ самимъ же проповѣдникомъ, къ Меθодію Тверскому, тогда славившемуся и ученостію, и твердостію въ догматахъ церковныхъ. Тотъ письменно отозвался ми-

трополиту, что проповѣдь «достойна саповитаго наставника» и ничего противнаго православію не содержитъ. Послѣ того, начали толковать въ Синодѣ, чтобы проповѣдь напечатать. Брали ее на разсмотрѣніе и Голицынъ, и Сперанскій. И какъ всѣми она была одобрена, то и была напечатана. Послѣ этой исторіи митрополитъ Амвросій предложилъ Филарету приготовить на какой-нибудь день проповѣдь, которую могли бы слушать и Голицынъ со Сперанскимъ. Филаретъ написалъ; это была проповѣдь, помнится, на третье Воскресенье по Пятидесятницѣ, на текстъ: оброцы грѣха—смерть. И вскорѣ послѣ этого проповѣдникъ былъ высочайше награжденъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями.

«Ѳеофилактъ привлекалъ къ себѣ публику въ С.-Петербургѣ своими проповѣдями, которыя отличались странными особенностями. Напр. онъ въ проповѣди говорилъ о картинахъ, на которыхъ изображалась Божія Матерь, любилъ дѣлать намеки на современниковъ. Въ проповѣди на миръ, помнится, съ Швеціей приводилъ слова Іерем. 9, 23: мудрый да не хвалится мудростію своею и проч., дѣлая намеки на наши неудачи. Разсуждалъ въ проповѣдяхъ о политикѣ; разъ ввелъ въ свою проповѣдь изображеніе человѣка престарѣлаго, обремененнаго службою, изъ-за котораго управляетъ дѣлами молодой человѣкъ. «Этимъ, говорилъ владыка, намекалъ онъ на митрополита и на меня. Слухи объ этомъ ходили повсюду, такъ что я рѣшился объ этомъ донести митрополиту и указать ему способъ прекращенія такихъ проповѣдей на будущее время, именно напомнилъ ему 20 правило Вселенскаго Собора, которымъ воспрещается проповѣдывать въ чужой епархіи. Тотъ предложилъ это указаніе самому Ѳеофилакту въ Синодѣ, и Ѳеофилактъ въ самомъ дѣлѣ пересталъ проповѣдывать».

«Ѳеофилактъ былъ направленія слишкомъ свѣтскаго. Еще до поступленія моего въ ректоры Академіи, онъ началъ приготовлять къ изданію въ свѣтъ и уже печаталъ Эстетическія Разсужденія Ансильйона, которыя были переведены студентами Академіи. Мнѣ, говорилъ владыка, не хотѣлось, чтобы на нихъ стояло имя студентовъ: это была бы первая книга, первый плодъ Академіи преобразованной, и заключала бы въ себѣ такъ много несогласнаго съ направленіемъ, приличнымъ Духовной Академіи. Напр. тамъ есть разсужденіе о томъ, какъ христіанство возвысило достоинство женщины. Есть и другіе политическіе намеки. Я объяснилъ это митрополиту; тотъ говорилъ Ѳеофилакту. Ѳеофилактъ не соглашался оставить дѣло, не соглашался и выпустить его въ свѣтъ безъ имени студентовъ Академіи. Тогда я, доставъ листы, долженъ былъ написать на нихъ свои замѣчанія. Это

повело къ опроверженію ихъ съ противной стороны, и просто къ ругательствамъ на меня».

«А Ѳеофилактъ удерживалъ вліяніе на Академію потому, что взялъ на себя руководствовать классъ словесности въ новой Академіи, такъ что онъ пересматривалъ сочиненія студентовъ послѣ наставника. Когда ректоръ Сергій хотѣлъ было требовать отъ студентовъ, чтобы они по этому классу написали проповѣдь, то Леонидъ, по внушенію Ѳеофилакта, объяснилъ ректору: пусть напередъ читаетъ ихъ онъ, ректоръ, потомъ будетъ читать Леóнидъ, наконецъ Ѳеофилактъ. Ректоръ объявилъ, что этого онъ не допуститъ: прежде всѣхъ долженъ читать ихъ наставникъ, для цензурованія съ литературной стороны; потомъ ректоръ съ богословской стороны, а дальше, если хочетъ, Ѳеофилактъ. Но на это не согласились, и отъ того цѣлые два года студенты не писали проповѣдей».

«Ректоръ Сергій, человѣкъ честный, былъ искрененъ съ митрополитомъ, но не хотѣлъ и не могъ ссориться съ Ѳеофилактомъ, однако же тяготился своимъ отношеніемъ къ нему и называлъ его именемъ какого-то Французскаго епископа Бріенна, тогда извѣстнаго. Когда открылись вакансіи въ Тамбовѣ и Костромѣ, онъ сталъ проситься, чтобы перемѣнили его состояніе; митрополитъ предложилъ въ Синодѣ назначить ректора Академіи въ Кострому. Голицыну не хотѣлось этого, для того, чтобы Академіи дать болѣе созрѣть подъ начальствомъ одного начальника и чтобы болѣе успѣлъ приготовиться другой; однакоже онъ уступилъ настояніямъ митрополита. Въ ректоры Академіи митрополитъ назначилъ меня; Ѳеофилактова сторона—своего, Леонида. Правда, что мы оба были тогда недостойны и неготовы къ такой должности. Однакоже сдѣлали меня. Преосвященный Сергій, по рукоположеніи, утѣшая меня, говорилъ: «Увѣряю тебя, ты сбудешь этого Бріенна».—Гдѣ мнѣ сбыть? Хоть бы самого куда не заслали!—«Нѣтъ ты непремѣнно его сбудешь: я видѣлъ во снѣ. Онъ выѣдетъ въ Среду».

«Мое знакомство съ преосвященнымъ Ѳеофилактомъ началось такимъ образомъ. Въ 1809 году когда я пріѣхалъ, ректоръ Евграфъ повезъ меня къ нему. Тотъ спросилъ, чему я училъ? Я отвѣчалъ: философіи. Онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ экзаменъ; спросилъ, что̀ есть истина? Я, знакомый только со старыми Вольфіанскими и Лейбницевыми понятіями философскими, отвѣчалъ: истина логическая есть то-то, истина метафизическая—то-то. Ѳеофилактъ не удовольствовался, спросилъ, что́ есть истина вообще? Я затруднялся, не зналъ, что̀ отвѣчать. Спасибо ректору, онъ вывелъ изъ замѣшательства шуткою. «На этотъ

вопросъ, сказалъ онъ преосвящ. Ѳеофилакту, не далъ отвѣта и Христосъ Спаситель». Вопросы преосвящ. Ѳеофилакта перешли къ языкамъ. Узнавъ о знакомствѣ молодаго Филарета съ языками древними, Еврейскимъ, Греческимъ и Латинскимъ, онъ рекомендовалъ непремѣнно учиться и какому-нибудь изъ новыхъ, а въ особенности Французскому, увѣряя, что на немъ или пишутъ, или на него переводятъ все примѣчательное въ наукѣ. Это заставило владыку обратиться къ изученію Французскаго языка. Для первоначальнаго чтенія, послѣ ознакомленія съ грамматикою самоучкой, попались сочиненія Шведенборга, которыя, по странному сочетанію съ его направленіемъ, всѣмъ навязывалъ читать преосвященный Ѳеофилактъ.

«О Шведенборгѣ до того я зналъ только изъ сочиненія Канта, на Латинскій языкъ переведеннаго: «Критика чистаго разума», который переводъ однако крайне былъ неудовлетворителенъ: прочитаешь нѣсколько страницъ, и голова трещитъ. Тамъ есть глава: Somnia духовидцевъ и разсказы объ извѣстныхъ случаяхъ, въ которыхъ Шведенборгъ показалъ свое знаніе сокровеннаго: открылъ гдѣ найти платежную записку должника, что-то сообщилъ королевѣ Шведской и объявилъ о пожарѣ, въ то время происходившемъ гдѣ-то въ дальнемъ городѣ. Послѣ рекомендаціи Ѳеофилактовой читалъ я Шведенборговы чудеса на небѣ, адѣ и на землѣ. Впрочемъ немного имѣлъ терпѣнія для знакомства съ нимъ».

«Паденіе Ѳеофилакта началось съ того, что, послѣ 1812 года, его послали для обозрѣній епархій, подверженныхъ разрушенію непріятельскому. И онъ точно выѣхалъ въ Среду. Послѣ сего, хотя онъ и возвратился еще въ С.-Петербургъ, но уже не жилъ въ Лаврѣ (его не пустили), а на подворьѣ *), и менѣе пользовался вліяніемъ на дѣла. Въ Академіи замышлялъ онъ господствовать черезъ проектъ. Первая часть его о внутреннемъ управленіи была уже написана Сперанскимъ; во второй, подъ вліяніемъ Ѳеофилакта, было сказано, что внѣшнее академическое правленіе состоитъ изъ членовъ внутренняго и изъ членовъ конференціи. Никакого значенія не предоставлялось здѣсь митрополиту. При разсужденіи объ этомъ я старался показать нелѣпость такого порядка: какъ священники и архимандриты будутъ пересматривать архіерейскія рѣшенія! Леонидъ успокоивалъ, что все перемѣнится, только что Ѳеофилактъ сдѣлается митрополитомъ... Но я настоялъ, чтобы внѣшнее академическое правленіе было поставлено

*) Ѳеофилактъ былъ архіепископъ Рязанскій, но рѣдко бывалъ въ своей епархіи. П. Б.

въ должныя отношенія къ епархіальному преосвященному. Преосвященный Θеофилактъ былъ уже на епархіи. Вышла моя книга по церковно-библейской исторіи. Я рѣшился послать къ нему экземпляръ при письмѣ, въ которомъ объяснилъ, что этотъ трудъ начался тогда, когда еще онъ простиралъ свое вниманіе на Академію. Онъ отвѣчалъ благосклонно и прибавилъ, что между учеными лицами могутъ быть несогласія и споры, но ссоръ не должно быть.—Еще нѣчто о Сперанскомъ. Въ статьѣ Лонгинова владыка замѣтилъ ту вѣрную черту: Сперанскій любилъ слишкомъ симметрію. Созидая какой нибудь законъ, проектъ, онъ тотчасъ дробилъ предметъ, ставилъ точки и думалъ, что уже все сдѣлано, когда намѣтилъ главные пункты. О содержаніи мало заботился. Оттого законы его пусты содержаніемъ. Еще замѣтилъ: когда составлялъ Сводъ Законовъ, то разсылалъ во всѣ вѣдомства для просмотра, но въ Синодъ не присылалъ подлежащихъ частей, а нарочито укрывалъ ихъ отъ него. Оттого вышло, что нѣкоторые секретные законы о раскольникахъ, или лучше беззаконія, вошли въ Сводъ Законовъ. Или, изъ устава о попечительствахъ духовнаго званія, писаннаго владыкою, взяты не только поставленныя тамъ правила, но составлены особые пункты и изъ предварительной исторической части устава, гдѣ говорится о прежнихъ мѣрахъ къ содержанію бѣднаго духовенства. И это сдѣлано даже безъ соглашенія противорѣчій съ собственными правилами устава. Сперанскій самъ читалъ послѣднюю корректуру Свода Законовъ и этого не замѣтилъ!

*

27 Генваря 1860 г.

Вечеромъ, когда былъ я снова у владыки, почлѣ чаю, не принимаясь еще за работу, началъ онъ говорить о дѣлахъ, о которыхъ говорилъ вчера. «Да, сказалъ святитель, говоря вчера, забылъ я одно важное обстоятельство. Когда писалъ я замѣчанія на книгу, которую Θеофилактъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ отъ имени студентовъ Академіи, мое положеніе было дурно. За меня былъ только митрополитъ, но съ нимъ въ коммиссіи не было никого. Князь Голицынъ держался Θеофилакта; Сперанскій, посаженный въ коммиссію духовныхъ училищъ для организованія учебныхъ заведеній, видя, что князь пользуется особенною довѣренностію Государя, старался всячески быть съ нимъ въ согласіи. Оберъ-священникъ также. Сознавая это свое положеніе, я говорилъ Иннокентію: Вотъ каково мое положеніе! Вѣдь очень можетъ случиться, что меня отсюда выгонятъ.—«Что же, отвѣчалъ Иннокентій, лишь бы за правду».

Только, кажется, и хотѣлъ владыка сказать; ибо далѣе рѣчь шла хотя о тѣхъ же временахъ, но не въ непрерывной связи, безъ особенной намѣренности.

«Я уже былъ Московскимъ. Вышла книга о подражаніи младенчеству Іисуса Христа. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ прислалъ ее для распространенія. Но я, нашедши въ ней нѣкоторые католическіе обряды, рекомендуемые православнымъ, отказался ее распространять. Еще ранѣе напечатана была книга «о скопцахъ». Она была издана однимъ изъ членовъ Татариновскаго общества, но противъ физическаго скопленія, однакоже въ пользу общества. Тутъ говорилось «о живомъ словѣ», которое надлежало искать только въ ихъ обществѣ. Издана въ пользу бѣдныхъ. Князь прислалъ мнѣ ея 10 экземпляровъ для распространенія. Я заплатилъ 10 рублей, но отказался распространять ее и собственноручно написалъ князю, что не могу этого сдѣлать по такимъ-то и такимъ-то мѣстамъ, въ книгѣ находящимся. Князь былъ недоволенъ. При встрѣчѣ былъ холоденъ. Я объяснился, что, какъ церковный человѣкъ, не могъ я иначе поступить. Князь выразилъ: «Ну, одна часть хороша, другая не годится; вы бы исправили!» Я рѣшился такъ поступить, не снесшись тогда съ митрополитомъ Михаиломъ, потому что въ своихъ отношеніяхъ къ нему я мало былъ увѣренъ. Онъ, по вступленіи на митрополію, хотѣлъ меня послать въ Каменецъ-Подольскъ. Я говорилъ, что «еще нисколько не тягощусь своимъ положеніемъ (викарія), готовъ послужить въ этомъ званіи еще; но если ваше высокопреосвященство имѣете кого другаго въ виду и желаете меня отпустить отъ себя: для меня слишкомъ много того, что назначаете на второклассную епархію; я буду доволенъ и третьеклассною». Такъ онъ дѣло это и оставилъ. Но я все не былъ увѣренъ въ немъ. Послѣ однакоже я сообщилъ Михаилу, что̀ писалъ по дѣлу о той книжкѣ. Владыка Михаилъ отвѣчалъ, что и онъ далъ такой же отзывъ. А послѣ, когда сдѣлался я Московскимъ, въ Лаврѣ узналъ, что преосвященный Серафимъ велѣлъ читать эту книгу въ трапезѣ, во время стола!»

Сильная партія (Аракчеевъ и митрополитъ) рѣшилась низвергнуть князя А. Н. Голицына. Главнымъ дѣятелемъ былъ въ ней Магницкій. Когда Серафимъ поѣхалъ во дворецъ просить Государя объ удаленіи Голицына изъ оберъ-прокуроровъ, Магницкій не сходилъ съ дворцовой площади, чтобы видѣть, долго ли Серафимъ будетъ во дворцѣ, и повѣстить своихъ. И когда удалось имъ, Магницкій

пѣлъ молебны въ церкви подлѣ князя [1]). Хотѣлъ было потомъ идти, по прежнему, въ церковь князя, но не былъ туда допущенъ. Впрочемъ князь не помнилъ зла: впослѣдствіи этотъ самый Магницкій пользовался его благодѣяніями. Да и князь ничего не потерялъ въ довѣренности у Государя, не питалъ вражды противъ церкви. Долго онъ не сходился вмѣстѣ съ митрополитомъ; но разъ, когда пріѣхалъ въ С.-Петербургъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, и были всѣ трое во дворцѣ, князь Александръ Николаевичъ просилъ Сергія Михайловича помирить его съ митрополитомъ. Тотъ съ своей стороны отвѣчалъ, что не имѣетъ противъ князя никакой вражды. Тогда князь Александръ Николаевичъ подошелъ къ митрополиту, и съ той поры стали снова встрѣчаться свободно. И князь помогалъ потомъ церкви въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, напр. въ дѣлѣ о монашествѣ. «Безъ него едва ли бы мы устояли» [2]).

Князь Александръ Николаевичъ запретилъ сначала «Сіонскій Вѣстникъ» Лабзина, и самъ же потомъ, сдѣлавшись болѣе внимательнымъ къ религіи, выхлопоталъ ему орденъ и возобновленіе журнала. Но Иннокентій возставалъ противъ первой книжки этого журнала; онъ написалъ къ князю письмо, въ которомъ говорилъ: вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее. Меня, говорилъ владыка, въ ту пору не было въ С.-Петербургѣ: я былъ въ объѣздѣ для обозрѣнія семинарій. Князь Голицынъ пріѣхалъ къ митрополиту съ письмомъ Иннокентія. Митрополитъ призвалъ къ себѣ Иннокентія. Тотъ отвѣчалъ, что дѣйствуетъ по сознанію справедливости. Митрополитъ успѣлъ однакоже увѣрить его, что нужно особенное для того призваніе и заставилъ съѣздить къ князю съ извиненіемъ.

*

Въ 1818 году представлена была въ цензуру книга Станевича: Бесѣды на гробѣ младенца. Здѣсь и Фенелонъ былъ названъ «свѣтлымъ зміемъ» и противъ Дютуа «Божественная Философія» были нападенія; между тѣмъ эта послѣдняя книга тогда переводилась и печаталась на счетъ Государя, или на счетъ Голицына, прибавилъ владыка, не помню. Съ

---

[1]) Т. е. конечно въ домовой церкви нынѣшняго дома корпуса жандармовъ, по Фонтанкѣ, почти рядомъ съ домомъ министра двора, гдѣ жилъ князь А. Н. Голицынъ и гдѣ досслѣ устроенная имъ домовая церковь. Первый изъ этихъ домовъ въ то время принадлежалъ графу В. П. Кочубею. П. Б.

[2]) Митрополитъ Филаретъ впослѣдствіи называлъ князя А. Н. Голицына своимъ благодѣтелемъ. Его потретъ находился у него въ гостинной, въ видѣ прозрачнаго зонтика на подсвѣчникѣ. П. Б.

этимъ Станевичемъ видѣлся я разъ у Иннокентія. Бесѣдовали они о чистой любви; Станевичъ отвергалъ ее и говорилъ: я готовъ идти въ Сибирь, только бы запрещено было это ученіе. Я ему сказалъ: вотъ вы, жертвуя собою ученію, дѣйствуете именно по чистой любви, которую отвергаете. Книга была напечатана, и мнѣ доставленъ экземпляръ предъ святками. Только на праздникѣ вдругъ является курьеръ отъ Голицына; спрашиваетъ о книжкѣ. Я отвѣчалъ, что кажется не важная, пустая. Нѣтъ, говоритъ, этого мало: въ ней то-то и то-то. Не знаю, кто читалъ книгу; въ ней загнуто много листовъ. Я прошу позволенія: дайте, говорю, время; мы посмотримъ, нельзя ли дѣло поправить. Объявляю о тревогѣ Иннокентію. Онъ ничего не безпокоится: «лишь бы, говоритъ, за правду». Объясняю митрополиту, представивъ ему экземпляръ книги, прошу прочитать и сказать, что найдетъ нужнымъ замѣтить... Митрополитъ согласился. Но проходитъ день, другой: ничего не читано. Наконецъ, я попросилъ позволенія самъ читать ему. Онъ началъ непрестанно возражать: это не годится, другое не годится. Нѣтъ, говорю я, такъ нельзя; если такъ, то надобно будетъ перепечатать съ половину книги. Между тѣмъ какъ мы совѣщались какъ поправить дѣло, вышло запрещеніе на книгу. Узнали мы объ этомъ въ Крещеніе во дворцѣ. Тогда стали искать мѣста Иннокентію. Назначили его въ Оренбургъ. Но еще до его отъѣзда изъ С.-Петербурга, открылась вакансія въ Пензѣ. Сталъ говорить митрополитъ, чтобы перемѣстить Иннокентія сюда; но князь Голицынъ, можетъ быть по раздраженію противъ него, отвѣчалъ, что еще не бывало примѣра, когда бы епископа, еще не прибывшаго на епархію, перемѣщали на другую. Но митрополитъ самъ выпросилъ у Государя дать Иннокентію другое назначеніе. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ чрезъ Софью Мещерскую, женщину благочестивую, которая была близка къ Государю.

«Серафимъ говаривалъ, что, отправляясь въ С.-Петербургъ на митрополію, думалъ провести тамъ не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ и проситься на покой. И каждый разъ, какъ я уѣзжалъ въ Москву, прощался со мною, какъ бы на всегда».

*

Выше Филаретъ самъ свидѣтельствуетъ что онъ велъ записки о многихъ событіяхъ, которыя не всѣмъ были доступны и написалъ цѣлую тетрадь ихъ, но что сжегъ ее, увидавъ, что „не все было ему извѣстно“. Мы въ правѣ предположить, что тутъ описано было и главное политическое дѣло, въ которомъ принималъ онъ участіе, именно завѣщаніе императора Александра Павловича съ предоставленіемъ Русскаго престола

Николаю Павловичу. Упоминаемое сожженіе могло относиться къ 1826 году, подъ грозою тогдашнихъ событій, когда погибли и записки А. С. Пушкина. Позднѣе, въ 1849 году, по вызову покойнаго Александра Николаевича, онъ написалъ съ памяти о своей дѣятельности того времени, и поступилъ при этомъ съ неподражаемою осторожностью. Все это могло бы быть предметомъ особаго любопытнаго изслѣдованія на основаніи данныхъ, напечатанныхъ въ разныхъ годахъ „Русскаго Архива“.

Наступитъ время, когда выступятъ на свѣтъ новыя историческія показанія, и разслѣдуется въ подробностяхъ Филаретъ, какъ гражданинъ. Изъ печатныхъ произведеній его, расположенныхъ въ послѣднемъ превосходномъ изданіи ихъ въ порядкѣ хронологическомъ, легко составить статью „Филаретъ какъ лѣтописецъ“. Многія его проповѣди и привѣтственныя рѣчи, какъ нѣкогда оды Державина, полны намековъ политическихъ и богаты характеристикою событій. Такова, напримѣръ, рѣчь его Николаю Павловичу по возвращеніи его изъ Закавказскаго путешествія въ 1837 году: „Ты перешелъ горы и горы отнялъ отъ нашихъ сердецъ, озабоченныхъ трудностями твоихъ исполинскихъ путей по землямъ и морямъ твоей исполинской державы. Но конецъ заботливымъ помысламъ; осталось съ удивленіемъ радоваться. Давно ли ты стоялъ на брегѣ Невы, и подъ собственными глазами твоими созданный корабль собственнымъ мановеніемъ устремлялъ въ воды западныхъ морей? И уже ты приходишь къ намъ изъ того восточнаго края, гдѣ дальновидный Петръ едва успѣлъ поставить стопу ноги и гдѣ ты твердо и обширно владычествуешь. Тамъ горы, освященныя Апостоломъ Россіи, смирялись подъ твоими колѣнопреклоненіями предъ древнею святынею. Тамъ поля Вознесенскія содрагались, тамъ волны Черноморскія трепетали отъ твоихъ громовъ мирныхъ, но сильныхъ, какъ бранные мирныхъ, но тѣмъ не менѣе побѣдоносныхъ: ибо твоимъ предупредительно-благоустроеннымъ воинствомъ и среди мира ты непрестанно побѣждаешь и низлагаешь если не враговъ, то самый духъ вражды и тревоги, который привыкъ было колебать Европу. Приди, много ради насъ подвизающемуся духу твоему дай опочить—на нашихъ сердцахъ“.

Но тотъ ошибется, кто вздумаетъ видѣть въ Филаретѣ преимущественно дѣятеля государственнаго: онъ прежде всего былъ инокъ и пастырь церкви. Эта вѣрность своему призванію и сообщала силу его дѣйствіямъ и на другихъ поприщахъ. П. Б.

ПИСЬМО АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА КЪ ОДНОМУ ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ НАШЕГО ПОСОЛЬСТВА ВЪ ГРЕЦІИ.

Любезный другъ.

Поспѣшаю отвѣчать на дружеское твое письмо и утѣшить тѣмъ извѣстіемъ, что митрополитъ Московскій принялъ участіе въ твоей просьбѣ и пошлетъ тебѣ всю утварь для церкви. Въ первыхъ числахъ Сентября она будетъ отправлена въ Одессу къ почетному гражданину Новикову съ просьбою къ тебѣ отправить. Это не первая и не единственная церковь, на которую щедро сыплетъ рука владыки. До войны онъ послалъ 50 облаченій въ Грецію и одно Коринѳскому архіерею, сосуды и одежды въ новую церковь святаго Іоанна въ Аѳинахъ, сосуды, лампады и покровъ въ Патрасъ. Мнѣ представляется (а не ему, ибо онъ выше сего), что прилично бы было королю украсить его орденомъ Спасителя, который данъ былъ и покойному Иннокентію. Кончина сего послѣдняго незамѣнима, увы, для Грековъ и Болгаръ!

Что касается до вопроса о смѣшанныхъ бракахъ, то я спрашивалъ о томъ единственный нашъ свѣтильникъ, владыку Московскаго. Онъ отвѣчалъ: въ соборныхъ правилахъ существуетъ только для священно-служителей прямое запрещеніе вступать въ бракъ съ иновѣрными, а о мірянахъ умолчано; на этомъ основаніи у насъ разрѣшаются такіе браки, но съ условіемъ, чтобы дѣти были православные, и это обязательство сохраняетъ вѣру. Касательно же самихъ супруговъ можно вспомнить слова Апостола Павла, что мужъ невѣрный можетъ спастися женою вѣрною, хотя это относилось къ бракамъ уже совершеннымъ; однако нынѣшнія тяжкія времена болѣе требуютъ снисходительности.

Прилагаемое письмо прошу передать вдовѣ Вальяно, но ходатайство мое о ней не будетъ дѣйствительно: Мальцовъ только шутитъ и балагуритъ; онъ прекрасно пишетъ депеши, но дѣлъ вовсе не разумѣетъ, а князь *) болѣе занятъ западными дѣлами, нежели восточными,

---

*) Т. е. князь Горчаковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ.

и я съ нимъ не вижусь; если твое не подѣйствуетъ, то мое и подавно. Болѣе года хлопоталъ я о пособіи Вальяно и ничего не сдѣлалъ. Огорчаетъ эта совершенная апатія и неразумѣніе православнаго вопроса на Востокѣ.

Впрочемъ пропаганда Римская хотя и сильна деньгами, но слабѣетъ нравственно, какъ это видно въ Египтѣ и Сиріи, гдѣ такъ много обратилось Уніатовъ. Новый догматъ о Матери Божіей и новый календарь много ей повредили. Я готовлю вторую обличительную книжку на Французскомъ противъ Римлянъ. За первую меня искренно благодарилъ патріархъ Константій; а нашъ Парижскій священникъ, бывшій теперь въ Москвѣ, говорилъ, что она произвела сильное впечатлѣніе въ Парижѣ. И такъ надобно распространить ее и въ Греціи, а ты вѣроятно ея и не прочелъ, хотя я далъ тебѣ книгу сію при отъѣздѣ. Хлопочи о томъ, чтобы она переведена была на Греческомъ, а равно и Житія Святыхъ, и выдавай хотя немного денегъ ежегодно изъ вашей суммы; ибо это дѣло вмѣстѣ и церковное, и политическое.

Прости, обнимаю тебя мысленно и желаю тебѣ всякаго успѣха; а что тебя любятъ и чрезъ тебя уважаютъ Россію, это весьма естественно. Можетъ быть, я тебя увижу еще въ Аѳинахъ; потому что, если Богъ благословитъ, я имѣю намѣреніе, будущей весной, ѣхать по Славянскимъ землямъ, во Францію, Италію и на обратномъ пути, зимою, быть въ Греціи и Константинополѣ. И такъ, быть можетъ, до свиданія; но до того времени, я надѣюсь, мы еще много разъ и очень часто будемъ писать о дѣлахъ церковныхъ, насъ взаимно занимающихъ.

Преданный тебѣ

А. Муравьевъ.

Москва,
22 Августа 1857.

СЛУЧАЙ СКОРАГО СУДА ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Однажды въ Петербургѣ, подъ аркою Главнаго Штаба, съ однимъ ѣхавшимъ впереди экипажемъ что-то случилось, такъ что должны были остановиться и всѣ слѣдовавшіе за нимъ. Позади всѣхъ остановившихся экипажей были дрожки, на которыхъ сидѣлъ священникъ. Подъѣзжаетъ на рѣзвомъ конѣ молодой корнетъ или юнкеръ и кричитъ: батюшка, погоняй! Священникъ отвѣчаетъ: мнѣ самому нужно спѣшить, но не могу; впереди насъ что-то случилось, а въ сторону своротить не куда. Молодой человѣкъ повторяетъ приказаніе: погоняй! съ прибавленіемъ разныхъ красныхъ словъ; но дрожки со священникомъ, по той же причинѣ, впередъ не двигаются. Но вотъ прорѣдѣли экипажи ѣдущихъ насупротивъ; разгорячившійся молодой человѣкъ объѣзжаетъ дрожки и ударяетъ священника хлыстомъ. Наконецъ экипажи тронулись; поѣхалъ и священникъ. Его призывали напутствовать умирающаго. Исполнивъ свою обязанность, онъ ѣдитъ во дворецъ и проситъ доложить о себѣ Государю. Священникъ является предъ великимъ самодержцемъ Русской земли и говоритъ: Ваше Императорское Величество! На груди моей ковчегъ со Св. Дарами; я ѣхалъ напутствовать умирающаго, и меня подъ аркою Главнаго Штаба какой-то молодой человѣкъ, выбранивши, ударилъ хлыстомъ безъ всякой вины съ моей стороны.

Священникъ разсказалъ, какъ было дѣло.

— Ты не знаешь, кто этотъ молодой человѣкъ?

— Знаю, Государь, это сынъ графа К. (занимавшаго въ то время одно изъ высшихъ государственныхъ мѣстъ).

— Ну иди съ Богомъ. Я накажу этого повѣсу.

Призываетъ Государь отца виновника, разсказываетъ ему исторію и спрашиваетъ: что̀ бы ты сдѣлалъ съ такимъ негодяемъ?

— Въ Сибирь, батушка; намъ такихъ не нужно; въ Сибирь!

— Но вѣдь это твой сынъ.

— Мнѣ, батушка, такихъ дѣтей не нужно; въ Сибирь и въ Сибирь!

— Я такого же мнѣнія, сказалъ Государь; такіе люди дѣйствительно намъ не годятся, но не слишкомъ ли строго мы накажемъ молодаго человѣка? Подумай!

— Я уже подумалъ, батушка Государь: въ Сибирь!

Приходитъ отецъ домой и объявляетъ сыну, что онъ по высочайшей и по его отцовской волѣ ссылается за такой-то проступокъ въ Сибирь.

Узнавъ объ этомъ, оскорбленный служитель Олтаря Господня вторично идетъ къ Государю и проситъ о милости. Государь отвѣчаетъ, что нельзя оставить безнаказаннымъ такой проступокъ.

— Мы и взрослые не безъ проступковъ, говоритъ священникъ; но молодость, Государь, легче поддается желаніямъ злой воли.

— Такъ по твоему, спрашиваетъ Государь, простить?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ священникъ, не простить, но не губить молодаго человѣка. Для этого есть такъ называемыя отеческія наказанія.

— Понимаю! Приди сюда въ такой-то день и часъ.

Является священникъ въ назначенное время; являются туда и отецъ-сановникъ съ провинившимся сыномъ.

— Вотъ, говоритъ Государь, обращаясь къ отцу виновнаго, батюшка проситъ не наказывать такъ строго твоего сына, а ограничиться однимъ отеческимъ наказаніемъ.

— Я и на это согласенъ, батюшка Царь.

И съ общаго согласія трехъ отцевъ: отца отечества, отца роднаго и отца духовнаго, молодой человѣкъ высѣченъ розгами.

— Какъ высѣченъ? Ради формы только, или?... На этотъ вопросъ мой собесѣдникъ (родной братъ потерпѣвшаго наказаніе въ Зимнемъ дворцѣ, человѣкъ вполнѣ правдивый) не могъ мнѣ отвѣчать, а только сказалъ: императоръ Николай Павловичъ шутить въ важныхъ дѣлахъ не любилъ; онъ былъ въ высшей степени великодушенъ, умѣлъ прощать; но если кого наказывалъ, то не для формы.

Такія-то, воскликнетъ иной читатель, были варварскія времена! Можетъ ли подобное наказаніе назваться отеческимъ? Пусть бы этотъ молодой человѣкъ судился теперь, и навѣрное необдуманный поступокъ его не былъ бы поставленъ ему въ вину.

Имѣя на плечахъ сѣдую голову, не возражаю (да оно и неумѣстно здѣсь) такому мнѣнію, а скажу только, что не разъ приходилось мнѣ видить горькія слезы отцовъ и матерей, дѣти которыхъ были исключены изъ учебнаго заведенія за какой-нибудь проступокъ, и слышать, среди этихъ слезъ, слова: Лучше бы хорошенько высѣчь, чѣмъ губить неразумную молодость на всю жизнь!

Ив. Палимпсестовъ.

24 Октября 1888.

О ЖЕЛАНІЯХЪ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА

во время освобожденія крестьянъ

съ запиской камергера М. А. Безобразова.

1859.

1859-й годъ можно считать началомъ осуществленія великой реформы минувшаго царствованія — освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Уже къ веснѣ этого года были внесены на разсмотрѣніе высшаго правительства проекты освобожденія крестьянъ отъ многихъ губернскихъ комитетовъ (учрежденныхъ высочайшими рескриптами съ 20 Ноября 1857 года, вслѣдствіе всеподданнѣйшихъ адресовъ дворянства всѣхъ губерній, въ коихъ оно изъявляло свою преданность престолу и единодушную готовность дать безвозмездно личную свободу своимъ крестьянамъ), а къ осени того же 1859-го года высочайше учрежденныя, для составленія общаго положенія объ освобожденіи крестьянъ, Редакціонныя Коммиссіи составили свой проектъ, такъ сказать, еще вчернѣ, и первые три тома ихъ печатныхъ трудовъ, подъ заглавіемъ „Матеріаловъ", были поднесены Государю 8 Сентября предсѣдателемъ Коммиссій, генералъ-адъютантомъ Ростовцовымъ.

Труды Коммиссій, по мѣрѣ ихъ разработки, разсылались съ самаго начала въ печатныхъ листахъ во всѣ губерніи и дѣлались такимъ образомъ извѣстными по всей Россіи.

При томъ направленіи дѣла, которое уже тогда оно принимало, дворянство почувствовало, что, съ полной свободою крестьянъ и совершенной ихъ независимостью отъ помѣщика, оно не можетъ удержать своего первенствующаго положенія въ государствѣ какъ сословіе, ибо теряло свою единственную привиллегію—владѣть населенными имѣніями; а исключительно служилымъ сословіемъ оно уже не могло считаться со времени указа Петра III, снявшаго съ него повинность обязательной службы и предоставившаго ему въ этомъ отношеніи свободу. Поэтому вліятельная часть дворянства была прежде всего озабочена пріобрѣтеніемъ какихъ бы то ни было особыхъ преимуществъ предъ другими сословіями, лишь бы сохранить за собой выдающееся положеніе; а такъ какъ издавна высшіе слои нашего общества привыкли къ увлеченіямъ чужими идеалами и къ преклоненію предъ западно-европейскою культурой и тамошними государ-

ственными и гражданскими учрежденіями: то иные видѣли обезпеченіе дворянскаго сословія въ такъ называемой патримоніальной юрисдикціи, т. е. въ правѣ суда надъ бывшими ихъ крестьянами. Но такого суда и прежде, при крѣпостномъ состояніи, у насъ не существовало: въ уголовныхъ дѣлахъ помѣщичьи крестьяне подлежали общему для всѣхъ сословій уголовному суду; въ гражданскомъ же судѣ они и не нуждались вовсе, не имѣя никакой собственности и принадлежа всецѣло, съ ихъ имуществомъ, своимъ помѣщикамъ; въ домашнихъ спорахъ между собою и обидахъ одинъ другому наносимыхъ (не подвѣдомыхъ суду правительства) у значительнаго числа помѣщиковъ они разбирались міромъ, а у крупныхъ владѣльцевъ, въ мелочи управленія своими крестьянами не входившихъ, рѣшителями судебъ были не рѣдко управляющіе, по большей части иностранцы. Мысль о патримоніальной юрисдикціи и подала впослѣдствіи поводъ къ учрежденію у насъ почетныхъ мировыхъ судей. Предполагалось, что всѣ помѣщики ухватятся за эту почетную должность, чтобъ сдѣлаться какъ бы начальниками въ своихъ бывшихъ имѣніяхъ и помѣстьяхъ, и что къ нимъ преимущественно будутъ обращаться для разбирательства крестьяне; однако это учрежденіе не повело къ достиженію желанной цѣли.

Многіе находили поддержку дворянства и въ томъ, чтобы крестьяне были поставлены въ такія поземельныя отношенія къ помѣщикамъ, при которыхъ они оставались бы у нихъ въ нѣкоторой, хотя и не прежней, зависимости. Иные вліятельные охранители дворянскихъ преимуществъ искали вознагражденія за утрачиваемыя тогда права въ укрѣпленіи дворянства какъ служилаго сословія, съ предоставленіемъ ему исключительнаго и постояннаго участія въ законодательныхъ и важнѣйшихъ дѣлахъ государства. Нѣкоторымъ это представлялось въ формѣ западно-европейскихъ конституцій аристократическаго, или, по нашему строю правленія, олигархическаго характера. Эти-то мечтанія обратились позднѣе, при послѣдующихъ реформахъ минувшаго царствованія, у многихъ дѣятелей въ конституціонныя вожделѣнія, но уже демократическаго свойства; потому что они захватили собою и людей другихъ сословій, примыкавшихъ тогда къ нашей такъ называемой интеллигенціи.

Въ Августѣ 1859 года стали собираться въ Петербургъ депутаты перваго призыва. Пріемъ ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (который не позаботился сначала о представленіи ихъ Государю), обманулъ ихъ ожиданія; а приглашеніе ихъ 25 Августа въ Редакціонныя Коммиссіи, для прочтенія имъ особой инструкціи, высочайше утвержденной 11-го Августа того же года, съ вопросами, на которые они должны были отвѣчать (депутаты каждаго губернскаго комитета отдѣльно) возбудило ихъ явное неудовольствіе, вслѣдствіе чего они поспѣшили присоединиться къ желавшимъ укрѣпить расшатывавшееся положеніе дворянства и стали принимать участіе въ негласныхъ собраніяхъ, между прочимъ у тогдашняго С.-Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, для совѣщаній о томъ, ка-

кія новыя льготы благовременно было бы испросить у верховной власти въ замѣнъ утрачиваемыхъ правъ, которыми исключительно пользовалось дворянство. Но эти совѣщанія ни къ чему опредѣленному не приводили и остались безъ результатовъ.

Самымъ убѣжденнымъ и смѣлымъ защитникомъ дворянства явился въ то время бывшій впослѣдствіи С.-Петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ званіи камергера, нынѣ покойный, Михаилъ Александровичъ Безобразовъ, племянникъ князя А. Ѳ. Орлова, сынъ бывшаго извѣстнаго сенатора Александра Михаиловича Безобразова (слѣды дѣятельности котораго не изгладились еще и нынѣ въ Ярославской губерніи, гдѣ онъ оставилъ по себѣ почетную память, когда былъ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія тамошнимъ гражданскимъ губернаторомъ).

М. А. Безобразовъ составилъ въ защиту дворянскаго сословія записку объ историческомъ значеніи Русскаго дворянства и о томъ положеніи, которое, по его мнѣнію, оно должно было бы занимать на поприщѣ государственной дѣятельности и въ совѣтѣ монарха. Эта записка была представлена на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя Императора бывшимъ тогда шефомъ жандармовъ, Василіемъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, и на поляхъ ея сдѣланы были Государемъ собственноручныя отмѣтки; а затѣмъ было повелѣно обсудить эту записку въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, вслѣдствіе заключенія котораго Михаилъ Александровичъ Безобразовъ былъ временно удаленъ въ свои имѣнія, на заводы въ Пермской губерніи, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

Печатаемая записка представляетъ, по воззрѣніямъ на нее Государя, драгоцѣнный и характерный документъ для исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Николай Семеновъ *).

19 Октября 1888 года.

---

*) Сенаторъ Николай Петровичъ Семеновъ, многоуважаемый историкъ великаго дѣла раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи, помѣщавшій уже нѣсколько разъ статьи свои по этому предмету въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и „Русскомъ Архивѣ", имѣетъ особое разрѣшеніе на изданіе въ свѣтъ собранныхъ имъ матеріаловъ. П. Б.

ЗАПИСКА М. А. БЕЗОБРАЗОВА *).

Государь Императоръ повелѣть соизволилъ собрать по два депутата отъ губернскихъ комитетовъ *для окончательнаго разсмотрѣнія положенія объ устройствѣ быта крестьянъ.*

„НЕ ДЛЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАГО РАЗСМОТРѢНІЯ, А ДЛЯ НУЖНЫХЪ ПОЯСНЕНІЙ И ПРИМѢНЕНІЯ ОБЩИХЪ НАЧАЛЪ КЪ ЧАСТНЫМЪ МѢСТНОСТЯМЪ“.

Его Величеству угодно было объявить лично дворянству о сей волѣ, и она приведена была во всенародное свѣдѣніе. Здѣсь нѣтъ надобности указывать, кто и для чего хотѣлъ увѣрить, что опасно собрать депутатовъ отъ дворянства. Признали неопаснымъ нарушать высочайшее повелѣніе, ронять достоинство верховной власти, оскорблять высшее, образованнѣйшее въ государствѣ сословіе, выставлять правительство въ глазахъ народа какимъ-то игралищемъ случайностей; а нашли очень опаснымъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ людьми, которые, можетъ быть, скажутъ правду. Въ слѣдствіе такого соображенія придумали: 1) депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ не допускать и 2) подъ именемъ ихъ, вытребовать депутатовъ отъ разныхъ мнѣній, какія въ комитетахъ образовались, для объясненія будто бы этихъ мнѣній.

Такимъ образомъ достигали разомъ до уничтоженія значенія депутатовъ, сохраняя однако ихъ названіе и тѣмъ полагая маскировать дѣйствительное нарушеніе высочайшей воли, лично Государемъ объявленной.

„ВЗДОРЪ“.

Комитеты, между тѣмъ, на основаніи упомянутой высочайшей воли, выбрали по два депутата. Тогда административная власть распорядилась откинуть по одному изъ нихъ и взамѣнъ устраненныхъ прислать представителей разныхъ мнѣній меньшинства подъ предлогомъ, чтобы всѣ мнѣнія имѣли своихъ объяснителей.

---

*) Отмѣтки Государя Императора Александра Николаевича на поляхъ этой записки напечатаны здѣсь крупными буквами; а слова и строки записки, подчеркнутыя въ подлинникѣ карандашемъ рукою Его Величества, напечатаны курсивомъ. П. Б.

Такъ называемыхъ депутатовъ отъ меньшинства назначали въ большей части случаевъ губернаторы, и вышло, что, вмѣсто депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, явились члены засѣдавшіе въ комитетахъ отъ правительства, какъ то гг. Ланской, Кошелевъ, Гавриловъ, Тиховидовъ и другіе, т. е. такія лица, которыя обязаны имѣть мнѣнія, согласныя съ мнѣніемъ Земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Присланы тоже губернаторами нѣкоторые депутаты, которыхъ бы комитеты никогда не подумали выбрать; другіе представившіе одно свое личное мнѣніе, комитетами непринятое въ уваженіе, присланы представителями одиночныхъ своихъ мнѣній. Такихъ произвольно набранныхъ явилось столько же, если не болѣе, чѣмъ настоящихъ депутатовъ отъ комитетовъ.

Очевидно, что депутаты присланы не отъ дворянства, и даже не отъ губернскихъ комитетовъ, а отъ мѣстныхъ властей, въ угодность властямъ центральнымъ. Присланныхъ продолжаютъ величать депутатами отъ дворянскихъ комитетовъ, думая тѣмъ скрыть сдѣланный подмѣнъ. Въ дѣйствительности же собраніе это есть разнородное сборище..... назовите какъ угодно..... но не собраніе депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ. Для бо́льшаго ручательства въ ничтожествѣ этого сборища, положено созвать его одновременно изъ нѣсколькихъ только губерній, и то по усмотрѣнію Редакціонной Коммиссіи, которая, неизвѣстно на какомъ основаніи, сдѣлалась распорядительницею судьбы депутатовъ, *предназначавшихся прежде къ поступленію въ составъ Главнаго Комитета.*

„Никогда“.

По пріѣздѣ депутатовъ замѣчено было между тѣми изъ нихъ, которые могли быть настоящими депутатами отъ комитетовъ, нѣкоторые признаки жизни. Немедленно рѣшено было ихъ вырвать съ корня.

Говорятъ, будто представленъ былъ всеподданнѣйшій докладъ, въ коемъ возводилось на наше по сіе время безусловно-покорное дворянство обвиненіе въ какихъ-то замыслахъ, и тутъ же выпрошено высочайшее повелѣніе, давшее возможность достигнуть преднамѣреннаго истребленія наималѣйшей искры сознанія обязанностей дворянства. Говорятъ также, что распространившаяся мысль о поднесеніи Государю общаго отъ дворянства адреса, имѣвшаго цѣлью высказать, что въ Царѣ и у Царя дворянство должно себѣ искать защиты отъ притѣсненій и оскорбленій, была перетолкована въ такомъ смыслѣ, что будто въ сей мысли заключается угроза, и тогда же приняты мѣры съ цѣлью показать пренебреженіе къ такой угрозѣ.

Послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія.

Собранные для составленія адреса матеріалы заключаютъ въ себѣ прямое обличеніе нарушителей государственнаго порядка и безопасности, *съ полнымъ выраженіемъ чувства преданности къ Государю.*

„Т. е. личны“.

Угрозы ни явной, ни подразумѣваемой здѣсь нѣтъ. Казалось бы, что если обличаемые передъ Государемъ въ поступкахъ и направленіяхъ, вредныхъ для общественной безопасности, пренебрегаютъ обличеніями, будучи увѣрены въ своей силѣ, то и не слѣдовало бы имъ принимать мѣръ противу такого обвиненія. Какая бы ни была причина, дѣйствителенъ тотъ фактъ, что объявлена депутатамъ инструкція, по которой *они разбиты на единицы,*

„Такъ и должно было быть“

поставлены въ непосредственное подчиненіе Редакціонной Коммиссіи, лишены возможности касаться существа предмета и приглашены къ рѣшенію вопросовъ въ родѣ слѣдующихъ: сколько нужно землемѣровъ? гдѣ ихъ пріискать? изъ какого званія брать сторожей? и прочіе, болѣе или менѣе важные.

Оскорбленія и униженія были такъ чувствительны и явны, что между депутатами проснулось сознаніе достоинства своего и желаніе сколько нибудь возстановить свое значеніе. Они рѣшились подать адресъ Государю Императору, въ копіи къ сей запискѣ прилагаемый.

Предположеніе подачи адреса сего не осуществилось, потому что нѣкоторые изъ депутатовъ, вѣроятно исполнявшихъ порученіе вѣдомства, отъ котораго находятся въ зависимости, стали увѣрять прочихъ въ необходимости сблизиться съ генераломъ Ростовцовымъ; они увлекли многихъ видами политическихъ соображеній и вмѣсто подачи адреса Государю отъ дворянъ, сознающихъ свое достоинство и обращающихся къ Царю своему, подали просительное письмо генералу Ростовцову, самаго пустаго содержанія.

При мнѣніи обратиться къ Государю оставались: князь Гагаринъ, Шидловскій, князь Волконскій, Офросимовъ, Подвысоцкій, Кардо-Сысоевъ, Хрущевъ. Но это меньшинство должно было подчиниться большинству.

Тѣмъ не менѣе Государь Императоръ соизволилъ потребовать къ себѣ депутатовъ. Въ милостивыхъ выраженіяхъ Его Величества видно, однако, что Государь напоминаетъ дворянамъ о томъ забвеніи достоинства, въ которое они впали: ибо, имѣя счастіе считать Государя первымъ въ рядахъ своихъ, они не обратились къ Нему, а искали

посредничества въ лицѣ для нихъ постороннемъ, съ которымъ они, какъ въ силу существующихъ законовъ, такъ и въ силу высочайшаго повелѣнія о созывѣ депутатовъ, ничего общаго не имѣли.

Между тѣмъ правительственныя вѣдомства, не смотря на милость и вниманіе Государя къ дворянству, продолжали свое дѣяніе. Они, какъ бы въ насмѣшку прочимъ депутатамъ, объявили члену отъ правительства по Симбирскому комитету высочайшее благоволеніе за то, что онъ первый представилъ отвѣты на заданные вопросы, по видимому не замѣчая, что вопросы по докладамъ отдѣленій коммиссіи розданы 10 Сентября въ 4 часа пополудни, что 11-го Государь уѣхалъ, а 12-го объявлено означенное высочайшее благоволеніе. Слѣдовательно отвѣты на три огромныя книги вопросовъ, въ 2700 печатныхъ листовъ, и на 38 многорѣчивыхъ докладовъ, представлены, послѣ задачи, черезъ нѣсколько часовъ! И о таковомъ подвигѣ успѣли будто бы доложить Государю. Чего хотѣли достигнуть, объявляя высочайшее благоволеніе за трудъ, который физически не могъ быть исполненъ? Показать ли, что высочайшее благоволеніе не имѣетъ значенія, или что депутатамъ не должно трудиться отвѣчать на заданные вопросы, ибо отъ имени Государя благодарятъ тѣхъ, кто представитъ мнимые отвѣты *).

Благоволеніе это огорчило всѣхъ мыслящихъ, обнаживъ глубокую рану нашего управленія, состоящую въ злоупотребленіи высочайшими повелѣніями.

Въ настоящемъ дѣлѣ употребляютъ высочайшія повелѣнія безпрерывно и разныя власти, смотря по обстоятельствамъ: или оказываютъ видъ уваженія къ ненарушимости сихъ повелѣній, или не стѣсняются ими нисколько, имѣя про запасъ другія высочайшія повелѣнія, готовыя на отмѣну предъидущихъ. Есть даже лица, которыя почти не говорятъ иначе, какъ отъ имени Государя Императора.

Значительнѣйшая часть большинства, увлекшагося подачею просительнаго письма генералу Ростовцову, нынѣ горько раскаевается въ своей довѣрчивости. Раскаяніе это высказалось поздно: вредъ сдѣланъ, и безхарактерность этихъ депутатовъ опредѣлена. Имъ дали мѣсяцъ сроку на подачу мнѣній своихъ. Такой промежутокъ едва ли достаточенъ на прочтеніе кипъ бумагъ, напечатанныхъ Комиссіей. Де-

---

*) Кажется, Редакціонная Комиссія почувствовала неловкость сю сдѣланнаго и въ журналѣ за № 54, чтобы, вѣроятно, это обстоятельство немного запутать, напечатала списокъ лицамъ, подавшимъ отвѣты на предварительные вопросы, предложенные 25 Августа, и къ нимъ присоединила вопросы по трудамъ отдѣленій, не обозначая числа ихъ раздачи и показавъ, что г. Ланской подалъ на нихъ отвѣты 12 числа, т. е. именно въ то число, въ которое объявлено благоволеніе Государя Императора, изволившаго уѣхать наканунѣ.

путаты возопіяли, говоря, что имъ невозможно въ столь краткій срокъ основательно вникнуть въ предметъ. Имъ отвѣчали высочайшимъ повелѣніемъ, будто бы продолжившимъ срокъ до 10 Октября, хотя тутъ дѣйствительнаго продолженія не было; ибо вопросы окончательно розданы только 10 Сентября, и срокъ остался тотъ же, только высочайше подтвержденный. Распорядители крестьянскаго дѣла успѣли не только поставить депутатовъ въ свою зависимость и разбить ихъ собраніе, но даже подмѣнить часть изъ нихъ своими людьми. Этотъ подвигъ ловкости возъимѣетъ свою историческую знаменитость. Между тѣмъ государственные сановники, въ какомъ-то онѣмѣніи, ждутъ, когда до нихъ дойдетъ очередь, а зло быстрымъ потокомъ разливается.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на слѣдующее: журналы Редакціонной Комиссіи печатались сначала въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ; потомъ стали ихъ печатать въ числѣ 3 тыс.; теперь печатаютъ ихъ въ числѣ 10 т. и готовятся довести это число до 11 т. Съ какою цѣлью? Положенія Коммиссіи еще не утверждены и силы законной не имѣютъ; въ большей части ея предположеній обличаются вредныя начала и направленія; они могутъ служить орудіемъ къ разрушенію государственнаго устройства, привести же ихъ въ исполненіе сверхъ силъ человѣческихъ. Слѣдовательно распространеніе въ народѣ подобныхъ предположеній можетъ быть только пропагандою, имѣющей цѣлью поставить верховную власть и благонамѣренныхъ людей въ невозможность противостоять увлеченію слѣпой толпы. Нѣкоторые хотятъ увѣрить, что такое разглашеніе доказываетъ прямоту намѣреній дѣятелей. Позволено въ этомъ усомниться. Когда толпѣ, въ формахъ правительственныхъ постановленій, обѣщается отдать на добычу чуждую собственность, то можно видѣть въ этомъ дѣйствіи воззваніе къ страстямъ людей, а не прямоту намѣреній.

Ежели къ вышеуказаннымъ вліяніямъ присоединить журнальныя статьи, наполненныя ядовитыми намеками, захватъ, подъ названіемъ внутренней цензуры, монополіи гласности печатной, толкованія и объясненія людей переодѣтыхъ и разсылаемыхъ отъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ своимъ направленіемъ журналовъ, подъ предлогомъ собиранія народныхъ пѣсенъ и преданій: то надо не хотѣть видѣть, чтобы не видать кова злоумышленнаго. Планъ этого кова не новъ и, въ утѣшеніе себѣ сказать можно, не-Русскаго изобрѣтенія. Принимая въ соображеніе: 1) постоянное печатаніе за границею и распространеніе по Россіи въ неимовѣрномъ количествѣ періодическихъ памфлетовъ, которыхъ читающіе не покупаютъ, а получаютъ даромъ изъ разныхъ рукъ; 2) вѣрное и подробное сообщеніе памфлетистамъ свѣдѣній даже

оффиціальныхъ и секретныхъ съ разныхъ концовъ Россіи, а въ особенности изъ Петербурга; 3) согласный съ памфлетистами тонъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ и содѣйствіе внутренней цензуры, пропускающей писанное въ духѣ памфлетовъ и останавливающей возраженія самыя скромныя, коль скоро они писаны логически и опираются на факты: должно признать, что на эти печатанія употребляются значительные капиталы, не принадлежащіе печатателямъ, что сѣть связей раскинута и внутри, и за предѣлами Россіи, *что близкое сочувствіе и сообщничество оказываются изъ среды самихъ правительственныхъ учрежденій* [1]).

Все это вселяетъ убѣжденіе, что не-Русскія головы задумали вредить Россіи; онѣ увлеклись обычнымъ стремленіемъ Русскихъ къ подражанію, но корень таится глубоко зарытымъ въ замыслахъ иностранныхъ.

Давно уже величіе и могущество Государя нашего возбуждаютъ зависть. Побороть ихъ внѣшнимъ натискомъ нельзя безъ громадныхъ усилій, на которыя средствъ Европы не достанетъ. Гораздо удобнѣе, пользуясь слабостію устройства управленія, *основаннаго на произволѣ*, увлечь правительственную волю на путь, который приведетъ естественнымъ наклономъ своимъ къ пропасти [2]).

Въ запискѣ моей о значеніи самодержавія, поданной въ 1856 г., я предчувствовалъ опасность, которая нынѣ кажется мнѣ очевидною.

Законодательство наше въ послѣднее столѣтіе составлялось на удачу. Въ немъ перетолкованы и переиначены взаимныя отношенія сословій. Отъ сего возникло много вреднаго и между прочимъ то направленіе законоположеній, по которому крестьяне, поселенные на помѣщичьихъ земляхъ, отнесены къ разряду неодушевленной собственности, со всѣми послѣдствіями такого владѣнія. Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ привлекло къ себѣ вниманіе многихъ и благонамѣренныхъ мыслителей; но въ особенности устремили на него заносчивыя свои усилія нѣкотораго рода люди, видѣвшіе въ этомъ обстоятельствѣ удобнѣйшее средство къ возбужденію замышляемой ими тревоги. На это не пощадили они своихъ усилій. Дурную сторону порядка зависимости помѣщичьихъ крестьянъ стали представлять чрезъ посредство микроскопа въ ужасающемъ видѣ; старались искажать исторію, вымышлять факты; взволновали благородныя чувства картиною искусно группированныхъ предосудительныхъ частныхъ поступковъ; увлекли

---

[1]) На подлинномъ рукою Его Императорскаго Величества напечатанныя курзивомъ слова подчеркнуты карандашемъ и противъ нихъ поставлено: „!!!“

[2]) Тоже.

воспріимчивыя воображенія и съ сосредоточенною силою напали на крѣпостное устройство. На это устройство напали они не потому, чтобъ оно было худшею частью нашего государственнаго быта. Нѣтъ; но потому, что, не смотря на ея недостатки, помѣщичья власть есть лучшая и сильнѣйшая государственная подпора. Поземельная собственность помѣщиковъ кормитъ государство и даетъ матеріальныя и нравственныя силы къ его оборонѣ. Слѣдовательно должно лежать въ видахъ крамольныхъ ниспровергнуть ее, чтобъ можно было удобнѣе справиться съ государствомъ. Это весьма хорошо поняли ищущіе паденія Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, можно бы безъ особеннаго затрудненія постепенно исправить зло, вкравшееся, чрезъ ошибочное направленіе законодательства, въ крѣпостное устройство, и тѣмъ усилить преданность всѣхъ сословій къ Престолу, сохранить добрыя отношенія между сословіями и удесятерить силы государства. Государь въ рескриптѣ своемъ воззрѣлъ именно съ этой точки на предметъ.

Его Величество желалъ улучшенія безъ разстройства и переворотовъ; но не того желаютъ двуличные дѣятели: имъ нужно оторвать дворянство отъ Престола и разрознить его съ народомъ, посѣять раздоръ, разорить финансы, расшатать весь остовъ государственный. Тогда паденіе Россіи совершится само собою.

Враги наши во всеуслышаніе повторяютъ о необходимости пролитія крови, о томъ, что безъ жертвъ великіе перевороты не совершаются, что только кровь можетъ служить цементомъ для замышляемаго ими зданія. Такими возгласами, заученными и перенятыми у иностранныхъ революціонеровъ, они придаютъ себѣ видъ глубокихъ политиковъ, готовыхъ жертвовать человѣкомъ для человѣчества.

Трудъ этихъ дѣятелей поставленъ подъ фирму людей, которые кажутся лично преданными отечеству и желающими достигнуть правильнаго окончанія принятаго ими на себя, но не по силѣ ихъ, дѣла. Но сими благонамѣренными, по непостижимымъ причинамъ, управляютъ тѣже предпріимчивые дѣятели; управляютъ ими даже и тогда, когда творящееся зло болѣе чѣмъ очевидно. Надъ ними какъ будто тяготѣетъ неразгаданное еще вліяніе. Конечно голова, наилучше устроенная, являетъ слабости, уловляемыя софизмами; въ сердцѣ самомъ возвышенномъ можетъ таиться природная склонность не сознаваться въ своей ошибкѣ. Но въ попыткахъ и предпріятіяхъ по настоящему преобразовательному вопросу обнаруживается, кромѣ общихъ недостатковъ, сопряженныхъ съ каждымъ человѣческимъ дѣломъ, еще *нѣчто особенное*. Это особенное является уже не *недостаткомъ*, а чѣмъ-то стройнымъ и хорошо обдуманнымъ. Зря и сознательно государство ведется на гибель, какъ бы на пиръ. Начавшееся во многихъ частяхъ распаденіе

не приводитъ двигателей въ смущеніе; они передъ нимъ торжествуютъ, какъ передъ давно желаннымъ плодомъ своихъ стараній. Имъ нуженъ переворотъ, ибо переворотъ въ Россіи значитъ *распаденіе*. Вотъ для чего рескриптъ Государя затертъ и потопленъ въ наплывѣ противорѣчащихъ ему, объявляемыхъ высочайшихъ повелѣній и административныхъ распоряженій. *Вотъ для чего искажено повелѣніе Государя о созывѣ депутатовъ*.

„Вздоръ".

Вотъ для чего оскорбляютъ дворянство на каждомъ шагу, а въ простомъ народѣ возбуждаютъ зловредные толки.

Въ глазахъ ближайшихъ дѣятелей является цѣлью установленіе *конституціи*. Пошлое названіе вздорной мысли, пущенной въ ходъ крикунами прошлаго столѣтія! Неужели достаточно написать тетрадь правилъ, утвержденныхъ верховной властью болѣе или менѣе добровольно, и въ которыхъ будетъ предположено установить (какъ о томъ мечталъ Сперанскій) палаты перовъ и депутатовъ, отвѣтственность министровъ и проч., чтобы осуществилась конституція?

Устройство управленія, или такъ называемая конституція, обусловливается потребностями и нравами народа, а не произволомъ кого бы то ни было. Мы видѣли часто, что конституціи сочиненныя партіями и даже державными властями подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній, изчезали также скоро, какъ составлялись, производя одни смуты и безпорядки. Конституція, или опредѣленное устройство управленія, и нынѣ существуетъ въ Россіи, но только находится въ самомъ жалкомъ положеніи. А это произошло отъ того, что она складывалась, въ послѣдній періодъ нашей исторіи, силою великой воли на перекоръ во многомъ Русской народности. Однако, конституція эта еще держится, имѣя въ основаніи элементъ, который для Русскихъ нечуждъ: *самодержавіе*. Если эту конституцію, дряблую, но заключающую въ себѣ здоровый элементъ, замѣнить сочиненіями дѣйствующихъ теперь людей, говооруженныхъ происками и побуждаемыхъ себялюбіемъ, то гибель государства неотразима. Въ такомъ *ходѣ* и *исходѣ* сомнѣваться нельзя.

Сочинители конституцій, по образцамъ Запада, полагаютъ дойти до своихъ цѣлей избраннымъ нынѣ путемъ. *Теперь они стараются*

„Кто они?"

двинуть мнимыхъ депутатовъ, посредствомъ введенныхъ между ними агентовъ, къ представленію адреса, въ которомъ испрашивалась бы перемѣна всего порядка управленія. Одни, можетъ быть, увлека-

ются къ этому добросовѣстно, пораженные хаосомъ и своеволіемъ, такъ рѣзко и ясно выразившимся при обсуждаемомъ нынѣ дѣлѣ; другіе хотятъ только, въ лицѣ депутатовъ, опорочить дворянство предъ Государемъ, оправдать свои ложные доносы и тѣмъ вырвать согласіе на утвержденіе мѣръ, которыя произвели бы взрывъ общаго негодованія. Тѣ и другіе, безъ сомнѣнія, суть только слѣпыя орудія, думающія дѣйствовать самостоятельно и не знающія конечной цѣли своихъ дѣйствій. Къ счастію большинство депутатовъ не подалось на такіе происки. Но пусть въ это вникнутъ тѣ, которые должны имѣть средства развѣдать замыселъ.

Обращаясь къ обсуждаемому вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ, полагаю необходимымъ, чтобы выдти сколько нибудь изъ лабиринта, въ которомъ блуждаютъ, исполнить первоначальное повелѣніе Государя и собрать въ Главный Комитетъ *настоящихъ* выборныхъ отъ *комитетовъ*, а не подставныхъ партіями. Симъ выборнымъ и поручить разсмотрѣніе соображеній Редакціонной Комиссіи. *Между тѣмъ обуздать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и Редакціонную Комиссію въ ихъ самовольныхъ дѣйствіяхъ.*

„Надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать“,

Безъ всякаго сомнѣнія несравненно лучше бы было потребовать выборныхъ отъ губерній и къ нимъ присоединить депутатовъ отъ комитетовъ.

„Т.-е. чтобы произвести еще большій *хаосъ*“.

Тогда бы было полное право на предложеніе нужныхъ мѣръ и опредѣленіе законнымъ образомъ потребныхъ отъ дворянства пожертвованій.

Но какъ надѣяться, чтобы правительство, *шедшее все это время разными извилистыми тропами,*

„Непомѣрная наглость“

избрало этотъ прямой, широкій и ясный путь, *на которомъ нельзя проявляться партіямъ и интригамъ безъ немедленнаго обличенія?*

„Лучшимъ примѣромъ противнаго служатъ самые губернскіе комитеты“.

Полагаю необходимымъ прибавить еще одно замѣчаніе: *собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія.*

„Хорошъ софизмъ!“

Въ немъ только оно можетъ освѣжать силы свои и находить нужный свѣтъ. Власть не стѣсняется въ своей силѣ таковымъ собраніемъ, а получаетъ вѣрныя, правильныя понятія о томъ, чтò ей надо дѣлать для блага государственнаго. Нѣкоторые, добросовѣстные впрочемъ, люди думаютъ въ семъ отношеніи различно: одни, что собраніе выборныхъ будетъ какимъ-то собраніемъ штатовъ, другіе, что оно разрушитъ самодержавіе. Первые говорятъ такъ, примѣняя заграничныя мысли къ Россіи; вторые совсѣмъ не знаютъ Русской исторіи, Русскаго народа и, главное, *не понимаютъ, что́ такое самодержавіе.*

„Онъ видно хорошо это понимаетъ".

Неужели люди здравомыслящіе могутъ воображать, что самодержавіе есть право дѣлать все и какъ вздумается? Тогда было бы не управленіе, а беззаконіе и хаосъ. Самъ Всемогущій Творецъ хранитъ законы, Имъ созданные, а верховная власть человѣческая не можетъ уклониться отъ того же начала, безъ потери своего значенія?

Самодержавіе иначе и быть не можетъ какъ властью, облеченною полнымъ довѣріемъ подвластныхъ, съ силою, охраняющею законы, на основаніи коихъ бытіе этихъ подвластныхъ зиждется. Довѣріе не даетъ права нарушать то, чтò довѣрено; сила для сохраненія данная, не даетъ права посягать на то, чтò ввѣрено сохраненію; слѣдовательно, самодержавіе не должно считать себя безграничнымъ, ибо оно имѣетъ обязанности предъ государствомъ, къ исполненію коихъ должно имѣть постоянное, неуклонное направленіе. Дабы достигнуть возможности исполнить обязанности, съ самодержавіемъ сопряженныя, надо имѣть возможность слышать отъ государства, въ чемъ состоятъ его потребности. Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько силы власти, доставляли ей возможность узнать, къ чему и какъ эту силу примѣнить. Выборные даютъ власти значеніе самодержавія; безъ нихъ оно имѣетъ характеръ своеволія, не смотря на благія ея намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставляемыхъ бюрократіею, которая вмѣсто того, чтобъ быть орудіемъ власти, дѣлается ея двигателемъ и руководителемъ.

Право земли Русской имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ также, какъ существовало прежде. Отнять его никто не можетъ: оно право первосозданное отъ начала бытія народа Русскаго *). Выборныхъ можно не созывать; мысль о нихъ можно

---

[1]) На подлинномъ рукою Государя напечатанныя слова подчеркнуты курзивомъ карандашемъ и противъ нихъ поставлено: „!!!"

затемнять, но вырвать самое право—внѣ силъ человѣческихъ. Можетъ быть когда-либо случится, что необходимость самосохраненія соберетъ выборныхъ также, какъ она ихъ, при государственныхъ опасностяхъ, собирала. Прискорбно будетъ дожить до такого времени; но радостно будетъ, если, не выжидая тяжелыхъ событій, верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ, и съ ними, возстановя на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ порядокъ государственный, *вновь воздвигнетъ уроненное своеволіемъ самодержавіе* *).

Изъ хода предпринятаго преобразованія мы видимъ, какъ мало осталось самодержавія во власти верховной. Государь велитъ собрать депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, а ему подставляютъ агентовъ отъ администраціи. Государь требуетъ улучшенія, а предпринимается переворотъ. Примѣры подобные неновы; таковыхъ можно привести множество и за прошедшія царствованія. Они доказываютъ, что для верховной власти въ Россіи хотѣть и имѣть возможность исполнить—двѣ вещи совершенно разныя.

Дворянство горячо сочувствуетъ Государю, оно доказало готовность свою исполнить волю его.

„Хорошо доказало!"

Но какое можетъ оно оказать содѣйствіе, когда между нимъ и Государемъ сближеніе невозможно? На стражѣ вокругъ престола стоитъ бюрократія въ сообщничествѣ (сознательно и безсознательно) съ такъ называемыми красными и поражаетъ всѣхъ уловливаемыми высочайшими повелѣніями. Попытки разныхъ возмутителей не удались у насъ въ свое время, потому что у нихъ не было достаточныхъ связей въ правленіи. Послѣдователи ихъ воспользовались уроками опыта; постепенно, тайкомъ выдвигая другъ друга, они овладѣли нѣкоторыми отраслями управленія, заняли сперва невидныя, но самыя нужныя должности, взобрались и выше, и теперь силою управленія дѣлаютъ то чего хотѣли, но не смогли сдѣлать ихъ предшественники.

Отнявъ у дворянъ возможность дать труду, на него возложенному, правильное развитіе, стиснувъ этотъ трудъ въ форму совершенно непрактической программы, спеленавъ губернскіе комитеты вліяніемъ

---

*) Тѣже знаки восклицанія.

членовъ отъ правительства и вмѣшательствомъ власти административной, велемудрые преобразователи порицаютъ теперь трудъ дворянства, обвиняютъ его въ недобросовѣстности и въ намѣреніи уклониться отъ исполненія желаній Государя и клеймятъ людей, противуставляющихъ какую либо препону революціоннымъ направленіямъ, пошлыми прозвищами крѣпостниковъ и плантаторовъ, себя величаютъ именемъ передовыхъ, постигнувшихъ потребности вѣка, тогда какъ они волочатся по колеѣ, прорытой сумазбродами, приговоренными передъ судомъ разума міра просвѣщеннаго. Въ личныхъ проявленіяхъ царской воли блистаетъ яркій, согрѣвающій лучъ высокихъ чувствъ; ко всякому его проблеску жадно обращаются взоры Русскихъ, исполненныхъ надежды и упованія. Но тучи бюрократическія скоро его заволакиваютъ, подобно тучамъ саранчи, затмѣвающимъ солнце.

Болѣе распространяться не буду. Считая мысль мою полезною, я выразилъ ее, какъ умѣлъ, и желаю, чтобы она дошла до Государя. *Да убѣдится Онъ, что въ рядахъ дворянства бьются сердца, жаждущія пользы отечества и славы престола и не помышляющія о своихъ личныхъ выгодахъ, и что если они желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола, то это для того, чтобъ узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага отечества и твердости государства.*

„Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе“.

АНЕКДОТЪ О ВРОНЧЕНКѢ.

Ѳ. П. Вронченко, сынъ Могилевскаго священника, достигъ извѣстности долгою, усердной службою. Его оцѣнилъ Канкринъ, при которомъ онъ долго былъ директоромъ кредитной канцеляріи. По кончинѣ Канкрина Николай Павловичъ назначилъ его министромъ финансовъ. Старый холостякъ, безъ всякаго внѣшняго лоску и связей, чувствовалъ себя неловкимъ въ придворномъ кругу. Однажды, на первыхъ порахъ, входитъ онъ въ кабинетъ Государя съ докладомъ и не находитъ въ немъ Государя, который на минуту отлучился. Въ кабинетѣ былъ другой министръ, князь ***. Въ ожиданіи Государя, говоритъ онъ Канкрину: У васъ, Ѳедоръ Павловичъ, говорятъ, отличный табакъ; позвольте-ка попробовать. Вронченко досталъ табакерку, и въ ту минуту, какъ раскрывалъ ее, входитъ Государь. Руки у Вронченки задрожали, табакъ разсыпался, а князь *** расхохотался. Николай Павловичъ принялъ торжественный видъ и внушительно сказалъ: „Стыдно, князь, стыдно! Стыдно смѣяться надъ чувствомъ вѣрноподданнаго къ своему Государю".

Самъ Вронченко разсказывалъ о томъ своему пріятелю.

ПОПРАВКИ.

Рѣка Цалка въ Запискахъ Н. Н. Муравьева ошибочно напечатана во многихъ мѣстахъ Цалной.

Въ 7-й книжкѣ, стр. 327, вмѣсто Ловати слѣдуетъ Ловаши.

Стр. 331, вмѣсто Казалищи—Казанищи.

Стр. 332, см. Демургасова—Демучисала.

Въ 8-й книжкѣ, стр. 506, строка 21, вмѣсто: и съ людей, надо: и съ лодей.

Вмѣсто печи кофейныя—печи кафельныя.

Въ 9-й книжкѣ, стр. 175, вмѣсто Кирхеннауеръ, слѣдуетъ Кирхенпауеръ.

Въ 10-й книжкѣ, стр. 194, вмѣсто Цинсеарской, слѣдуетъ Цинскарской.

Слесарнымъ мастеромъ при постройкѣ Кіевскаго моста былъ не самъ Виньольсъ, а сынъ его.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1849—1850.

Венгерскій походъ.—Жизнь въ Петербургѣ.

27 Іюля. Лосонжъ. Авангардъ возвратился къ вечеру безъ успѣха. Плѣнные офицеры уведены далѣе.

28-го Іюля. Фельдмаршалъ имѣлъ подъ Дебречиномъ дѣло съ однимъ аріергардомъ, подъ начальствомъ Надчандера. Гёрге въ это время уходилъ. Не смотря на то, имѣя пять дивизій подъ рукой, онъ удовольствовался въ продолженіе осьми часовъ одною канонадой и атакой музульманъ на батарею, вмѣсто истребленія аріергарда рѣшительнымъ наступленіемъ.—Густой дымъ покрываетъ пожарище города.—Въ 11 ч. парадъ всѣмъ войскамъ. Этимъ прерваны впечатлѣнія роковаго вчерашняго дня, и разговорамъ даны новые предметы. Успокоеніе не безъ грусти. Дворъ мой полонъ семействами изъ сгорѣвшаго города.—Началъ «Адъ», Данта. Надо вчитаться, чтобы оцѣнить.—Посѣщеніе добраго брата Петра, заставшаго меня въ саду. Кроткое его лицо наводитъ на меня успокоеніе.

29-го Іюля. Небольшой переходъ до Лонгобанія; жаркій день. Встрѣча съ баталіономъ Симбирскаго егерскаго полка и командой выздоровѣвшихъ, изъ Розенберга, съ частію подвижнаго магазина; люди здоровые и сбереженые. Стою у лютеранскаго пастора, молодаго человѣка и отчаяннаго революціонера. Грозное привѣтствіе ему; но молодъ, опомнится.—Страуса Das Leben Jesu, столько шуму надѣлавшее; введеніе отлично написанное, примѣчательная сильная діалектика. Критическій разборъ священныхъ книгъ Стараго и Новаго Завѣта. Послѣ обѣда продолжительный разговоръ.—Женщины простаго класса въ Венгріи даже въ городахъ ходятъ босыя; также въ изъявленіе благодарности цѣлуютъ

вамъ руку мущины и женщины. По сіе время отъ границъ Галиціи до Ваги, Дуная и Тейссе, на пространствѣ нами пройденномъ, не только почтовыя, но и второстепенныя дороги связаны отлично устроенными шоссе; послѣднія только поуже. Они такъ хороши, что, не смотря на прекращеніе всякаго исправленія и даже заготовленія для этого камня, они еще мало испортились. На дорогахъ нѣтъ никакихъ означеній разстоянія, какъ у насъ верстовые столбы. Земледѣліе и сельское хозяйство можно назвать въ цвѣтущемъ состояніи. Арвскій комитатъ, почитаемый однимъ изъ бѣднѣйшихъ въ Венгріи, развѣ сравнительно можно назвать бѣднымъ: дома хорошо выстроены, снабжены необходимымъ для хозяйства, огороды тщательно обработаны, овощи разнообразны, картофель сѣется въ большихъ размѣрахъ въ полѣ. По большому населенію, земли удобной для хлѣбопашества, конечно, недостаточно; за то народъ занимается разными промыслами: много выработывается кромѣ собственнаго употребленія на продажу хорошаго холста. Скотоводство довольно значительное. Все это вовсе несходно съ понятіями о Венгріи, принятыми не только у насъ, но и въ остальной Европѣ. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы ни кончилась настоящая война, въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ готовится важный переворотъ, въ родѣ Галиційскаго. Послѣдніе не хотятъ болѣе оставаться въ зависимости отъ помѣщиковъ, отказываются отъ работъ полевыхъ и почитаютъ земли, теперь ими владѣемыя, своею собственностію безъ обязанности вознагражденія за нихъ работою. Прежній порядокъ возстановить будетъ трудно и едва ли возможно. Давно хотѣлъ сдѣлать эти замѣтки; но не было времени.

30-го Іюля. Переходъ въ Детву, несносный отъ чрезвычайной пыли. Безпорядокъ отъ запоздалаго выступленія авангарда и незнанія своего дѣла офицеровъ генер. штаба. Припадокъ гнѣва. Фельдфебель на возвратномъ пути изъ Варшавы съ письмомъ ко мнѣ барона Ливена, захваченный герилласами въ Лосонжѣ, отпущенъ ими въ первыя минуты ужаса при видѣ запылавшаго Лосонжа изъ лѣсу, гдѣ они укрывались. Онъ не успѣлъ уничтожить депешей; тамъ были вѣроятно письма отъ сына.—Хорошая квартира въ устрашенной и преступной Детвѣ. За обѣдомъ хозяйскимъ отличное Токайское вино.—Въ Лонгобаніи у пастора купилъ два тома сочиненій Страуса.—Благотворный дождь смочилъ

нестерпимую пыль и освѣжилъ воздухъ.— Невѣроятно показаніе фельдфебеля, вышедшаго изъ рукъ герилласовъ, будто, кромѣ двухъ офицеровъ, убитыхъ въ минуту нападенія на нихъ въ трактирѣ въ Лосонжѣ, гдѣ они обѣдали, остальные шесть, захваченные въ плѣнъ, побиты герилласами послѣ. Тогда городъ заслужилъ свою страшную кару. Почти вся его молодежь служитъ у герилласовъ, болѣе двухъ сотъ.—Здѣсь племя Словаковъ полу-дикихъ, но виднѣе собою чѣмъ Словаки, по сіе время попадавшіеся. Природные Венгры далеко превосходятъ ихъ красивою наружностію, высокимъ ростомъ и нарядною одеждою. Здѣсь у всѣхъ мущинъ волосы съ висковъ завиты въ плетешки и висятъ до плечъ или задѣты за ушами, словомъ, песики, какъ нѣкогда носили въ арміяхъ гусары. Грязныя бараньи куртки на плечахъ; рубашка только до живота, часто не покрывающая даже всей груди. Ходятъ частію босые или носятъ родъ сандалій остроконечныхъ. Дома выстроены хорошо и правильно изъ лимпача, много безъ трубъ, а печь выведена подъ высокую крышку, чрезъ латки которой проходитъ дымъ.

31-го Іюля. Въ Детвѣ было спокойно; въ войскахъ возстановляется порядокъ, разстроенный форсированными маршами, въ особенности пожаромъ и грабежемъ Лосонжа. Переходъ 22 версты до Алтзоля. За три версты прекрасный видъ на древній замокъ близъ города. Остановился въ гостепріимномъ домѣ Флемминга, возвратившагося изъ Вѣны. Венгерскій его столъ и отличное Токайское вино. Большіе подвозы муки, водки и овса изъ Алзокубина. Коморнскій гарнизонъ опять овладѣлъ лѣвымъ берегомъ Дуная и Вааги, вытѣснивъ Австрійцевъ за послѣднюю. Извѣстіе, кажется, вѣрное, о взятіи Австрійцами Шегедина.

2 (14) Августа. Постыдное дѣло въ казачьемъ полку. Похищенные бриліанты. Сегодня нарядилъ слѣдствіе, презусомъ г.-м. Быковскаго. Примѣръ необходимъ. Вечеромъ вчера навѣстилъ больнаго г.-л. Ховена; зашелъ въ за́мокъ; живописный оттуда видъ, оживленный красивымъ лагеремъ. Готовлю письма сыну, б. Ливену, донесеніе Государю. Сегодня еще два козака убито герилласами, третій воротился безъ лошади. Удушающіе жары; хорошо, что стоимъ на мѣстѣ.

3 (15) Августа. Сегодня отправленъ Маевскій въ Варшаву. Выступили два батальона Нижегородскаго полка для занятія Ра-

китаца, Нейзоля, Осады, Розенберга и Кубина, этапы нашихъ сообщеній.—По общему ли свойству человѣческой природы или по личнымъ причинамъ, но пробудилось въ душѣ сильное желаніе выдти изъ этой галеры, не смотря на то, что наступаетъ только третій мѣсяцъ кампаніи. Чтὸ за генералы! Чтὸ за уродливыя ошибки главнаго начальника, сводящія насъ съ первой ступени военной державы! И это при такой арміи и матеріальномъ ея составѣ! И съ кѣмъ я долженъ работать, не имѣя предварительно устроеннаго и испытаннаго штаба? Конецъ этой войны, вѣроятно близкій по безсилію непріятеля и неустройству всего чтὸ нужно для упорнаго продолженія войны противъ двухъ имперій, оставитъ память на счетъ подробностей ея веденія и способности начальниковъ. Въ войнѣ, болѣе ровной, послѣдствіе этого можетъ быть пагубно.

4 (16) Августа. Вчера, по извѣстію, вечеромъ полученному, что герилласы намѣрены эту ночь напасть на Шемницъ, чтобы захватить казну, послалъ туда сотню козаковъ и батальонъ Симбирскаго полка съ двумя орудіями. Сегодня же утромъ въ СентъКерештъ выступили остальные три батальона того же полка съ десятью орудіями легкой № 8 батареи. Так. образомъ они въ порядкѣ и противъ войскъ вышедшаго Коморнскаго гарнизона. Съ отрядомъ же я выступилъ въ 7 ч. утра въ Нейзоль, покуда все еще по программѣ фельдмаршала. Хороша широкая и селами усѣянная долина быстраго и шумящаго Грана. Между тѣмъ какъ войска тянулись по шоссе, я проѣхалъ весь переходъ по правому луговому берегу его. Горы довольно высокія, но крутыя и лѣсомъ покрытыя, убѣжища герилласовъ, подходятъ большею частію до самаго лѣваго берега. Нѣсколько мостовъ сожжено Венгерцами; приказалъ ихъ исправить немедленно. Короткій, пріятный привалъ подъ деревьями на берегу. Нейзоль—богатый, торговый, хорошо обстроенный городъ. Принятъ въ домѣ епископа, гдѣ помѣстился и весь штабъ мой. Рѣчь депутаціи отъ города; отвѣтъ ей ободрительный. Пестская газета отъ 31 Іюля (12 Августа) наконецъ доставила свѣдѣніе о совершенномъ оттѣсненіи Австрійскихъ войскъ съ обѣихъ сторонъ Дуная противъ Коморна съ большимъ урономъ. Венгерцы угрожаютъ даже Пресбургу, въ которомъ собираются однако подкрѣпленія г-лу Чориху. Хотя связанный предписаніями фельдмаршала, пошелъ бы тотчасъ на помощь

къ нимъ; но пополненіе снарядовъ изъ летучаго парка, ко мнѣ идущаго и сухарей на 13 дней по крайней мѣрѣ, удержатъ меня здѣсь еще нѣсколько дней. Между тѣмъ узнаю волю Государя; войска обошьются, получатъ вѣроятно жалованье, очень для нихъ нужное. Если мы мало дрались, то много и быстро выходили. И Австрійцы, быть можетъ, не тотчасъ начнутъ свои наступательныя дѣйствія. Коморнъ доказалъ важность сильныхъ крѣпостей, въ которой такъ многіе начинали сомнѣваться. Однѣ крѣпости не спасутъ, но онѣ сильно способствуютъ дѣйствіямъ армій. Укрѣпленный Парижъ могъ бы спасти Наполеона; онъ самъ это чувствовалъ и сказалъ.

5 (17) Августа. Нейзоль. Поутру верхомъ въ лагерь. Строгое замѣчаніе об.-кварт. за несоблюденіе выгодъ войскъ при расположеніи ихъ, также за неисполненіе приказанія свести баталіонъ съ площади, оставивъ одну роту. Безсонница. Послѣ обѣда предписаніе фельдмаршала разбросать отрядъ по краю малыми частьми, для усмиренія герилласовъ. Вѣрный способъ уничтожить не герилласовъ, а собственныя войска, давая первымъ возможность къ предпріятіямъ противъ слабыхъ отрядовъ, о которыхъ они доселѣ и помышлять не смѣли. Намъ въ отношеніи ихъ должно только обезпечить необходимыя пути сообщенія, сохраняя возможность въ случаѣ потребности быстрымъ соединеніемъ всѣхъ частей быть готовыми и способными на важныя военныя предпріятія. Система фельдмаршала послѣднюю цѣль вовсе уничтожаетъ и, не обезпечивая края отъ герилласовъ, созидаетъ для нихъ лучшее поле дѣйствія, какого они желать могутъ. Къ тому же дѣла подъ Коморномъ въ такомъ положеніи, что содѣйствіе отряда Государь вѣроятно признаетъ необходимымъ. Объясню и пошлю завтра или рано послѣ завтра ф.-а. кн. Голицына въ Варшаву. Но какъ трудно и опасно мое положеніе противъ фельдмаршала!—Лидерсъ имѣлъ хорошее дѣло противъ Бема, но Скарятитъ убитъ. Мнѣ жаль этого благороднаго человѣка, котораго служба шла такъ счастливо. Государь огорчится его потерей.—Вечеромъ двѣ музыки на площади и довольно народу.—Венгерцы въ Молдавіи. Какъ все сбывается!

7 (19) Августа. Нейзоль. Вчера по случаю перваго торжества рожденія императора Австрійскаго Франца-Іосифа принималъ поздравленія отъ города, присутствовалъ на богослуженіи въ ка-

толическомъ соборѣ замка. Зданіе древнее, благороднаго и строгаго стиля; живопись соотвѣтствующая. Жителей было мало; большая часть принадлежитъ противной Австрійскому правительству сторонѣ. Прямо изъ церкви на парадъ Муромскаго полка на городской площади. Молебенъ по случаю полковаго праздника съ колѣнопреклоненіемъ и торжество настоящаго праздника рожденія императора Австрійскаго съ пальбою при большомъ стеченіи народа. Церемоніальный маршъ. Въ 4 ч. городъ далъ намъ большой обѣдъ въ ратушѣ, тоже древнемъ и значительномъ зданіи. Тосты на разныхъ языкахъ и духъ непріязненныхъ народностей начиналъ было къ концу громко выражаться. Поздно уже разошлись. Сегодня отправилъ князя Голицына, флигель-адъютанта, въ Варшаву съ донесеніемъ Государю, письмомъ къ барону Ливену, къ сыну и къ кн. Виктору Васильчикову.—Здоровье мое разстроено уже замѣтно.—До обѣда пріѣхалъ Австрійскій подполковникъ баронъ Габленцъ и съ нимъ два офицера; онъ привезъ мнѣ письмо отъ г. Медема изъ Вѣны и пріятныя извѣстія объ успѣхахъ большой Австрійской арміи. Баронъ Гайнау разбилъ подъ Темесваромъ соединенныя силы Венгерцевъ. Гёрге въ безпорядкѣ отступилъ въ Арадъ; онъ вступилъ въ переговоры за всю Венгрію, какъ диктаторъ. Кошутъ ушелъ въ Турцію. Панютинъ назначенъ начальникомъ 2-го корпуса.—За обѣдомъ еще Австрійскій офицеръ графъ Валленштейнъ съ письмомъ военнаго министра графа Гіулая, принявшаго начальство надъ бывшимъ корпусомъ Чориха, много усиленнымъ. Онъ надѣется и проситъ моего содѣйствія; а я связанъ нелѣпымъ предписаніемъ фельдмаршала. Надѣюсь скоро быть развязанъ высочайшимъ разрѣшеніемъ въ отвѣтъ на донесеніе, еще изъ Алтзоля съ Маевскимъ отправленное сегодня съ изложеніемъ новыхъ обстоятельствъ повторенное. Все это однако можетъ продлиться, а Австрійцы вчера должны были начать наступательныя дѣйствія изъ Пресбурга и Рааба. Могъ бы и болѣе взять на свои плечи, но снаряды и сухари еще не прибыли къ отряду: и тѣ и другіе необходимы.

8 (20) Августа. Отвѣтъ графу Гіулаю. Гроза и проливной дождь. Трудности продовольствія. Кавалерія на бивакахъ безъ соломы; побужденіе штабу за это. Донесеніе изъ Св. Креста. Венгерцы въ Уполи-Шагѣ, въ 8 миляхъ отъ Шемница. Благодарственный адресъ отъ сего послѣдняго города за занятіе войсками.

Слухъ о капитуляціи Гёрге. Вечеромъ баронъ Габленцъ; основательныя и энергическія сужденія его.

9 (21) Августа. Утромъ визитъ ландкомисару Маттіасу и барону Габленцу, также брату. Нѣсколько страницъ изъ Данте. Оффиціальное извѣстіе съ Австрійскимъ офицеромъ, изъ Вѣны ко мнѣ присланное, что баронъ Гайнау съ курьеромъ доноситъ императору о безусловной сдачѣ Гёрге съ арміей отъ 30 — 40 тысячъ, при Вилагосѣ, 13-го текущаго мѣсяца. Вечеромъ двѣ музыки на площади. Поутру былъ большой и мирный рынокъ. Замѣчу странную противоположность, которая въ Венгріи вездѣ въ глаза бросается: народъ вообще рослый, а кровати вездѣ короткія.

10 (22) Августа. Въ 12 ч. смотръ войскамъ въ мундирахъ и ранцахъ въ присутствіи Австрійскихъ офицеровъ. Войска представились отлично; все вмѣстѣ: красивая долина Грана, толпы зрителей, покрывавшія ближніе холмы, горы, покрытыя лѣсомъ, составлявшія раму, городъ, живописно замыкавшій передъ нами долину и блестящій строй войскъ среди всего этого, составили живописную картину, достойную искусной кисти. Это замѣчаніе было сдѣлано барономъ Габленцомъ. — Курьеръ въ Вѣну, съ которымъ не успѣлъ написать писемъ въ отвѣтъ гр. Медему и гр. Вальмодену. Не откладывать однако на долго.—Послѣ обѣда какая-то неодолимая тоска овладѣла мною. Не слишкомъ ли много шуму надѣлано, когда о многомъ можно было молчать или писать умѣреннѣе? Опять, быть можетъ, испорчено все, что было сдѣлано хорошаго и заслужило столько выраженій одобренія Государя. Вмѣшалась и грусть долгой, особливо показавшейся долгою разлуки со своими. Но давно-ли? Въ концѣ Марта видѣлъ всѣхъ. Столько произошло въ эти пять мѣсяцевъ перемѣнъ мѣста, положеній, происшествій, которыя позволено, кажется, назвать важными и въ которыхъ я былъ лицемъ первымъ или участвующимъ, что трудно согласить это съ короткостію времени, все это вмѣщающаго. Близка и развязка. Ужели въ затрудненіяхъ домашнихъ все останется по прежнему? Но лишь бы увидѣть еще, отдохнуть среди семейства. Предоставлю это Провидѣнію. Я забылъ, что Государю не трудно разлучить меня съ мстительнымъ фельдмаршаломъ— различными назначеніями, не по одному военному поприщу.

13) 25) Августа. Лева или Левенцъ. Не легко припомнить впечатлѣнія прошедшихъ трехъ дней. Я не кончилъ еще послѣд-

няго слова замѣтокъ Среды, какъ вошелъ ко мнѣ уже поздно ф.-а. Исаковъ, отправленный недѣли двѣ тому штабсъ-капитаномъ съ донесеніемъ о дѣлѣ при Гестели и возвратившійся подполковникомъ изъ Варшавы. Государь, послѣ безусловной сдачи Гёргея съ большею частію арміи, отправилъ Исакова ко мнѣ чрезъ Коморнъ съ предложеніемъ начальствующему тамъ Клапкѣ, для избѣжанія вовсе безцѣльнаго пролитія крови, заключить перемиріе, на что онъ изъ уваженія къ желанію Государя тотчасъ согласился на двѣ недѣли. Любопытныя подробности различія въ пріемѣ, ему и Австрійскому посланному сдѣланномъ. Венгерцы изъявили желаніе имѣть дѣло съ одними Русскими и потому со мною, какъ со старшимъ здѣсь изъ нашихъ генераловъ. Государь словесно чрезъ Исакова повелѣлъ мнѣ, минуя и отложивъ всѣ прежнія распоряженія, двинуться къ Коморну. Я выступилъ на другой же день 11-го изъ Нейзоля до Шемница, 6 большихъ миль; погода была туманная и дождливая. Въ первый разъ въ продолженіе семнадцати кампаній, не совсѣмъ здоровый къ тому, я сѣлъ въ карету, служившею до того только для поклажи; но не утерпѣлъ и на послѣдней половинѣ перехода сѣлъ верхомъ и такъ доѣхалъ до Шемница, награжденный любопытства стоющими видами, на пути къ этому горному городу, необыкновенно живописно расположенному. Церковь почти Византійскаго стиля на отдѣльной высокой горѣ напомнила мнѣ Кіевскую Св. Андрея. Я остановился въ городѣ въ весьма удобной квартирѣ, въ домѣ главнаго директора всѣхъ окружныхъ горныхъ заводовъ, гдѣ явилась ко мнѣ отъ города депутація съ изъявленіемъ благодарности за присылку къ нимъ войскъ по первой ихъ просьбѣ, въ Алтзоль ко мнѣ присланной, и за примѣрное ихъ поведеніе. 12-го я выступилъ съ кавалеріей и Симбирскимъ егерскимъ полкомъ при безпрерывномъ дождѣ до Бата. Не смотря на отчаянную каменистую и чрезвычайно гористую тяжкую дорогу и дождь съ туманомъ, этотъ переходъ останется для меня пріятно-памятенъ видами рѣдкими, необыкновенно замѣчательными, дико-горною природою и живописно повсюду разбросанными красивыми селеніями и отдѣльными жилищами. Здѣсь истинному живописцу были бы рѣдкія находки для кисти во всѣ часы дня и при всякомъ состояніи неба.—Кавалерія много потерпѣла и подалась въ эти два перехода, безъ овса, по внезапности выступленія и отставшему обозу, и подбилась

отъ испорченной продолжительнымъ дождемъ и безъ того камнями усѣянной дороги. Переходъ былъ 4 мили до Бата. Тамъ меня ожидалъ высланный ко мнѣ съ письмомъ отъ Клапки и для переговоровъ князь Павелъ Эстергази. Онъ предлагалъ сдачу Коморна мимо Австрійцевъ на условіяхъ, которыхъ я права не имѣю принять, угадывая на этотъ счетъ волю Государя. Продолжительная около четырехъ часовъ наединѣ съ нимъ конференція. Не смотря на отказъ, кажется, онъ оставилъ меня довольный пріемомъ и объясненіями. Это важное дѣло можетъ еще получить счастливый исходъ, для меня въ такомъ случаѣ необыкновенно счастливый. Въ четыре мѣсяца миссія Константинополя и эта послѣдняя! Но мало ласкаю себя надеждой; тутъ вѣроятно вмѣшается враждебный мнѣ фельдмаршалъ, чтобы не предоставить мнѣ этой чести. – Поздно вечеромъ графъ Эстергази уѣхалъ съ моимъ словеснымъ отвѣтомъ. Сегодня я сдѣлалъ съ авангардомъ небольшой и пріятный переходъ сюда, гдѣ принятъ въ домѣ порядочныхъ людей. Хозяинъ управляетъ значительными въ этомъ краѣ имѣніями князя Павла Эстергази. Погода прояснилась, прекрасная. Войска располагаю, наконецъ, по тѣснымъ квартирамъ на заслуженный отдыхъ. Государь чрезъ Исакова приказалъ мнѣ ихъ поблагодарить за храбрость и неутомимость. Отдать въ приказѣ. — Курьеръ вчера отъ фельдмаршала съ повтореніемъ прежнихъ предписаній, обстоятельствами новыми и неожиданными измѣняемыхъ.

15 (27) Августа. Вчера фельдъегерь съ высочайшимъ полнымъ одобреніемъ сдѣланныхъ мною отъ предписаній фельдмаршала отступленій и съ повелѣніемъ дѣйствовать по приглашенію Австрійскихъ генераловъ съ цѣлію достиженія сдачи Коморна. Откровенное письмо барона Ливена. Огорченія и усильныя побужденія по продовольствію. Прогулка по холмамъ, подковой окружающихъ городъ; прекрасный видъ на равнины; виноградники, дающіе изрядное, не имѣющее извѣстности, вино. Развалины замка изъ Турецкихъ временъ. Около музыки большое сборище народа. Сегодня донесеніе Государю и письмо къ Ливену съ вчерашнимъ фельдъегеремъ. Глупость Австрійскаго жандарма, еще унтеръ-офицера: очень рано, во время лучшаго моего сна, сегодня передъ утромъ, онъ пріѣхалъ курьеромъ и вызвалъ камердинера, прося его по важности депешей тотчасъ меня разбудить. Онъ настоялъ на этомъ, когда Павелъ приглашалъ его подождать и безъ того

ранняго моего пробужденія. И такъ я всталъ, одѣлся и позвалъ курьера. Вошедши, онъ объявилъ мнѣ, что никакой депеши ко мнѣ не имѣетъ, но желаетъ только отъ меня узнать, гдѣ живетъ баронъ Габленцъ? Можно вообразить, какъ я его выпроводилъ! Много глупаго, неприличнаго и вялаго замѣчаемъ теперь у Австрійцевъ. — Утренняя прогулка по горамъ; пріятно, но жарко; вечеромъ была прохлада, но не могъ разбить неодолимой грусти, какой-то безнадежности, мною овладѣвшей и непривычной. Не передъ загадочнымъ ли успокоеніемъ послѣ шестидесятилѣтняго дня? Да будетъ!—Первый виноградъ, не совсѣмъ дозрѣвшій, порядочныя груши. Разныя невыгоды въ разселеніи крестьянъ домами отдѣльно среди ихъ полей, вмѣсто соединенія ихъ небольшими селеніями. У князя Павла Эстергази 75 т. подвластныхъ крестьянъ.

16 (28) Августа. Лева. Поутру нѣсколько страницъ изъ Данте. Одинокая прогулка по окружнымъ холмамъ. За обѣдомъ живой разговоръ съ Габленцомъ. Подъ вечеръ прогулка съ хозяиномъ въ его плодовомъ саду; урокъ отъ него въ уходѣ за грушами, которыхъ у него отличные сорты; подъ дыни подложены кирпичи. Все это въ маломъ видѣ удобно, а въ большомъ трудно.—Австрійскій курьеръ изъ Вѣны. Венеція сдалась безусловно. Кошутъ, Бемъ и Дембинскій по слухамъ задержаны въ Турціи, въ Орсовѣ. Войска съ завтрашняго дня располагаются по дислокаціи на болѣе широкія квартиры. Великій князь Михаилъ Павловичъ ѣздилъ въ Вѣну.

17 (29) Августа. Лева. Нѣсколько страницъ изъ Данте. Довольно большая и пріятная прогулка съ барономъ Габленцомъ пѣшкомъ за городъ. Графъ Гіулай пожелалъ, чтобы я, не ограничиваясь настоящимъ расположеніемъ войскъ, занялъ постами все остальное пространство до устья Грана. Исполнилъ по его желанію. Въ шестомъ часу вечера одинокая большая прогулка по цѣпи холмовъ, подковою съ сѣвера обнимающихъ городъ и виноградниками покрытыхъ. Къ чаю пришли братъ и Ховенъ.

18-го (30) Августа. Утромъ написалъ письмо къ графу Вальмодену. Пѣшкомъ съ удовольствіемъ одинъ. Погода прекрасная, но осенняя; предметы подернуты всѣ будто легкимъ дымчатымъ пологомъ. Послѣ обѣда въ шестомъ часу очень пріятная прогулка верхомъ съ Исаковымъ, Старынкевичемъ и Богдановичемъ по от-

даленнымъ окрестностямъ города. Не было признаковъ военнаго смутнаго времени: вездѣ жители мирно занимались работами въ своихъ огородахъ, виноградникахъ и въ полѣ. Эти сельскія картины пріятно и кротко настроили душу, а ѣзда быстрая и безъ дорогъ напомнила мои сельскія прогулки верхомъ съ моими мальчиками. По возвращеніи прекрасная Ирма, дочь хозяйки, поставила передо мной тарелку отличныхъ фигъ, персиковъ и грушъ: мой обыкновенный здѣсь ужинъ. Ирма ненаглядно хороша. Повторять и усилить мои прогулки для успокоенія духа.

20 Августа (1-го Сентября). Вчера съ утра нѣсколько курьеровъ. Отъ Венгерскаго въ Коморнѣ начальника Клапки письмо съ возвращеніемъ шести плѣнныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ двухъ фельдъегерей. Двое офицеровъ остались двусмысленно. Взять ихъ на замѣчаніе по возвращеніи. Отъ Австрійскаго начальника 2-го корпуса Чориха о прекращеніи перемирія 3-го Сент. (22 Авг.) съ приглашеніемъ занять къ 4-му вечеромъ позицію въ Гетени подъ Коморномъ. Могу это сдѣлать къ 5-му, о чемъ его увѣдомилъ. Отъ Австрійскаго г-ла Потта о его пріѣздѣ для соглашенія со мною завтра. Курьеръ отсюда въ Вѣну, которому отдалъ письмо къ графу Вальмодену. Вечеромъ большая и пріятная прогулка верхомъ съ Исаковымъ и Старынкевичемъ, большею частію цѣликомъ. Возвращеніе при лунномъ свѣтѣ. Сходство многихъ здѣсь селеній съ Малороссійскими въ постройкѣ. Передъ вечеромъ пріятная прогулка верхомъ съ моими всегдашними спутниками Исаковымъ и Старынкевичемъ; насъ догналъ не совсѣмъ кстати баронъ Мильтицъ, Австрійскій офицеръ. Отыскали мѣста новыя, проѣзжали садами и виноградниками, въ которыхъ жители мирно предавались своимъ обычнымъ занятіямъ. Ниже слѣда войны. Среди этой тихой картины мира, оригинальна была встрѣча на проселочной дорогѣ Русской тройки и телѣги, на которой сидѣлъ нашъ офицеръ. Довольно поздно возвратился домой, и красавица Ирма при мнѣ накрыла для меня столъ, какъ во все это время, и поставила обыкновенный здѣсь мой ужинъ: персиковъ, фигъ, винограду, сливъ и грушъ съ бутылкой Эрлаускаго вина. Этого мнѣ будетъ недоставать, когда оставлю этотъ гостепріимный домъ; а не забуду никогда.

21-го Августа (2-го Сентября). Обязательная депеша Австрійскаго генерала Потта съ изъявленіемъ сожалѣнія, что не посту-

паетъ подъ мое начальство. Топографическое описаніе мѣстности въ С.-Петерѣ и Гетени. Донесеніе Государю и главнокомандующему. Ему готовится тріумфальный въ Варшавѣ пріемъ. Есть успѣхи безъ славы.

26 Августа (7 Сентября). Оба фельдъегеря, возвращенные изъ плѣну, отправлены 22-го въ Варшаву съ донесеніями. Нестеровъ воротился изъ Коморна съ письмомъ отъ Клапки; радушный пріемъ, ему сдѣланный. Клапка прислалъ мнѣ № Вѣнской газеты съ подчеркнутыми строками въ бюллетенѣ Гайнау, гдѣ этотъ Австрійскій главнокомандующій, противъ политическаго благоразумія, провозглашаетъ съ торжествомъ, что однѣ побѣды Австрійской арміи привели войну къ счастливому окончанію. На неблагодарность можно было разсчитывать непремѣнно; но ожидать нельзя было, для выгодъ и приличія Австріи, такъ рано. Впрочемъ поводъ къ тому данъ неумѣстною хвастливостью Паскевича въ донесеніи Государю при сдачѣ арміи Гёрге. Я показалъ эту статью барону Габленцу; онъ совершенно одного со мною о ней мнѣнія и сообщилъ его князю Шварценбергу. Вліяніе участія Русской арміи въ этой войнѣ, хотя бы просто однимъ присутствіемъ, не могло быть уничтожено даже замѣчательнымъ неискусствомъ Паскевича, на этотъ разъ (я полагаю) совершенно доказаннымъ. — Курьеры отъ генераловъ Потта и Чориха съ изъявленіями признательности за предстоящее содѣйствіе.—Послѣдняя прогулка верхомъ по окрестностямъ.

23-го Августа (4 Сентября). Общее движеніе всѣхъ войскъ и въ 12 ч. переходъ чрезъ демаркаціонную линію въ Барачку. Неосновательный и тотчасъ разсѣянный страхъ жителей къ Русскимъ. Глупый и тяжелый своимъ неотвязчивымъ присутствіемъ хозяинъ. Воды только въ колодцахъ. Неловкая комната, похожая на хозяина: все не на своемъ мѣстѣ.

24 Августа (6 Сентября). Переходъ до Iasz-falu и сосредоточеніе войскъ. Тоже безводіе. Хозяйская дочь, недурная собою; мужъ ея въ плѣну у Австрійцевъ въ Темесварѣ.

25 Августа (6 Сентября). До С.-Петера. Авангардъ изъ цѣлой егерской бригады подъ начальствомъ г.-м. Дзырулева въ Гетени. Въ 5 ч. пополудни выѣхалъ въ Гетени на рекогносцировку. Венгерскіе пикеты и крѣпость въ виду; казаки наблюдаютъ вблизи. Пѣхота расположена основательно. Возвратился уже поздно въ темнотѣ. — Сегодня офицеръ отъ графа Нюжента съ увѣдомленіемъ

о назначеніи его начальникомъ блокаднаго корпуса. Отвѣты всѣмъ Австрійскимъ генераламъ на ихъ отношенія съ увѣдомленіемъ о составѣ и расположеніи моего отряда.—Прогулка пѣшкомъ по высотамъ С.-Петера и взглядъ на кавалерійскій лагерь. — Сегодня тридцать седьмая годовщина Бородинской битвы. Сколько послѣ того происшествій! Какой переворотъ въ Европѣ! И какое важное звѣно въ этой цѣпи событій Бородинскій бой! Какое благодареніе можетъ принести Провидѣнію кто, подобно мнѣ, перешелъ и перенесъ этотъ долгій періодъ времени съ сохраненіемъ тѣлесной и душевной жизни безъ большаго ослабленія, съ готовностію и силою на новые труды.—Донесеніе фельдмаршалу и письмо къ Фрейтагу.

Задача: сыскать дѣло, признанное Государемъ за довольно достопамятное, чтобы приказать выбить медаль для раздачи всѣмъ чинамъ, участвовавшимъ въ немъ и котораго начальникъ не получилъ бы за то втораго Георгія.

Легкая задача: сыскать главнокомандующаго, который вмѣсто признательности мстилъ бы за оказанныя ему важныя услуги, и чѣмъ услуга важнѣе, тѣмъ месть непримиримѣе.

Вопросъ, подлежащій рѣшенію Промысла: чѣмъ кончитъ свое поприще главнокомандующій, котораго успѣхи доселѣ принадлежатъ очевидно непостижимому счастію?

Согласить дипломатическій успѣхъ, уничтожившій опасеніе несвоевременной войны, съ наградой табакеркою, хотя бы съ портретомъ и бриліантами.

27-го Августа (8 Сентября). Въ 11 ч. съ уланской бригадой и конной батареей рекогносцировка къ Коморну. Осмотръ расположенія авангарда отъ Гетени до Кюртъ-Кеси. Правый берегъ Дуная оттуда близко и въ виду. Дотисъ—главная квартира графа Нюжента также. Возвращеніе рысью и въ галопъ съ большимъ удовольствіемъ пріятными мѣстами и въ прохладную, почти холодную погоду. Заслуженный обѣдъ задержалъ долѣе обыкновеннаго въ общемъ возбужденномъ расположеніи духа. Конгрессъ въ Кремонѣ въ присутствіи Австрійскаго императора для устройства дѣлъ Итальянскихъ, какъ извѣщаютъ барона Габленца. Г-лъ Гессъ, мой пріятель, военнымъ министромъ, графъ Гіулай правителемъ. Баронъ Гайнау, 80-тысячная армія въ Форальбергѣ. Рескрипты Государя князю Паскевичу, графу Ридигеру, Лидерсу.

Nous vivons dans un tems rapide, nous vivons dans le courant

d'événements et d'idées les plus impétueux qui ait encore entraîné l'humanité; et à l'époque, où nous sommes, une année fait parfois l'ouvrage d'un siècle.

Swift disait que l'Anglais est un animal politique et le Francais un animal sociable, et jusqu'ici le mot se trouve juste.

Vienne était la ville conservatrice par excellence avant que, dans ces derniers temps, on y eut expédié de Paris *des entrepreneurs de félicité publique.*

28 Августа (9-го Сентября). Въ 11-ть часовъ утра верхомъ съ эскадрономъ уланъ въ Огіалу, большое и богатое селеніе. Домъ помѣщика, въ который по приглашенію заѣхалъ на завтракъ. Изрядный виноградъ, хорошія груши и отличное Токайское вино. Большой запущенный садъ. Фазаны. Здѣсь было бы гораздо лучше, нежели въ С.-Петерѣ. Оттуда далѣе до рѣки Нейтры въ Мартосъ. Встрѣча Австрійскаго маіора Дюмона съ депешей ко мнѣ отъ графа Нюжента. Возвращеніе почти все въ галопѣ, въ три часа къ обѣду.

29-го Августа (10-го Сентября). Всталъ въ пять часовъ. Солнце еще не всходило. Осеннее холодное тихое утро, почти морозъ. Ни одинъ листъ не колыхался. Черезъ улицу отъ меня, на дворѣ, подъ открытымъ сараемъ, конвойный казакъ, обратясь къ Востоку, творилъ теплую свою молитву, съ частыми земными поклонами. Живителенъ утренній воздухъ! Вотъ и солнце и привѣтственный ему окликъ, *Еліенъ,* пѣтуха.

Ils tournent la tête vers le bruit plutôt que vers la vérité, et ainsi ils arrêtent leur opinion avant d'écouter l'art ou la raison.

Въ 11-ть утра верхомъ чрезъ Мадеръ въ Баторъ-Кесси, гдѣ заѣхалъ въ домъ князя Пальфи. Семейство управляющаго. Лучшій доселѣ виноградъ, отличныя груши и хорошее вино вмѣсто завтрака. Съ высотъ не доѣзжая виденъ Гранъ и Дунай. Аллеи по дорогѣ бѣлой акаціи. Въ Коморнѣ тысячи больныхъ. Выгодное тамъ понятіе обо мнѣ, могущее способствовать успѣху дѣла. Маіоръ Дюмонъ съ утра отправленъ съ отвѣтомъ къ графу Нюженту. Императоръ Австрійскій сегодня долженъ возвратиться изъ Праги въ Вѣну. 16-го онъ, полагаютъ, отправится на Италіянскій конгрессъ въ Кремону.

Долго остаюсь безъ извѣстій изъ Варшавы: признакъ, что Государь уже выѣхалъ.

Прибыли вечеромъ двѣ роты Нижегородскаго полка съ двумя орудіями изъ Розенберга.

Князь Пальфи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣлъ насчастіе на охотѣ, стрѣляя по лисицѣ, убить своего брата. Онъ усыновилъ его семейство и навсегда отказался отъ охоты.

Невыгодный семейный бытъ фельдмаршала Радецкаго. Этого не покроетъ, не вознаградитъ и слава.

Ночи наступили темныя и холодныя; больныхъ однако немного, хотя войска на бивуакахъ; холера прекратилась вовсе.

Въ тылу опять появились безпорядки. Нужно опять показать примѣръ строгости и потребовать болѣе точности въ соблюденіи правилъ лагернаго порядка. Это обуздываетъ негодяевъ.

30 Августа (11 Сентября). Весь день дома. Погода непріятная; сильный вѣтеръ. Утро съ Данте. Все остальное время съ Гермесомъ; хорошъ, ясенъ, текучъ его Нѣмецкій языкъ. Никакого извѣстія изъ Варшавы, будто забытые. Если оставятъ долго въ настоящемъ положеніи, то войска потерпятъ: бивуаки скоро сдѣлаются тягостны; ночи очень холодныя; сегодня 30 человѣкъ заболѣло. Г. л. Ховенъ отпросился въ Нейгаузенъ лѣчиться отъ неотвязной лихорадки. Послѣдняя рота изъ Алзо-Кубина прибыла сегодня къ отряду. Здѣсь собрано теперь 13 т. надежнаго войска, всѣмъ необходимымъ снабженнаго. Летучій паркъ, магазинъ, гошпиталь по близости. Сегодня отправилъ штабъ-офицера съ дивизіоннымъ докторомъ осмотрѣть оставленныхъ полками въ разныхъ мѣстахъ больныхъ, собрать выздоровѣвшихъ и отправить, кромѣ весьма трудныхъ, всѣхъ больныхъ въ Вадовичи, въ Галицію. Такимъ образомъ мы въ полной готовности къ дѣйствію и къ возвращенію.

1 (13) Сентября. Вчера въ 10-ть утра верхомъ въ Цитва-тö на Дунаѣ. Погода была душная, знойный вѣтеръ походилъ на Самумъ, и все предвѣщало близкую бурю. По возвращеніи, и только что въ три часа сѣли за столъ, пріѣхалъ г-лъ князь Коллоредо съ молодымъ принцомъ Роганъ; въ слѣдъ за нимъ г-лъ Поттъ и наконецъ фельдцейгмейстеръ, графъ Нюжентъ, начальникъ всѣхъ блокадныхъ войскъ съ начальникомъ штаба и адютантомъ маіоромъ Дюмономъ. Цѣль этого съѣзда у меня, кромѣ сближенія личнымъ знакомствомъ, была рѣшеніе предварительныхъ мѣръ для формальной осады Коморна, въ которой Австрійцы разсчитываютъ положительно на участіе нашего отряда. Между тѣмъ мнѣ по сіе время ничего неизвѣстно о настоящей волѣ нашего правительства. Къ вечеру

разразилась ужасная гроза. Всѣ гости остались ночевать и размѣстились какъ могли.

Рѣшено приступить къ атакѣ острова Апали, гдѣ намъ достанется главная роль.

Сегодня поутру Австрійскіе генералы разъѣхались по своимъ мѣстамъ, оставивъ выгодное о себѣ впечатлѣніе; особливо князь Коллоредо. Это свиданіе было вообще полезно. Послѣ нихъ, для освѣженія головы послѣ безсонной ночи, пѣшкомъ въ лагерь и потомъ переодѣлся. Перемѣна состоящаго при мнѣ Австр. комиссара другимъ, Юстомъ. Общій взглядъ на послѣднія происшествія въ Европѣ: старики исправляютъ шалости дѣтей и юношей. Къ послѣднимъ прибавляю кабинетныхъ ученыхъ и университетскихъ профессоровъ, вовсе незнакомыхъ съ практическою жизнью народовъ и съ трудностію управленія ими. Честолюбцы употребили орудіемъ тѣхъ и другихъ.

2 (14) Сентября. Поутру отправилъ ген. штаба капитана Фока съ представленіями къ наградамъ отличившихся, съ донесеніемъ фельдмаршалу о происходящемъ. Письма къ князю Горчакову и къ Фрейтагу. Секретныя порученія по довѣренности Австрійскаго правительства относительно Коморна, мимо своихъ генераловъ. Вчерашняя вѣсть о внезапной кончинѣ великаго князя Михаила Павловича въ Варшавѣ болѣе разстроила меня, чѣмъ я полагалъ: въ первый разъ кровь показалась на платкѣ. Проснулся весь въ слезахъ. Небольшая прогулка пѣшкомъ. Вѣна встрѣчаетъ въ эти дни своихъ героевъ: Радецкаго, Гайнау и бана Іеллашича съ восторгомъ. Австрія вспрянула отъ долголѣтняго сна. Кабинетамъ нужно много проницательности и благоразумія для вѣрнаго опредѣленія новыхъ силъ, новыхъ обстоятельствъ и новыхъ потребностей времени. Послѣдствія въ подобныя эпохи слѣдуютъ быстро за ошибками.

3 (15) Сентября. Et cependant, quand viennent les jours de crise comme ceux auxquels nous sommes maintenant condamnés, les seules voix qui aient de l'autorité sont celles qui s'échappent des poitrines, où l'air des batailles a circulé.

Celui-là seul est doué de la force, qui possède un esprit ouvert à l'intelligence de la vie et un coeur fermé à la crainte de la mort.

Cette grave, puissante et sympathique intelligence des misères humaines que n'atteindra jamais celui qui n'a pas connu l'incom-

mensurable entassement de périls et de fatigues dont une seule heure de la vie militaire est remplie parfois.

Les véritables écrivains sont ceux qui ne font pas métier de leur talent, mais qui écrivent un certain jour, parce qu'il y a tout-à-coup dans leur cerveau quelque chose qui veut sortir.

Tandis que les mots abstraits égarent conscience et bon sens chez le peuple, l'armée reste avec les mots simples et clairs de sa vieille devise.

Les socialistes veulent aujourd'hui fonder par la spoliation et la guerre de classe à classe ce qui a été fondé par la justice et la force des choses.

L'amour de la nature ne s'exprime jamais qu'avec une extrême réserve; c'est un sentiment réprimé par cette pudeur dont tout les coeurs aux émotions fortes et vraies semblent rechercher le frein.

Le fond éternel de toutes les grandes âmes—la Poésie; il faut avoir le courage de dire ce nom.

L'épée de Bayard sera une croix dont on ne détruira jamais le prestige.

Le plus complet bonheur de ce monde: la joie de dire et l'honneur de faire ce qu'on croit le vrai, ce qu'on sent le bien.

Ce ne sont pas les guerres entre les différents peuples qui sont le malheur de nos jours; ce sont les luttes entre les différentes classes d'une même nation.

L'Europe est déjà à tel point gouvernée par les contribuables qu'une guerre entre deux peuples est devenu un événement fort peu probable. Dans les pays même qui ne jouissent pas du régime constitutionnel le pouvoir ne serait pas très empressé a exiger de nouveaux impôts pour faire une guerre. L'Europe a été en paix, et cependant la société européenne a éprouvé dans ces cinq dernières années des commotions qui n'ont pas de précédentes dans l'histoire depuis la chute de l'Empire Romaine. Ceci est un fait très remarquable

Повторю, быть можетъ въ другихъ словахъ, то, что̀ тысячу разъ уже сказано другими: война въ мірѣ нравственномъ, по волѣ Промысла, тоже, что̀ бури въ мірѣ физическомъ. Когда воздухъ отъ продолжительнаго вёдра сдѣлается душнымъ, вредныя испаренія распространятъ болѣзни и заразу, тогда всякій проситъ грозы и бури, а по освѣженіи ими воздуха съ нетерпѣніемъ ждетъ и молитъ о тишинѣ и солнцѣ. Война есть очистительное средство

заразъ общественныхъ и какъ буря, должна гремѣть рѣдко и непродолжительно. Она возбуждаетъ и сохраняетъ многія высокія добродѣтели, для человѣчества необходимыя.

Въ пословицѣ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, есть глубокій смыслъ.

Въ полдень рекогносцировка къ Коморну до р. Читвы.

Журналы не пропустили выставить неосторожныя выраженія въ донесеніяхъ обоихъ главнокомандующихъ, какъ признаки слабости политическаго союза двухъ имперій.

4 (16) Сентября. Рекогносцировка въ 10-мъ утра къ Коморну. Вся цѣпь аванпостовъ подвинута впередъ. Предложеніе гр. Нюжента, которое надобно съ приличіемъ отклонить. Донесеніе адъютанта Маевскаго. Парижская драма 1830-го года, Гермеса.— Нервическое разстройство, на глазахъ отозвавшееся, верховой скачкою вылѣченное. Новыя надежды сдачи Коморнскаго гарнизона. Казачій полкъ полковнику Штакельбергу.

7 (19) Сентября. 5-го прекрасный осенній день. Въ 9-ть утра рекогносцировка къ Дунаю на лѣвомъ флангѣ. Удостовѣреніе въ удобствѣ занятія с. Пата и Иши, Венгерцами еще занимаемыхъ. Приказалъ для этого поспѣшно построить мостъ на Читвѣ при Читва-тö.—Вечеромъ прогулка одинокая пѣшкомъ въ полѣ. Четыре артилериста выбѣжали изъ Коморна. Барона Таубе послалъ съ донесеніемъ къ фельдмаршалу. — 6-го вчера, въ 7-мъ утра, въ коляскѣ съ барономъ Габленцомъ за Дунай въ Ачъ къ графу Нюженту. Пароходъ перевезъ насъ на правый берегъ. Радушный пріемъ Австрійскихъ войскъ. Молодые офицеры, молодцы и на отличныхъ лошадяхъ скакали въ конвоѣ; генералы съ своими штабами во всѣхъ лагеряхъ ожидали на дорогѣ. Графа Нюжента не засталъ, отъ того что и онъ выѣхалъ верхомъ на встрѣчу; но меня провезли по другой дорогѣ, и мы разминулись. Онъ скоро пріѣхалъ, узнавъ объ этомъ. Солдаты выбѣгали толпой изъ лагерей, бросая съ крикомъ ура шапки на воздухъ. Музыки играли «Боже, Царя храни». Чтò ни пишутъ, ни говорятъ и, не смотря на неполитическія донесенія обоихъ главнокомандующихъ, Австрійскіе генералы и войска чувствуютъ и признаютъ всю важность спасительной помощи, Государемъ и его арміею ихъ дѣлу оказанной. Не говорю, что эта признательность живая, непритворная, будетъ продолжительна; но теперь она есть. На обѣдѣ присутствовали всѣ

главные войскъ генералы и штабъ: Чоричъ, к. Коллоредо, Буричъ, Барко, кн. Яблоновскій. Графиня Нюжентъ была сама хозяйкой. Во время обѣда полилъ проливной дождь, заставившій отослать музыкантовъ, игравшихъ въ саду подъ окнами. Съ тѣхъ поръ идетъ безпрерывный холодный дождь по сіе время. Послѣ обѣда тотчасъ выѣхалъ. Не смотря на дождь, тотъ-же восторженный пріемъ отъ войскъ. Засвѣтло доѣхали и вступили на пароходъ. Пріятные полчаса въ теплой каютѣ за отличнымъ виноградомъ, персиками, грушами и виномъ. Между тѣмъ наступила одна изъ темныхъ осеннихъ ночей, и мы почти шагъ за шагомъ доѣхали безъ бѣды до С. Петера. Чай былъ на этотъ разъ особенно пріятенъ. — Сегодня весь день дома. Возобновленная надежда на сдачу Коморна. Австрійское правительство рѣшилось, побѣждая народное самолюбіе, довѣрить мнѣ переговоры съ начальствомъ въ Коморнѣ, допуская выпускъ въ иные края всѣхъ болѣе виновныхъ, а самому Клапкѣ оказать и обѣщать вниманіе и прощеніе за эту услугу.

Бар. Габленцъ уѣхалъ съ утра къ г. Нюженту сообщить старику то, что́ доселѣ оставалось въ тайнѣ между кн. Шварценбергомъ, Габленцомъ и мною съ вѣдома молодаго императора, относительно сношеній съ Коморномъ; также пригласить его ко мнѣ съ графиней, съ генералами и съ кѣмъ угодно будетъ на смотръ войскъ и на обѣдъ въ Воскресенье, къ чему дѣлаются приготовленія. Два Англичанина, баронетъ Россель, родственникъ министра, и другой, писатель, имени котораго не вспомню, только что пріѣхавшіе, приглашены также.

Первый транспортъ осадной артиллеріи прибылъ и поступитъ къ намъ.

Живописецъ батальный Августъ Эртнеръ изъ Мюнхена явился съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Фонтона и, что́ того лучше, съ отличнымъ эстампомъ своей работы (Австрійскіе генералы 1809 года въ группѣ около эрцгерцога Карла), испрашивая позволенія посмотрѣть наши войска. Смотръ для него будетъ къ стати.

8 (20) Сентября, St. Петеръ. Погода какъ въ глубокую осень. Пріѣхалъ флигель-адъютантъ полковникъ Мирбахъ.

9 (21) Сентября. С. Петеръ. Наконецъ прекрасный день. Въ 11-ть часовъ рекогносцировка за Кюртъ-Кесси. Выбралъ мѣсто

для парада; осмотрѣлъ домъ, въ которомъ приму моихъ Задунайскихъ гостей. Г-ня Нюжентъ приняла также приглашеніе. Возвращеніе бар. Габленца. Условія, предложенныя Коморнскимъ гарнизономъ, съ небольшимъ измѣненіемъ почти уже возможно принять. Весьма вѣроятно, что обойдется безъ осады.

10 (22) Сентября. Ночью курьеръ отъ г. Нюжента. Онъ не надѣется на мирное окончаніе переговоровъ и полагается на наше участіе въ осадѣ, даже предоставляетъ намъ главную въ ней роль. Въ 6-ть утра сегодня курьеръ изъ Варшавы: фельдмаршалъ воспрещаетъ мнѣ приступать къ осадѣ по неимѣнію на то приказанія Государя, которое испрашиваетъ, препровождая мой рапортъ; оставлю это запрещеніе до возможности въ тайнѣ.

11 (23) Сентября. Вчера въ 10-ть часовъ въ Читва-тӧ; мостъ готовъ; потомъ въ Курта-Кесси въ домъ и садъ, гдѣ приговляется пріемъ; кажется, будетъ хорошъ. На возвратномъ въ С. Петеръ пути травля множества зайцевъ собаками. Трехъ затравили. Вечеромъ парламентеръ капитанъ Тӧрекъ съ двумя нашими военноплѣнными офицерами. Есть надежда склонить гарнизонъ къ сдачѣ. Новое доказательство неискренности (чтобы не назвать строже) Австрійцевъ въ отвѣтъ на довѣренность и открытое въ пользу ихъ поведеніе.

12 (24) Сентября. Вчера смотръ войскамъ въ Кюрта-Кесси, въ присутствіи гр. Нюжента, генераловъ, к. Яблоновскаго, Барко и большаго числа Австрійскихъ офицеровъ, также графини Нюжентъ; она была верхомъ. Изъ Коморна, по моему приглашенію, тоже выѣхали четыре офицера, объѣхали войска и по приближеніи уже Австрійцевъ, откланявшись мнѣ съ признательностью, ускакали. Между Венгерцами прекрасный собою 18-ти лѣтній юноша, графъ Кароли. Австрійцы съ увлеченіемъ изъявляли свое удивленіе. Погода была прекрасная. Обѣдъ въ саду подъ устроеннымъ тентомъ также удался во всемъ совершенно, не хуже какъ въ любой столицѣ. Поздно вечеромъ, при мѣсячномъ свѣтѣ первой четверти, возвратился въ С. Петеръ.

Сегодня только пѣшкомъ въ поле одинъ; прогулка послѣ шума и развлеченій вчерашняго дня для меня необходимая. Принялъ два намѣренія: не вмѣшиваться въ дѣла Австрійцевъ съ Коморнскимъ гарнизономъ безъ ихъ просьбы о посредничествѣ и увѣдомить гр. Нюжента о предписаніи не участвовать нашимъ

войскамъ въ осадѣ, если до нея дойдетъ. Возвращеніе Маевскаго. Письма отъ Ливена и Старынкевича. Сколько ни портятъ Австрійцы своею недовѣрчивостью и желаніемъ окончить мимо меня переговоры съ Венгерцами о сдачѣ, можно однако надѣяться на близкій конецъ; да уже и пора! Кажется, что я вчера-бы кончилъ.

Сегодня заняты авангардомъ Патъ и Иша. Къ начальнику авангарда посланы ракеты для сигналовъ на случай вылазокъ гарнизона, не охотно уступившаго намъ эти селенія.

13 (25) Сентября. С.-Петеръ. Въ восемь долженъ былъ сидѣть для живописца, готовящаго картину смотра Русскихъ войскъ подъ Коморномъ для посвященія Государю. Художникъ замѣчательный. Въ 10-ть часовъ верхомъ на Дунай въ занятыя селенія Иша казаками и Патъ двумя баталіонами Симбирскаго егерскаго полка, съ 4-мя орудіями. Оттуда лугами на Кюрта-Кесси, гдѣ посидѣли передъ домомъ за виноградомъ, грушами и Токайскимъ виномъ. Въ три часа былъ дома, проѣхавъ верстъ 25-ть. Возвращеніе Мильтица изъ Вѣны. Поклонъ отъ Медема. Приказъ Нюжента по случаю смотра 11-го числа. Сдѣлать ему переводъ на Русскій языкъ и отдать по войскамъ. Вчера въ продолженіи дня было много пушечныхъ выстрѣловъ на правомъ берегу Дуная и не смотря на легкое и частое между нами сообщеніе, Австрійцы въ цѣлый день сегодня не извѣстили меня о томъ, чтò у нихъ происходило.

14 (26) Сентября. С.-Петеръ. Сегодня отправилъ курьера въ Варшаву съ донесеніемъ фельдмаршалу о положеніи дѣлъ у насъ. Двѣ докладныя записки о г.-л. Ховенѣ и о Наттѣ; маршрутъ на случай возвращенія войскъ. Съ 8-ми часовъ до 10-ти сидѣлъ для живописца Эртнера. Замѣчательно удачный портретъ брата Петра. Въ 11-ть въ Огіалу. Виноградъ и груши у помѣщика передъ домомъ. Пригожая дѣвушка, отецъ которой боленъ въ Коморнѣ. Пригласилъ ее къ нему туда ѣхать. Въ половинѣ четвертаго домой. Туда и обратно затравили четырехъ зайцевъ. Погода прекраснѣйшая. Неожиданный визитъ. Какъ еще сойдетъ! Казаки по просьбѣ Венгерскихъ гусаръ дали имъ въ Иши четырехъ куръ для больнаго. Полагаю, что противъ Иши будетъ попытка. Занятіемъ этого селенія Венгерцы очень стѣснены. Переговоры у Австрійцевъ съ Коморномъ приняли опять видъ неблагопріятный. Они вѣроятно перейдутъ опять ко мнѣ.

15 (27) Сентября. Въ 10-ть часовъ черезъ Мадаръ въ Баторъ-Кесси. Прекрасная больная; убѣдилъ ее, что можетъ безпрепятственно съѣздить въ Коморнъ повидаться съ отцомъ, главнымъ докторомъ у Венгерцевъ. Булавка съ портретомъ Кошута на груди ея. Велика народность этого человѣка въ краѣ, особливо между женщинами, легко воспламенимыми. Баронъ Гайнау пріѣхалъ въ Ачъ съ полномочіемъ къ договору, на условіяхъ, какъ мнѣ сообщаютъ, весьма снисходительныхъ.

При этомъ образѣ жизни сохраняется здоровье, душевная бодрость, забываются заботы, и дни проходятъ быстро и не безъ пользы для ума. Утро и вечеръ принадлежатъ ему; остальное время дня-движенію физическому, подъ открытымъ небомъ, охотѣ, скачкѣ верхомъ въ большомъ обществѣ, короткому отдыху, гдѣ случится, съ увѣренностью хорошаго, иногда радостнаго пріема Русскому начальнику непритѣснительному, нерѣдко ограждающему противъ крутыхъ мѣръ чиновниковъ оскорбленнаго ими Австрійскаго правительства. Но все пора кончить это чужое дѣло и возвратиться къ своимъ радостямъ, къ своимъ заботамъ и, быть можетъ, къ своимъ горестямъ. Вѣрно не безъ удовольствія буду однако вспоминать о семи мѣсяцахъ послѣ отъѣзда въ Мартѣ изъ Петербурга до настоящаго дня, такъ дѣятельно и разнообразно, въ такихъ важныхъ положеніяхъ, мною проведенныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ найдутъ мѣсто и заслужатъ одобрительную строку въ современной исторіи моего отечества.

Графъ Форгачъ, незнакомый мнѣ, прислалъ оленя. Князь Шварценбергъ, президентъ Совѣта, поклонъ съ маіоромъ Франсуа. Въ Вѣнѣ я могъ бы, кажется, провести нѣсколько дней пріятно. Посмотримъ!

16 (28) Сентября. Сегодня сдался Коморнъ, невозможно болѣе къ стати, потому что сегодня же рано князь Голицынъ, адъют. фельдмаршала, привезъ мнѣ Высочайшее повелѣніе немедленно выступить изъ подъ Коморна, что произвело бы вредныя послѣдствія, если бы случилось до сдачи.

17 (29) Сентября. До половины 11-го бумаги для отправленія курьера и по выступленію войскъ. Потомъ верхомъ до пристани на Дунаѣ. Отдыхъ у подполк. Разводовскаго. Еще не кончили обѣда, какъ пріѣхалъ баронъ Гайнау. Выраженіе лица его замѣчательно и достойно знаменитости. Я высказалъ ему

удовольствіе встрѣчи съ нимъ и впечатлѣніе имъ сдѣланное. Съ нимъ былъ г.-м. князь Монтенуово, сынъ Маріи Луизы, съ Рущука въ 1846-мъ году мнѣ знакомый и нѣсколько офицеровъ. Постараюсь завтра же заплатить за визитъ, быть можетъ прямо черезъ Коморнъ.

18 (30) Сентября. Я не совсѣмъ доволенъ вчерашнимъ свиданіемъ съ Гайнау. Въ ощущеніяхъ и словахъ была противоположность съ моей и, можетъ быть, тоже съ его стороны. Первыя были пріятны и пріязненны, вторыя необдуманны и почти колки. Усѣвшись, онъ съ самодовольствіемъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что̀ вы скажете о быстромъ рѣшеніи сдачи Коморна?— Это дѣло достигло такой зрѣлости, отвѣчалъ я, что оставалось только рѣшить. При болѣе досужемъ разговорѣ, я нашелъ бы сказать что нибудь обязательнѣе. Говоря о дивизіи Панютина и выхваляя ее, онъ прибавилъ, какъ она ходитъ и какіе марши она дѣлаетъ. Всматриваясь въ него и не обдумывая мои отвѣты, я разсѣянно отвѣчалъ, что ни одна часть войскъ въ эту войну, я полагаю, не дѣлала такихъ большихъ переходовъ, какъ мой отрядъ. На это онъ замѣтилъ, что ничего не знаетъ и проситъ разсказать. Безъ связи и почти безъ мысли я описалъ ему главныя черты нашей кампаніи. Все это было какъ бы измѣривая другъ друга, почти непріязненно, между тѣмъ какъ я съ живымъ участіемъ вглядывался въ этого замѣчательнаго человѣка. При прощаніи я успѣлъ однако высказать ему нѣсколько обязательныхъ словъ. Впрочемъ Гайнау не любитъ Русскихъ, и невольные встрѣчные удары могли быть къ стати: я здѣсь представитель Русскихъ. Посмотримъ сегодня. Гайнау останется мечемъ Австріи. Онъ стоитъ внимательнаго наблюденія.

Князь Голицынъ уѣхалъ въ пять ч. утра въ Варшаву съ моими депешами. Сегодня начало движенія отряда. Летучій паркъ выступитъ изъ Верабелла.

19 Сентября (1-го Октября). С. Петеръ. Вчера, пообѣдавъ въ 12-мъ часу, я отправился отдать визитъ г-лу Гайнау въ Ашъ. Ближайшая дорога идетъ чрезъ Коморнъ, занятый еще Венгерцами до соглашенія въ подробностяхъ рѣшенной сдачи. Я приказалъ спросить Клапку, можно-ли проѣхать черезъ крѣпость. Отвѣтъ его былъ, что съ его стороны нѣтъ препятствія, но что въ настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ не совсѣмъ увѣренъ въ гар-

низонѣ и опасается какой нибудь непріятности, потому проситъ проѣхать инкогнито и не останавливаясь. Я поѣхалъ открыто, со свитою на пяти повозкахъ, съ урядникомъ на козлахъ, уланскимъ унтеръ-офицеромъ на запяткахъ, въ открытой коляскѣ. Встрѣченъ на аванпостахъ Венгерскими офицерами и гусарскимъ конвоемъ; всѣ караулы отдавали честь, встрѣчные кланялись, отвсюду изъ лагерей и постовъ сбѣгались на дорогу. Офицеры просили заѣхать къ Клапкѣ. Я отказалъ, приказавъ ѣхать далѣе. Гайнау меня ожидалъ. Тонъ его совершенно перемѣнился: онъ сдѣлался привѣтливымъ и обязательнымъ, что̀ и съ моей стороны вызвало безъ труда нѣсколько удачныхъ и лестныхъ словъ. Характеръ его весь наружу. Въ жизни моей встрѣчаю въ немъ, изъ лицъ счастіемъ или заслугой высоко поставленныхъ, второй примѣръ забавнаго, простодушнаго самохваленія. Первый въ Варшавѣ. Между прочимъ онъ невинно спросилъ меня: не правда-ли, что имя его нужно было для побужденія Коморна къ сдачѣ? Краска на лицѣ послѣ недавняго обѣда не идетъ ему; онъ гораздо лучше блѣдный, какъ пріѣзжалъ ко мнѣ. Сюзанъ, его г-лъ-адъютантъ. Гайнау своимъ желѣзнымъ, непреклоннымъ характеромъ, непомѣрно высокимъ о себѣ мнѣніемъ, готовитъ большія затрудненія своему правительству, но при случаѣ окажетъ ему важныя услуги. Это герцогъ Альба Австріи. Пробывъ у него минутъ десять, я откланялся; но онъ проводилъ меня до коляски и стоялъ, пока она тронулась со всей своей свитой.

Въ обратный проѣздъ чрезъ Коморнъ собралось еще болѣе народу; выстрѣлы, слѣдствіе безпорядка, были даже на улицахъ. Приглашенный, я опять отказался заѣхать къ Клапкѣ. Онъ выѣхалъ на встрѣчу въ коляскѣ съ гр. Эстергази; не останавливаясь, я поклонился послѣднему, какъ уже знакомому.

То, что̀ я могъ видѣть проѣздомъ изъ укрѣпленій Коморна вовсе не отвѣчаетъ мнѣнію Австрійцевъ о его неприступности. Все было доступно даже приступу, особливо укрѣпленный лагерь праваго берега. Орудій на валахъ было немного. Войскъ въ разныхъ лагеряхъ также, и тѣ оборванныя, истощенныя; лошади въ кавалеріи дрянныя.

Сегодня выступилъ первый эшелонъ кавалеріи. Отпустилъ почти весь мой штабъ въ Пестъ. Въ 11-ть часовъ верхомъ въ Огіалу, съ бар. Габленцомъ, Наттомъ и Богдановичемъ. Отличныя

груши. Прогулка по саду съ хорошенькою дѣвушкой Аделью, дочерью дома. Маіоръ Франсуа возвратился изъ Вѣны. Послѣ обѣда прогулка въ колясочкѣ съ братомъ. Габленцъ на козлахъ. Вечеромъ флигель-адъютантъ императора Австрійскаго графъ Солтыкъ привезъ мнѣ орденъ Леопольда 1-й степени съ рескриптомъ весьма лестнымъ.

20 Сентября (2-го Октября). Часть утра сидѣлъ для живописца, первымъ портретомъ недовольнаго. Въ 11-ть верхомъ въ Маршалгазу. На дворѣ передъ домомъ въ тѣни отдыхъ за лучшимъ въ краѣ виноградомъ изъ Альмаса. Туда и на возвратномъ пути, казаки затравили въ наѣздку пять зайцевъ. Прогулка въ саду въ Огіалѣ. Отложилъ поѣздку въ Вѣну до Четверга, чтобы уѣхать отсюда съ выступленіемъ брата и перваго эшелона пѣхоты съ моей квартирой. Есенева отпустилъ впередъ въ Варшаву. Приказъ войскамъ объ изъявленной въ рескриптѣ императора Австрійскаго признательности за строгій порядокъ, перенесенные труды и мужество ихъ.

1 (13) Октября. Тренчинъ. 22-го Сентября выступилъ первый эшелонъ пѣхоты съ моей квартирой, а самъ я въ восемь утра поѣхалъ въ коляскѣ съ Габленцомъ въ Пресбургъ чрезъ Шередъ на Ваагѣ. Всѣ гостинницы въ Пресбургѣ были полны по случаю пріѣзда туда Радецкаго (къ дочери) и бана Іеллашича. Провелъ ночь не раздѣваясь въ тѣсной комнатѣ, уступленной мнѣ Австрійскимъ офицеромъ. 23-го по желѣзной дорогѣ въ Вѣну. Примѣчательный тоннель. Частыя остановки. Не найдя покоевъ въ Römicher Kaiser, остановился въ Goldenen Lamm; послѣ долгаго ожиданія въ тѣсной и неудобной комнатѣ, къ вечеру очистили прекрасные покои съ красивымъ и дальнимъ видомъ. 24-го визитъ Медему, посланнику нашему, к. Шварценбергу, г-жѣ Гіулау, к. Лихтенштейну, Вельдену. Обѣдъ у к. Шварценберга. Вечеромъ въ театръ. 25-го визиты эрцгерц. Альберту, Радецкому, Іеллашичу. Обѣдъ у г-фи Гіулай съ обоими.

26-го представленіе императору Францу-Іосифу въ Шенбрунѣ, также представилъ и свиту. Обѣдъ у императора. Сидѣлъ между эрцгерцогомъ Іосифомъ и Іеллашичемъ.

28-го. Простясь съ моимъ безпрерывнымъ спутникомъ послѣдняго времени Габленцомъ, выѣхалъ изъ Вѣны по желѣзной дорогѣ въ Пресбургъ. Тамъ ожидала карета, привезшая въ семь часовъ вечера къ обѣду въ Ландшюцъ. Радушный пріемъ хозяйки графини

Эстергази, урожденной княжны Трубецкой (за первымъ мужемъ г-ня Апраксина).

29-го въ 11-омъ часу утра кавалькада по прекрасному парку съ дамами, почти все въ галопъ. Въ часъ завтракъ, а въ три съ Старынкевичемъ, простясь съ гостепріимными хозяйками, далѣе въ Тирнау. Артуръ Баттіани черезъ два дня женится на дочери дома. Я въ Тирнау ночевалъ, а въ Тренчинъ пріѣхалъ 30-го же, въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, по причинамъ важнымъ, а еще болѣе по мелочнымъ. Адъютантъ человѣкъ прекрасный, но мѣшокъ. Камердинеръ отъ пьянства обратившійся въ безсмысленную скотину. Оттого много недоразумѣній. Провожу одинъ изъ самыхъ пустыхъ дней въ жизни, послѣ живыхъ впечатлѣній оставленныхъ съ выѣзда изъ С. Петера, Пресбургомъ, особливо Вѣной и Ландшюцемъ. Погода холодная и сырая; на улицахъ грязь, иначе взошелъ-бы на гору осмотрѣть развалины Тренчинскаго замка, обширныя и красивыя, передъ моими окнами возвышающіяся. Читать нечего, а доставать уже не стоитъ. Послѣ завтра отправлюсь на Моравскую желѣзную дорогу, простясь съ братомъ и отрядомъ. Въ памяти что-то шевелится относительно преданій о Тренчинѣ, но ничего опредѣлительнаго не улаживается. Фельдмаршалъ Радецкій, 84 лѣтъ, которые онъ бодро и прямо носитъ, на видъ не болѣе 60-ти; стары одни глаза; обращеніе ласковое, простодушное, привязавшее къ нему армію. Росту малаго; только извѣстные подвиги обращаютъ вниманіе на его наружность, вовсе незначительную. Онъ переноситъ безъ видимой усталости празднества и обѣды въ честь ему даваемые. Кроатскій банъ Іеллашичъ, лѣтъ 43-хъ или пяти, средняго роста, выражающаго крѣпость сложенія и ловкость. Лице красивое, взглядъ умный и живой. Широкій лобъ; волоса на головѣ только съ боковъ, черные съ просѣдью. Голосъ густой, пріятный и многонотный. Обращеніе привѣтливое, военное; разговоръ умный и плавный. Съ первой встрѣчи между нами установилась симпатическая довѣренность. Онъ относилъ свои успѣхи къ глубокимъ убѣжденіямъ; въ нихъ почерпалъ онъ, по его словамъ, свою рѣшительность, а не въ дарованіяхъ, которымъ не довѣрялъ. Это человѣкъ увлекательный; въ немъ все стройно, личность его и его знаменитость.

Графъ Гіулай, военный министръ, толстенькій, малорослый, съ лицомъ человѣка, одной матеріальной жизни преданнаго. Съ нимъ я не нашелъ разговора, бывъ его сосѣдомъ на его обѣдѣ.

Князь Шварценбергъ, первый министръ, высокаго роста, съ выраженіемъ тонкости, высокаго образованія и тону вельможи; въ лицѣ какое-то сходство съ к. Мих. Сем. Воронцовымъ. Онъ показалъ въ критическіе дни имперіи много благородной твердости и ловкости въ политикѣ. Ему нѣтъ 50-ти лѣтъ, но посѣдѣлъ въ одинъ годъ совершенно. Разговоръ весьма пріятный, взглядъ проницательный, вкрадчивый и внимательный.

Гайнау, наружности воинственной, усы длины необыкновенной, черта свирѣпости на лицѣ какъ и на дѣлѣ выраженная, взглядъ безпокойный; тщеславіе и хвастовство въ разговорѣ отрывистомъ безпрерывныя. Онъ едва не обратилъ своими поступками союзниковъ въ непріятелей. Русскихъ терпѣть не можетъ. Въ арміи офицерами и генералами не любимъ, но уважаемъ. Рѣшительность его главное свойство. Иногда она достаточна одна для важныхъ успѣховъ. Этотъ будетъ раздувать пламя войны противъ кого бы то ни было, съ радостію и чувствомъ мщенія противъ насъ. Мы оказали слишкомъ важную услугу, чтобы намъ простить, и онъ первый будетъ стараться унизить ея цѣну. Этого надо, будетъ измѣрить вѣрно какъ готоваго противника и врага.

Императоръ Францъ-Іосифъ, 19-ти лѣтъ, пріятной наружности средняго и ловкаго росту, возбуждаетъ выгодныя обѣщанія. Онъ принимаетъ уже какъ государь 30-ти лѣтъ, спокойно, съ строгимъ приличіемъ въ вопросахъ и разговорѣ. На лицѣ его есть уже черта тоски, сопровождающей власть въ наше время. Свиданіе съ императоромъ Николаемъ въ Варшавѣ подѣйствовало на него, сказываютъ, рѣшительно и очевидно въ его тонѣ, правилахъ царственныхъ и поступкахъ. Кому это отзовется!

Эрцгерцогъ Албертъ, сынъ знаменитаго эрцгерцога Карла, напоминаетъ отца наружностію, слѣдственно не красивъ, но пріятенъ выраженіемъ благородства и привѣтливости. Потрясеніе имперіи и царственнаго дома подѣйствовали сильно на его душу и отзываются въ его умномъ, разсудительномъ и нерѣдко съ оттѣнкомъ грусти разговорѣ. Несчастная любовь участвуетъ, говорятъ, въ послѣдней. Если это наша несравненная Ольга Николаевна, чьей руки эрцгерцогъ искалъ и надѣялся, то неудивительно. Въ разговорѣ съ нимъ по поводу слишкомъ незначительныхъ людей, въ спокойныя времена часто на важныхъ степеняхъ употребляемыхъ, у меня вырвалось уподобленіе смѣшное, но не безъ

мѣткости. Ils sont comme les chemins naturels, qui sont bons pendant qu' il fait bon; au premier orage, ils sont impraticables. Мы посмѣялись сравненію. Эрцгерцогъ на другой день отдалъ мнѣ визитъ.

Г-лъ Гессъ, сотрудникъ достойный Радецкаго, — честный, храбрый, благородный человѣкъ. Онъ извѣстенъ кромѣ того какъ отличный организаторъ, неутомимый въ полѣ и въ кабинетѣ. На второй ступени первый, сомнѣваются, чтобы онъ достойно могъ занять первую высшую. Находятъ, что онъ съ подчиненными слишкомъ товарищеcтвуетъ. Выше средняго роста, бѣлокурый, съ маленькими, отъ работы покраснѣвшими, глазами, съ вѣчнымъ насморкомъ; наружность его не привлекаетъ, но и не отталкиваетъ.

Вельденъ, губернаторъ Вѣны, короткое время главнокомандующій послѣ к. Виндишгреца, видной наружности, почти Клеберовской, умный, образованный, съ даромъ слова, но легко недовольный, порицатель. Онъ продолжаетъ осуждать послѣднія дѣйствія Гайнау, не смотря на успѣхъ. Но на этотъ разъ правъ не онъ, а Гайнау, оцѣнивъ моментъ войны, направленіе Русской арміи, внутреннее положеніе арміи непріятельской и выгоды рѣшительнаго наступленія при данныхъ условіяхъ. Понятно, что въ Вѣнѣ, встревоженной пораженіемъ его во время удаленія блокаднаго корпуса Чориха подъ Коморномъ, всѣ осуждали Гайнау; но послѣдствія въ глазахъ другихъ его оправдали, кромѣ Вельдена, въ осужденіи постояннаго. Вельденъ также не жалуетъ насъ, и непринятіе въ Варшавѣ предложеннаго имъ плана дѣйствій причиной отреченія его отъ командованія, а не болѣзнь, какъ самъ онъ мнѣ сознался. Разговоръ его очень пріятенъ.

Сегодня почти весь день съ моимъ добрымъ братомъ. Чтобы остаться долѣе съ нимъ и въ точности исполнить волю Государя, отказался отъ перваго намѣренія выѣхать на Моравскую желѣзную дорогу, а дойду съ отрядомъ до границы Галиціи. Старынкевича отправлю впередъ.

Не совсѣмъ, но много одолѣлъ вчерашнее чрезвычайно-мрачное расположеніе духа и раздраженіе.

Садъ въ Ландшюцѣ я считаю однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ по искусству расположенія, обширности, отдѣлкѣ съ отличнымъ вкусомъ его частей, по широкой, великолѣпной и граціозной рамѣ его окружающей. Паркъ полонъ оленей, лосей, дикихъ козъ и фазановъ, перебѣгавшихъ и перелетавшихъ группами черезъ до-

рожки, по которымъ мы скакали. Замокъ отвѣчаетъ ему строгимъ стилемъ корпуса и всѣхъ построекъ и внутреннимъ убранствомъ. Гостепріимство, оставляющее гостямъ свободу и тонъ дома всему соотвѣтствуютъ.

3 (15) Октября. Понедѣльникъ. С. Предмиръ. Вчера изъ Тренчина въ Беллусъ въ почтовой колясkѣ съ барономъ Таубе. Квартира у священника изрядная. Гр. Кенигзегъ пріѣхалъ изъ своего замка, прекраснаго и въ живописномъ положеніи на правомъ берегу Вааги. Онъ остался съ нами обѣдать. Братъ Петръ также и весь вечеръ вмѣстѣ. Таубе разсказалъ подробности послѣднихъ происшествій въ Екатеринбургѣ между г.-л. Г-ой и его женой; связи ея съ арт. кап. Рюлемъ послѣ празднованія серебряной свадьбы. Я видѣлъ ее потомъ въ Кіевѣ; какъ ни въ чемъ не бывало!

Сегодня въ Предмиръ. Не смотря на дождь и стужу, нельзя налюбоваться на красоту долины Вааги и горъ по обоимъ берегамъ. Мы опять въ Карпатахъ. Особенно живописно расположенъ на правомъ берегу домъ Ульмана у подошвы скалистой горы, на вершинѣ которой красуются развалины замка Запара. Сюда надо заѣхать пейзажисту: онъ нашелъ бы множество картинъ для своей кисти. Но въ Венгрію и особенно въ эту часть ея рѣдко кто заѣдетъ, и оттого она по сіе время мало и вовсе не вѣрно была извѣстна. Здѣсь селенія обстроены гораздо хуже. Дома большею частію дымные, не подъ крышку только, какъ въ Арвѣ, но дымъ выходитъ изъ окошекъ. Народъ невидный; но, судя по обработкѣ земли, трудной на покатости горъ, огородовъ, добротѣ лошадей, качеству овецъ, долженъ быть работящій и домовитый.

Здѣсь въ Предмирѣ стою тоже у священника; домъ порядочный, но вонючій, неопрятный; оконъ вѣроятно никогда не отворяли. Еще въ Белусѣ виноградная полоса кончилась; въ Тренчинѣ ея граница. За то груши и сливы отличныя.

Хозяинъ, ободренный ласковымъ пріемомъ, говоритъ съ жаромъ и безъ умолку о минувшихъ происшествіяхъ на Вавилонскомъ языкѣ, фразами Нѣмецкими, Словацкими, Латинскими и Венгерскими, въ безпорядкѣ перемѣшанными, воображая, что я долженъ его понимать.

Подполковникъ Наттъ возвратился изъ Вѣны. Г.-л. Купреяновъ, лишившійся ноги подъ Дебречиномъ, пріѣхалъ туда лечиться. Графъ Шликъ, одинъ изъ извѣстныхъ Австрійскихъ генераловъ, мнѣ незнакомый, прислалъ мнѣ съ Наттомъ поклонъ.

Пропустилъ замѣтить, что на желѣзной дорогѣ изъ Пресбурга въ Вѣну я ѣхалъ съ герцогомъ Немурскимъ и Когари-Кобургомъ. Первый наружности незначительной; послѣдній видный мущина, умственными способностями, какъ его разумѣютъ, не отличающійся.

Путешествіе въ спокойное время по Венгріи было бы тѣмъ пріятнѣе, что жители отличаются гостепріимствомъ, общимъ въ странахъ мало посѣщаемыхъ.

Во всѣхъ селеніяхъ на церковныхъ колокольняхъ бьютъ часы, чего нѣтъ у насъ во многихъ городахъ.

Что̀ было бы, если бы Гайнау съ Австрійскою арміей остался подъ Коморномъ и не пошелъ на Шегединъ и Темешваръ въ то время, когда нашъ главнокомандующій пошелъ на Тейсу? Всѣ корпуса Венгерской арміи соединились бы противъ насъ. Гёрге въ такихъ обстоятельствахъ положилъ ли бы оружіе?

Черта благородства души Радецкаго: родственница генерала Гессе, начальника его штаба и истиннаго помощника его, обратилась къ Радецкому письменно съ какою-то просьбою. Въ отвѣтѣ своемъ онъ написалъ: Какъ могу я отказать въ чемъ-либо отъ меня зависящемъ родственницѣ человѣка, которому я обязанъ славой мною пріобрѣтенной, а имъ заслуженной? Вотъ какъ можно быть великодушнымъ, придавая другому и ничего у себя не отнимая. Такъ пріобрѣтаютъ достойныхъ сотрудниковъ. Не испорчу этого сравненіемъ.

Палата депутатовъ во Франціи при Людовикѣ Филиппѣ оспаривала назначеніе 6 т. франковъ вдовѣ убитаго подъ Константиной главнокомандующаго въ Алжирѣ, г-ла Даммартена. Хороши!

7-го (19) Октября, Пятница. Краковъ. Изъ Предмира въ Силеинъ (Чолна) въ коляскѣ 4-го, все долиной Вааги; мѣста живописныя, ненаглядныя. Здѣсь городъ потерпѣлъ отъ войны. Квартира пріятная. Вечеръ провелъ съ братомъ; онъ привелъ съ собой Австрійцевъ, маіора Либлера и молодаго инженера Полиньи; люди хорошіе, особливо юноша, наружности счастливой и къ тому хорошо воспитанный; но не люблю я военной болтовни, особливо безконечныхъ повтореній, еще болѣе, если они у самого вырываются. Оттого дурно спалъ. 5-го, простясь съ братомъ и штабомъ лично, съ войсками приказомъ, выѣхалъ съ барономъ Таубе. Въ Силеинѣ прочелъ журналъ нашей кампаніи; изрядно.

Дорога до Чаши и оттуда до Чаръ, уже въ Галиціи, очень

дурна и еще испорчена дождемъ. Въ Чары пріѣхалъ поздно и остановился въ домѣ управляющаго. Имѣніе принадлежитъ эрцгерцогу Албертy. Здѣсь по его приказанію не хотѣли принять платы ни за что. Переночевавъ покойно, 6-го поѣхалъ далѣе. Замѣчательный подъемъ между Живцемъ (Seybuch) и Андржиховымъ, крутой, длинный, лѣсистый, дикой; дефиле изъ самыхъ трудныхъ въ Карпатахъ; къ счастію, шоссе въ порядкѣ. Завтракъ на вершинѣ, при дорогѣ, на травѣ. На этомъ переѣздѣ сломилась ось у нашей коляски; къ счастію только что обогнали уланскаго Наслѣдника полка квартирмистра, ѣхавшаго въ новой Вѣнской коляскѣ, Андреевскаго. Онъ уступилъ ее мнѣ доѣхать до Кракова. Въ Андржиховѣ, небольшомъ городкѣ съ живописными окрестностями, остановился обѣдать и довольно хорошо, противъ ожиданія. Полагая доѣхать до Кракова въ тотъ же вечеръ, поспѣшилъ ѣхать далѣе; но карета отстала, и фельдъегерь, впередъ посланный для заготовленія лошадей, ничего не заготовилъ и пьяный спалъ мертвымъ сномъ, объявивъ, что я до утра не могу пріѣхать. Я долженъ былъ остаться ночевать въ замкѣ. Свѣжія газеты, Вѣнская и Ost-Deutsche Zeitung помогли дотянуть до ночи. Между тѣмъ карета догнала. Насилу собрали лошадей къ осьми часамъ утра сегодня. Тамъ же прочелъ о наградахъ, данныхъ Австрійскимъ императоромъ нашей арміи. Съ удовольствіемъ нашелъ, что братъ мой получилъ орденъ Желѣзной Короны 1-го класса. Наттъ опять умѣлъ себѣ испортить.

Въ 12-мъ пріѣхалъ въ Краковъ и остановился въ опрятныхъ покояхъ гостинницы, названіе которой вышло у меня на эту минуту изъ памяти. Въ часъ поѣхалъ къ невѣсткѣ, гдѣ съ семействомъ брата и обѣдалъ. Рано возвратясь домой, чтобы приготовиться къ выѣзду завтра по желѣзной дорогѣ въ Варшаву, съ помощію Mille et un fantomes Александра Дюма дотянулъ до 9-ти часовъ вечера.

11 (23) Октября, Вторникъ. Варшава. 8-го въ 10 ч. утра по желѣзной дорогѣ выѣхалъ изъ Кракова. Поѣзды почти пустые отъ затрудненій для полученія пашпортовъ. Какъ печальна, безлюдна, бѣдна и плоска эта часть Польши въ сравненіи съ живописною, населенною, богатою и прекрасною Венгріею! Она точно драгоцѣннѣйшій алмазъ въ коронѣ Австріи. Поѣздъ остановился на ночь въ Ченстоховѣ. — 9-го въ три часа доѣхали въ Варшаву.

Хорошія комнаты въ Hôtel de Wilna. Первая безпокойная ночь. Вчера 10-го представлялся фельмаршалу. Какъ онъ жалокъ! Съ какимъ бѣшенымъ безпокойствомъ онъ переноситъ все непостижимое счастіе, которымъ такъ неутомимо надѣляетъ его Провидѣніе. Заслуженные успѣхи бываютъ гораздо спокойнѣе и равнодушнѣе къ мнѣнію другихъ. Припадокъ изступленія при имени г-ла Берга. Происшествіе подъ крѣп. Арадомъ. Гайнау, главнокомандующій Австрійскій, не признавая одной статьи капитуляціи, заключенной гарнизономъ съ Русскими, далъ повелѣніе г-лу Шлику идти на Арадъ и воспрепятствовать, если нужно даже оружіемъ, исполненію ея. Благоразумный и благородный г. Шликъ вразумилъ своего пробѣшенаго начальника и заставилъ признать капитуляцію. Въ продолженіи шести часовъ существовало это роковое недоразумѣніе. Одно умное слово вырвалось во время всего изступленнаго монолога ф-ла. На мое замѣчаніе, какой переворотъ могъ произойти отъ этого раздора, онъ отвѣчалъ: Нѣтъ, императоры назвали-бы своихъ главнокомандующихъ дураками и уладили бы дѣло. Дрожа всѣмъ тѣломъ, такъ что эполеты плясали на его плечахъ, блѣдный, онъ хвалился, что онъ фельдмаршалъ, что окончилъ четыре войны, дѣлалъ разные намеки, ни одного однако прямо, и потомъ выбѣжалъ изъ кабинета съ крикомъ: прощайте, прощайте! къ ожидавшимъ его въ пріемной залѣ. Жалкій счастливецъ!

Отъ него я поѣхалъ къ князю Горчакову. Пріязненный пріемъ. Короткое объясненіе на счетъ движенія послѣ дѣла при Гестели. Отъ него къ г-ну Ридигеру, засталъ съ женой. Я только слушалъ, самъ не говорилъ. Вездѣ, у всѣхъ прорывается неудовольствіе по поводу кампаніи и наградъ; награжденнымъ будто стыдно, ненагражденнымъ досадно. Подошелъ Панютинъ; этотъ всѣхъ былъ счастливѣе и чисто исполнилъ свой долгъ. Онъ всѣхъ и спокойнѣе. Обѣдалъ съ Н. А. Старынкевичемъ, не знаю въ какомъ трактирѣ, очень хорошо; но прислуга вялая, и обѣдъ протянулся часа два.

12-го обѣдъ у Н. А. Старынкевича съ г. Туркулемъ въ пріятномъ и занимательномъ разговорѣ. 13-го обѣдъ у гр. Ридигера. Отъ него на чай къ Погодину. Инквизиторіальный разговоръ Реада, доведшій меня до сильнаго раздраженія. Письмо къ ф-лу: быть можетъ ошибка въ придачу ко многимъ подобнымъ въ моей жизни.—14-го выѣхалъ изъ Варшавы.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ РУССКОМЪ АРХИВѢ

1888 года*).

---

*) „Русскій Архивъ“ 1888 года состоитъ изъ трехъ книгъ (по четыре выпуска въ каждой), каждая съ своимъ счетомъ страницъ. Римская цыфра Указателя относится къ книгѣ, Арабская къ ея страницѣ. Напечатанныя курзивомъ цыфры означаютъ Дневникъ графа П. Х. Граббе, который печатался съ особымъ счетомъ страницъ черезъ весь 1888 годъ. П. Б.

*

Примѣчаніе. „Дневникъ графа П. Х. Граббе“ печатался въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 года съ особымъ счетомъ страницъ (которыя означены курсивомъ въ Указателѣ) и потому можетъ быть переплетаемъ особо, что и составитъ первую книгу этого Дневника. Вторая книга (съ возвращенія въ Петербургъ изъ Венгерскаго похода) появится въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889 года. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

(Выпуски 9, 10, 11 и 12).

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ будущемъ 1889 году имѣютъ появиться въ „Русскомъ Вѣстникѣ" повѣсти: **Д. В. Григоровича**, большая повѣсть **П. П. Гнѣдича**, затѣмъ ненапечатанная переписка различныхъ лицъ съ **А. И. Герценомъ**, статьи **С. С. Татищева**, „Воспоминанія героя Плевны" генерала **Ганецкаго**, Литературныя воспоминанія **Я. П. Полонскаго**, статьи **С. А. Рачинскаго**, „Фаустъ" въ переводѣ кн. **Д. Н. Цертелева**, статьи **И. В. Цвѣтаева**, повѣсть **Д. М. Позняка** „Встрѣча", „Севастопольцы" повѣсть **К. В. Тхоржевскаго**, „Черный лѣсъ" большая повѣсть **Н. И. Мердеръ**, „Нѣмецкое шпіонство и издательство въ Россіи" **П. Н—ча** и мн. др. Будутъ **постоянно большими частями** помѣщаться **лучшія переводныя беллетристическія произведенія**. На выборъ ихъ будетъ обращено самое тщательное вниманіе. Скажемъ нѣсколько словъ о разнообразіи и обиліи матеріала, помѣщеннаго въ 1888 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Беллетристическія произведенія занимали значительное мѣсто въ этомъ году. Кромѣ двухъ такихъ выдающихся большихъ романовъ, какъ **Вс. В. Крестовскаго** „Тьма Египетская" и К. Ѳ. Орловскаго „Молодежь" были повѣсти и разсказы нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей, какъ Г. П. Данилевскаго „Имянины прабабушки", К. Н. Леонтьева „Воспоминанія о И. С. Тургеневѣ", П. П. Гнѣдича „Весною", кн. Д. П. Голицына „Разговоръ", А. А. Фета „Мои воспоминанія", М. Вс. Крестовской „Испытанія, семейныя непріятности", кн. М. Н. Волконскаго „Мотановская крѣпость", А. А. Стерна „Изъ гнѣзда", Ев. Л. Маркова „Очерки Палестины", Н. Д. Ахшарумова „Смерть Слѣпцова" и др. Изъ переводныхъ — рядъ разсказовъ Дж. Пэна (восемь разсказовъ). Новый романъ Филиппса „Жертва", романъ А. Додэ „Одинъ изъ безсмертныхъ", повѣсти Бретъ-Гарта „Милліонеръ" и „Горная идиллія", романъ Э. Х. Муррея „Лондонцы" и др. Были въ этомъ году три единственныя большія, въ послѣдніе годы, поэмы: „Севастіанъ мученикъ" (высокопоставленнаго автора, скрывающаго свое имя подъ иниціалами К. Р.), превосходная поэма „Брингильда" А. Н. Майкова и „Яроміръ и Предслава" гр. А. А. Голенищева-Кутузова. Затѣмъ кромѣ другихъ стихотвореній названныхъ поэтовъ еще стихи: Я. П. Полонскаго, К. К. Случевскаго, кн. Д. Н. Цертелева, П. П. Гнѣдича, кн. Э. Э. Ухтомскаго, П. А. Козлова и др. Статьи научнаго содержанія по самымъ разнообразнымъ отраслямъ, историческія и политическія принадлежали выдающимся ученымъ и писателямъ. Мы назовемъ здѣсь имена: К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. И. Иловайскаго (Послѣдній Ягеллонъ) и А. Бычкова (Письма Гоголя),

С. С. Татищева (Политическіе этюды „Николай I и Пруссія“ и „Русская дипломатія въ Польскомъ вопросѣ“), Б. В. Струве („Воспоминанія о Сибири“), А. Г. Брикнера, И. П. Хрущова, И. В. Помяловскаго, К. Ф. Ордина, Я. К. Грота, Н. В. Покровскаго, С. А. Рачинскаго, П. П. Карцева, Ю. А. Кулаковскаго, И. В. Цвѣтаева, Д. В. Цвѣтаева и мн. др. По критикѣ, философской литературѣ и искусству назовемъ имена: Н. Н. Страхова „Ошибки дарвинистовъ“ „Наша культура“, К. Н. Бестужева-Рюмина „Культурно историческіе типы“, А. П. Милюкова, А. П. Мальшинскаго, П. П. Гнѣдича и др. По исторіи публицистики и литературы статьи: Н. А. Любимова („М. Н. Катковъ“), Невѣдѣнскаго („Бѣлинскій и Катковъ“). Сообщенія акад. Грота, Бычкова и др. Посвящены самостоятельныя изслѣдованія культурнымъ задачамъ Россіи въ Уссурійскомъ краѣ, въ Средне-Азіатскихъ владѣніяхъ и пр. А. Я. Максимова, Н. Т—аго и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Годовое изданіе въ С.-Петербургѣ и Москвѣ	16 рублей.
Во всѣ города Россіи	17 „
За границу	18 „

Разсрочка допускается въ два срока: при подпискѣ—9 р., остальная сумма къ 1 Іюня.

Подписка принимается въ **С.-Петербургѣ**, въ конторѣ редакціи журнала **РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ** (Бол. Подъяческая, № 39) и въ **Москвѣ**—въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи).

20-тый годъ. „НИВА“ 1889 г.

СО МНОГИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ПРЕМІЯМИ,

издаваемый **А. Ф. Марксомъ**, подъ редакц. **В. П. Клюшникова** и при постоянномъ участіи извѣстнѣйшихъ Русскихъ писателей, художниковъ и граверовъ.

ВЪ ТЕЧЕНІИ ГОДА „НИВА“ ДАЕТЪ:

1,800 столбцовъ разнообразнаго текста, 1,500 превосходно выполненныхъ гравюръ, чертежей, рисунковъ, всего:

1) **52 № журнала**, каждый въ 3—4 печатн. листа на лучшей бумагѣ.
2) **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, 12 №№ въ годъ.
3) **„Стѣнной календарь“** на 1889 годъ, печатанный пятью красками.
4) Нѣсколько небольшихъ премій, печатанныхъ разными красками.

Имѣя въ виду расширять объемъ журнала, всесторонне улучшать его, совершенствовать главную премію и увеличивать по возможности

количество безплатныхъ приложеній, мы поставлены въ необходимость нѣсколько возвысить подписную цѣну „Нивы“ (для гг. иногородныхъ только на 40 коп. противъ прошлаго года).

Въ портфелѣ Редакціи приготовлены къ печати слѣдующія новыя произведенія: **Н. Д. Ахшарумова, „ОПАСНАЯ ИГРА“**, романъ. **Князя М. Волконскаго, „МНИМАЯ ЛЮБОВЬ“**, романъ въ 2-хъ частяхъ. **Графа А. А. Голенищева-Кутузова, „ВРЕМЯ“**, стих. **Кн. Д. Голицына-Муравлина, „УВЛЕЧЕНІЕ“**, пов. **М. В. Крестовской, „ТОРЖЕСТВО ЮЛІИ АНДРЕЕВНЫ“**, романъ. **Н. В. Кукольника, „КРѢПОСТНОЙ ХУДОЖНИКЪ“**, (Посмертное произведеніе). **Евгенія Львова, „ТРИ МОГИКАНА“**, очерки изъ недавняго прошлаго земельной Россіи. **В. И. Немировича-Данченко, „ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ“**, романъ въ 2-хъ частяхъ. **П. Н. Полевого, „КОРЕНЬ ЗЛА“**, историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. **Гр. Саліаса, „БАРЫНИ-КРЕСТЬЯНКИ“**, истор. романъ. **А. В. Стернъ, „БОЖЬЕ ДИТЯ“**, разсказъ. **Ѳ. Ѳ. Тютчева, „АРТЕМІЙ САВАТЬЕВЪ“**, разсказъ. **А. Фета, „ВНѢ МОДЫ“**, повѣсть. **Кн. Д. Н. Цертелева, „ИРАНСКОЕ ПРЕДАНІЕ“. О. Чуминой, „ЗАГАДКА“**, комедія въ 1 дѣйствіи и мн. др.

Въ теченіи **1889 года „НИВА“** дастъ болѣе 50 портретовъ русскихъ общественныхъ дѣятелей съ біографіями, сотни оригинальныхъ рисунковъ русскихъ художниковъ и цѣлый рядъ копій съ картинъ, выставляемыхъ русскими художниками на выставкахъ въ Имп. Академіи Художествъ и на Передвижной выставкѣ.

При журналѣ **„НИВА“**, выдается особое безплатное ежемѣсячное приложеніе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ — въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 350 рисунковъ изящныхъ рукодѣльныхъ работъ и множество рисунковъ для выпиливанія, до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

Какъ главную премію на 1889 г. гг. **годовые** подписчики имѣютъ безплатно получить большую картину печатанную маслян. красками, съ оригинала проф. Имп. Акад. Худ. **В. Д. Орловскаго:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“,

14¾ вершка вышины и полтора аршина ширины.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ **5** р.	Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи......... **7** р.
Съ дост. въ С.-Петербургѣ.. **6** „ **50** к.	
Безъ дост. въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской).......... **6** „	ЗА ГРАНИЦУ .... **9** „

Требованія просятъ адресовать въ **С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. Марксу)**, Невскій проспектъ, № 6.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1889 году.

Университетскія Извѣстія въ 1889 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца книжками, содержащими въ себѣ до 15 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ коп., а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода *приложеній* (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4, и въ Кіевѣ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владимира.

Главный редакторъ **В. Иконниковъ**.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".
Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ 8 р. **50** к., на полгода **5** р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ **10** р., полгода **6** р. За границу на годъ **13** р., полгода **7** р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50** к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

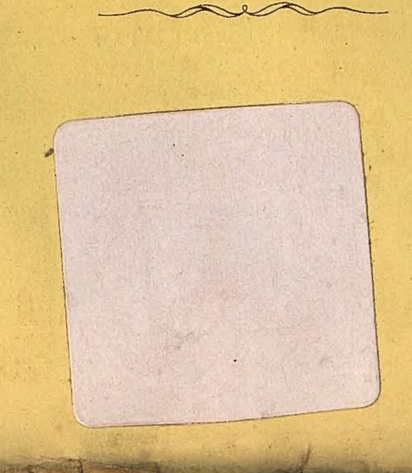
За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается **50** к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается **25** к. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ, въ конторѣ редакціи, Театральная, д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину" за 1883—87 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 гг. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Редакторъ-издатель **А. С. Лашкевичъ**.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ" будетъ выходить въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива" 1889 года составятъ три больше отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Змѣевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874, 1877, 1878, 1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива" имѣется азбучный Указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять, десять, пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива". Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива" ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ" 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.